ИНЫЕ БЕРЕГА

ЖУРНАЛ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗА РУБЕЖОМ

№2(6) 2007

14 тетрадей
Из дневников легендарного советского кинорежиссера Григория Александрова

Тайна старых Бакинских домов
Очерк о музее-квартире, где останавливался Сергей Есенин

Дом, где распускаются сердца
О музее «Дом Турбиных» в Киеве

Самое трудное - испытание временем
Беседа с Иосифом Кобзоном

Вторая Муза
О «русской француженке» Татьяне Яковлевой, знакомство с которой сыграло роковую роль в судьбе Маяковского. Новые материалы.

Русская графинюшка
Мэри Хобсон, английская переводчица русской классической поэзии

СКОРО

В ЖУРНАЛЕ ИНЫЕ БЕРЕГА

ЖУРНАЛ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗА РУБЕЖОМ

Задачка с тремя неизвестными
О музеях К.Г.Паустовского в Одессе и Старом Крыму

Первая Международная летняя театральная школа в Серпухове

Нелли Мельц-Абашина
Журнал «Таллинн» и издательские проекты

От Сибири до Стокгольма
Сестры-близнецы Вера и Лена Ефрон - потомки легендарного книгоиздателя И.Ефрона - покоряют Швецию

Варвара Бубнова - русская художница в Японии

С 2007 года

ПОДПИСКА

на журнал
«ИНЫЕ БЕРЕГА»

Подписной индекс 36219
Каталог агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»

Оформление подписки во всех почтовых отделениях Москвы, Российской Федерации и стран СНГ

Адрес редакции:
107 031 Москва,
Страстной бульвар, 10
Телефон: (0495) 650 4293
E-mail: INIE-BEREGA.RU

ИНЫЕ БЕРЕГА
ЖУРНАЛ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗА РУБЕЖОМ

На обложке Мэри Хобсон

Журнал издается в рамках Программы государственной и общественной поддержки русского театра за рубежом под патронатом Президента Российской Федерации

№2(6) 2007

Дорогие друзья!

Перед вами – новый номер журнала «Иные берега», в котором мы постарались собрать самые разнообразные и интересные материалы. Как вы видите, разрослась наша рубрика «Лица» – во многом, это благодаря вам, нашим читателям, присылающим в редакцию статьи и интервью. Стали содержательнее и другие рубрики, и это естественно – наш журнал живет, развивается, набирает силу. И надеемся – с каждым номером возрастает и ваш интерес к нему.

Было бы очень хорошо, если бы окрепла наша связь – письма, в которых вы пишете о том, что «Иные берега» нравятся вам, конечно же, очень приятны, но хочется узнать, о чем вам было бы интересно прочесть на наших страницах, чем мог бы помочь вам журнал в вашем стремлении познавать мир и людей, наших соотечественников, разбросанных по всем странам.

Мы очень ждем ваших писем, ваших вопросов, предложений. У нас в планах – новые рубрики, новые идеи. Тем более что редакция пополнилась, и я с радостью хочу представить вам ответственного секретаря журнала «Иные берега» Анастасию Ефремову. В следующем номере именно она будет приветствовать вас и, наверное, найдет какие-то важные и нужные слова для знакомства с читателями.

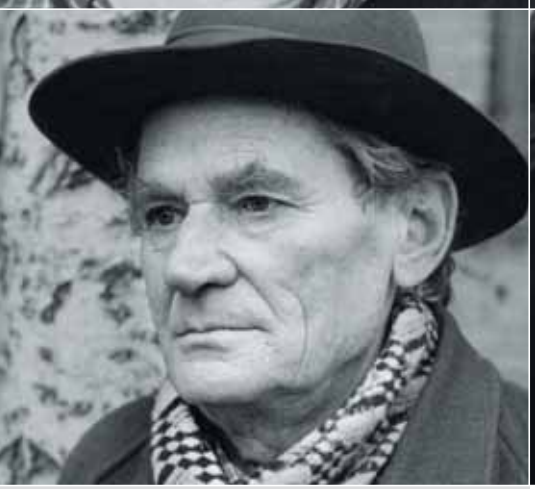
Я желаю вам всем хорошо отдохнуть летом, а когда закончатся отпуска и все вы окажетесь в привычной домашней обстановке, вы откроете новый, сентябрьский номер «Иных берегов» и, может быть, ваше доброе настроение немножко продлится…

Искренне ваша

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ,

главный редактор журнала «Иные берега»

В НОМЕРЕ



Журнал «ИНЫЕ БЕРЕГА»
Учредитель и издатель:
© Союз театральных деятелей России
Издание осуществляется при поддержке Федерального Агентства по культуре и кинематографии
Главный редактор:
Наталья Старосельская
Ответственный секретарь:
Анастасия Ефремова
Главный художник:
Татьяна Загорская
Технический редактор: **Адель Ткаченко**
Корректор: **Карина Зурабова**
Фото на обложке: **Пол Хансен**
Адрес редакции: **107 031 Москва, Страстной бульвар, 10.** Телефон: **(0495) 650 4293**
E-mail: **INIE-BEREGA.RU**
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-25141 от 28 июля 2006 года.

© Все права защищены
Перепечатка и воспроизведение частично или полностью текстов и фотографий из журнала «ИНЫЕ БЕРЕГА» только с письменного разрешения держателей авторских прав.

Подписной индекс 36219
Выходит четыре раза в год. Тираж 1000 экз.
Печать «PRINTSPACE»

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

4 Тайны старых Бакинских домов
О музее-квартире Сергея Есенина в Баку
Валентина Резникова

10 Девять дней одного года
О Русском драматическом театре Эстонии
Наталья Старосельская

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

14 Самое трудное – испытание временем
Интервью с И.Кобзоном
Вера Церетели

МУЗЕИ

22 Дом, где распускаются сердца
«Дом Турбиных» в Киеве
Кира Питоева

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

28 Последний разговор с Назымом. Фрагменты книги
Вера Тулякова

ЛИЦА

42 Крестник русского театра
Беседа с Робертом Стуруа
Инна Безирганова

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

45 К России с любовью
Борис Измайлов

ЛИЦА

46 Почти чеховская тема
Интервью с С.Степновым
Жанна Гараян

50 Пришли иные времена...
Интервью с М.Синельниковым
Винкарем Никифорович

54 Птица Сирин
О судьбе художницы И.Костиной
Валентина Резникова

58 Сюжеты родом из московского детства
Беседа с В.Кафановым
Дмитрий Амосов

64 Русская графинюшка
Жизнь и судьба переводчицы Мэри Хобсон. Елена Мовчан

70 Бедный Размик
Путешествие поэта Б.Чичибабина в Армению
Лилия Карась-Чичибабина

ФЕСТИВАЛИ

76 Яхта по имени «Победа»
Первый Международный театральный фестиваль «Соотечественники»
Анастасия Ефремова

84 Пространство сцены и пространство души
Девятый Международный фестиваль русских театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России»
Римма Кречетова

ИНОСТРАНЦЫ В РОССИИ

96 Русский след в Греции
Беседа с актером и режиссером Э.Кюрдзидисом
Лариса Давтян

ИЗДАЛЕКА

100 Путешествие по Библии
Впечатления от поездки в Израиль
Надежда Богданова

108 Пасха в Гонконге
Лариса Мусаева

110 Дубровка в Лондоне
Интервью с Натальей Пелевайн
Ирина Резникова

114 Русская песня
Анастасия Ефремова

ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА

116 14 тетрадей Григория Александрова

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

132 Вторая муза
О «русской француженке» Татьяне Яковлевой
Надежда Андреева

АРХИВ

140 Путь наверх
Русская эмиграция: первая волна. История рода Елисеевых
Надежда Алексеева

Валентина РЕЗНИКОВА

ТАЙНЫ СТАРЫХ БАКИНСКИХ ДОМОВ

О музее-квартире, где останавливался в Баку Сергей Есенин

«Я люблю Баку с его генуэзскими очертаниями, с его иерусалимскими холмами, с его выжженными высотами… /…/ Здесь идет живая культурная работа, нужная для России: ведь мы в воротах Востока. /…/ Здесь меня крепко держат, да и сам я не стремлюсь покидать Азербайджан»
Вяч.Иванов

Баку – город ветров. Наверное, найдутся читатели, которые еще помнят рассказ Б.Пильняка и фильм с таким же названием. Но речь пойдет не о фильме, а о городе, где традиционно уживались представители разных религиозных конфессий и национальностей. Именно сюда в начале 20-х годов прошлого века потянулись представители русской интеллигенции, спасаясь от голода и революционных костров. Старые мостовые и улицы города, наверное, все еще помнят этих людей. Помнят их частые прогулки, чаепития в чайхане Старого Города и длинные, бесконечные разговоры... Здесь было тепло, уютно и хлебосольно. «Сюда, в эти места древностей на Апшеронский переулок Каспийского моря, на большую дорогу времени, понаехали, пришли сотни тысяч людей: рабочих и инженеров, русских, украинцев, азербайджанцев, персов, турок, немцев, – чтобы добывать недра, ибо в цивилизации человечества теперешней эпохи бензин и мазуты, газолины, гудроны, лигроины, машинные масла, мылонафт, парафин, асфальт – кидают в небо самолеты, движут по океанам корабли и заасфальчивают дороги и улицы городов. Пустыня просоленной, занефченной земли, бывшей алтарем огнепоклонников, испугавшихся огня, земля проклятая для естественной человеческой жизни, на сотни квадратных верст исколота сотнями эйфелевых башен нефтяных вышек, десятки тысяч людей скважат и тартуют землю, – чтобы двигать человеческую цивилизацию!... – а в чай-ханэ в Старом Городе персы и турки ведут, вьют верей средневекового азийства, и оттуда в Персию уходят караваны верблюдов, товары на горбах которых покрыты чудесными ширазскими коврами, такими, около которых никогда не ютилась ни одна, никакая машина, даже стальная игла. На лилиях мечети в Старом Городе зорями закатов перетряхивают метафизику Азии гортанные глотки мулл…».

Этот достаточно большой отрывок воспоминаний писателя о своей бывшей родине я нарочно привожу здесь, чтобы дать возможность хоть немного прочувствовать атмосферу жизни тех дней. Лучше, чем Пильняк, о Баку я не могла бы сказать. Люди в этих краях всегда были радушными и добрыми. Многие из приехавшей интеллигенции оставались здесь навсегда, некоторые – на десятилетия, другие – возвращались сюда снова и снова, чтобы найти душевное равновесие в структуре новых времен. Иные через Тифлис уезжали в Турцию, чтобы потом найти где-то другой дом: во Франции, Германии, Чехии. Но годы, прожитые в Баку, наверное, помнили всегда. Какие это были имена! Вячеслав Иванов, Глиэр, Борис Пильняк, Михаил Жаров, Фаина Раневская, Сергей Майоров, Сергей Городецкий, Владимир Маяковский, Сергей Есенин… Список можно продолжать до бесконечности. Поэты, художники, артисты, писатели, философы, историки, архитекторы, инженеры, политработники! Они нужны были стране, пережившей нефтяной бум и стремительно двигавшейся в сторону европейского сообщества, европейской культуры. Впоследствии именно из Баку выйдут люди, чьи имена станут известны во всем мире. Не могу удержаться от того, чтобы не привести небольшую выдержку из письма Вячеслава Иванова к Валерию Брюсову от 12 июля 1923 года: «Опять слышу твой дружеский зов – в Москву, к совместной работе. Но, милый, верный, старый друг, оставь меня и моих на юге. Дай еще погреться на субтропическом солнце, на которое я не жалуюсь и в пору здешнего зноя. Синее Хвалынское море смягчает его ярость и утешает даже в отсутствие зелени. Я люблю Баку с его генуэзскими очертаниями, с его иерусалимскими холмами, с его выжженными высотами… /…/ Здесь идет живая культурная работа, нужная для России: ведь мы в воротах Востока. /.../ Здесь меня крепко держат, да и сам я не стремлюсь покидать Азербайджан».

Человек высокой культуры, редкой образованности, эстет, ученый, он в те времена преподавал в Бакинском Университете, имел широкий круг общения и новых друзей, чувствовал себя востребованным и необходимым именно здесь, «в воротах Востока». Одна из многочисленных тем, которые тогда занимали его чрезвычайно, была тема духовной памяти человечества, проистекавшей из духовного взаимопроникновения культур. «Сама культура в ее истинном смысле для меня вовсе не плоскость, не равнина развалин… /.../ Она есть память не только о земном и внешнем лике отцов, но и о достигнутых ими посвящениях. Живая, вечная память, не умирающая в тех, кто приобщается этим посвящениям!» («Аринский буколион и древнейшие буколические культуры в Аттике», Баку, 1923 г.).

Живая, вечная память! Хорошо, когда она есть. И есть люди, которые готовы вопреки всему – всем страхам и запретам – следовать велению сердца, сохраняя эту память для потомков. Мы еще очень хорошо помним недавние времена, когда на кухне в машинописных вариантах читали Цветаеву, Бродского. Еще раньше – Есенина, Пастернака. Многих других. Но, как сказал классик, рукописи не горят. До тех пор, пока бьется хотя бы одно человеческое сердце, хранящее любовь «к отеческим гробам, к родному пепелищу».

В городе Баку очень много домов, квартир, семей, где сквозь годы и лихолетья бережно хранятся свидетельства пребывания великих людей России, оказавших влияние на уровень и становление культуры многих последующих поколений бакинцев. Даже есть люди, которые ради продления духовной памяти поколений, сохранения русской культуры в «воротах Востока», готовы идти на ежедневный гражданский подвиг, превращая собственное жилье в литературную гостиную для встреч студентов и интеллигенции. Такое подвижничество в наш прагматичный век достойно не только

Шкафчик из Вероны

Супруги Москаленко

Уголок мемориальной комнаты

уважения, но и преклонения.

Имя Ирины Георгиевны Трофимовой известно в городе очень многим. В ее квартире по улице Горького (ныне – М.Ибрагимова), ставшей очагом русской культуры, своеобразным музеем на дому, литературной гостиной давно уже традиционно происходят встречи поэтов, писателей, журналистов, визиты высокопоставленных должностных лиц, российской и бакинской интеллигенции. Верная данному когда-то слову, она рассказывает им о деятельности известных людей прошлого века, бывавших в этой квартире: выпускнике Санкт-Петербургского института гражданской инженерии имени Николая I архитекторе Йозефе Гославском, построившим много красивых зданий в Баку, за что и был назван «кавказским Растрелли», гениальном русском поэте Сергее Есенине и многих других, чьи судьбы странным образом пересеклись здесь. В этом доме. В этой квартире. В этой комнате, которая когда-то принадлежала Федору Непряхину и по сей день, по настоянию хозяина, сохраняет тот же облик, что и в 1924 году. Та же мебель, те же обои, те же музыкальные инструменты, тот же графинчик. Все, чего касалась рука поэта – подлинное. Даже зеркало, в которое он поглядывал иногда, стол, за которым сиживал не раз. И любимое место за столом.

Странным, непостижимым образом картины прошлой жизни и атмосфера дома оживают, и кажется, если посидеть немного в тишине, распахнется дверь и… появится Сергей Есенин. Живой, улыбающийся, веселый. А, может, это будет Сергей Безруков, который тоже побывал в этой комнате в июле 2004 года в период съемок фильма о Есенине и, приникнув к огромному зеркалу, долго стоял, как будто хотел перенестись в прошлое, услышать дыхание поэта, его голос и душу. А можно представить и молодого Йозефа Гославского, стоящего у огромного (сейчас таких уже не делают) черного мольберта, который по сей день хранится за спинкой старинного дивана, и рисующего здание будущей Городской думы (ныне – мэрия), а в кабинет друг за дружкой вбегают шалящие малолетние дети, которым так хочется отцовского внимания! Но их тут же уводит няня, предусмотрительно оставив на новом буфете часы, которые должны напомнить пану о предстоящей встрече с нефтепромышленником Тагиевым. Кстати, буфет этот – XVIII века, сделанный безымянным мастером в Вероне и переживший не только своего хозяина, но и многие века…

Великий «кавказский Растрелли» умрет совсем молодым, сильно простудившись под проливным дождем на строительстве очередного архитектурного шедевра для Баку. А потом, в 30-е годы XX века, кладбище, где его похоронят, будет превращено хозяевами новой власти в парк им.С.Кирова. Теперь, когда этой власти нет, там опять кладбище. А имя великого поляка увековечено на мемориальной доске, не так давно установленной на доме, где он недолго жил у родственников, а после часто бывал. Могло бы там появиться и имя русского поэта Сергея Есенина, перед гением которого преклоняются поляки. Это они, представители польского посольства, узнав об истории жизни своего соотечественника, с готовностью предложили свою помощь в многолетней борьбе Ирины Георгиевны с чиновниками за возможность установить на доме мемориальную доску Есенину. Правда, с одним условием, что имя их соотечественника тоже будет упомянуто. История имела бы счастливый финал, если бы господин М.Забелин, возглавляющий Русскую Общину, поставил свою подпись в нужном для этого документе. Но он, несмотря на то что дом постройки 1889 года действительно имеет архитектурную ценность, ничего не подписал. И теперь на доске только одно имя – польского архитектора. Все-таки ему повезло больше. У него есть соотечественники, понимающие значение слова «патриот» не на уровне бюрократического росчерка пера.

У Есенина таковых не оказалось. Погиб на взлете, не допев своей песни, не угодный партократической бюрократии нового строя, и теперь, давно оправданный и признанный, не нашел воплощения в памяти города, где был столь любим и счастлив.

Какая трагическая судьба! Покидая в 1925 году Баку и новых своих друзей, надеялся ли он вернуться? Предчувст-

Фрагмент экспозиции

Есенин с Айседорой

Графинчик, из которого пил поэт

вовал ли трагический ход событий? Ирина Георгиевна уверена, что не только предчувствовал, а стремительно летел навстречу. И, может быть, эти частые наезды сюда, в Баку, пребывание в этой квартире, в этом доме были всего лишь отсрочкой неизбежного. Ах, если бы стены умели говорить, как люди! Как много узнали бы мы с вами от этого крепкого, несмотря на перенесенное землетрясение, дома. Как много сердечных тайн своих обитателей хранят такие дома. И драматических судеб. И мистических хитросплетений и пересечений. И много такого, чего не в состоянии передать ни один человек. Ирина Георгиевна, хранительница многих тайн прежних обитателей этого дома, не все из них отдает в окружающий мир. И поступает, наверное, правильно. Таких домов, как этот – номер 11, что по улице Мирзы Ибрагимова, в Баку еще много. Пока еще их не успели поглотить кашалоты-небоскребы, безжалостно уродующие неповторимый архитектурный облик города-красавца. Журналисты Всероссийской Государственной радиокомпании «Голос России», побывавшие в этом доме в 2001 году, написали великолепную статью, почти воззвание к соотечественникам-патриотам, на которую никто не откликнулся. Вот выдержка из статьи: «Этот дом, эти люди, эта страна 76 лет назад обогрели великого русского поэта Сергея Есенина. А он подарил миру великую поэзию! Но мир несовершенен. Сегодня этому дому нужно помочь. Помочь сохранить себя и тот необыкновенно теплый, родной дух русской культуры, который некогда поселился здесь, в этих разрушающихся стенах. Стараниями Ирины Георгиевны этот дух пока жив…». Жив пока и дом, которому нанесен ущерб землетрясением, но, чтобы сохранить его, требуется финансовая поддержка. На мизерную пенсию этого не сделаешь. И хозяйка долго переживала, что не сможет сдержать слова, данного когда-то Федору Непряхину: сохранить этот маленький островок есенинского обитания в Баку. Теперь, когда на доме появилась мемориальная доска с именем Гославского, у нее появилась надежда, что дом останется жить. А значит, будет жить и эта комната, которая помнит поэта таким, каким он был на самом деле. Без всяких идеализаций и прикрас. А история взаимоотношений дома и его обитателей началась давно. До революции все правое крыло бельэтажа занимал в этом доме дед Ирины Георгиевны по материнской линии, Анатолий Васильевич Сысоев, приехавший со своей семьей из Петербурга в 1902 году. Он-то и стал первым инженером-нефтяником, заведовал первым Бакинским газопроводом, затем – нефтепромыслом, а в 1918-1920 гг. – отделом в конторе нефтепромышленника Шамси Асадуллаева. Здесь, в этой квартире, родилась в 1912 году мать нынешней хозяйки – Елена, которая всегда вспоминала поэта, как человека с «копной золотых волос». К 1924 году эту квартиру сделали коммунальной и подселили в нее сначала двух братьев большевиков Федора и Григория (известен был тем, что спас жизнь Серго Орджоникидзе, вывезя его из опасного места на арбе под сеном) Непряхиных, уроженцев старинного молоканского села в Азербайджане Алты-Агач. Позже в этой же квартире, в комнате Григория, поселились прибывшие из Москвы супруги Москаленко – Иван Михайлович и Надежда Иосифовна. Он – ответственный партийный работник, был приглашен в Баку для работы Петром Ивановичем Болдовкиным (партийная кличка – Чагин), с которым его связывала большая дружба с детских лет. Она, статная красавица-волжанка, с огромными серыми необычайно красивыми глазами, чудесными пышными волосами, ассоциировалась с образом некрасовской героини. Не удивительно, что оба брата, увидев ее, влюбились без памяти. Сразу и на всю жизнь. Она выбрала младшего – Григория. И этим положила конец всем родственным отношениям между братьями на всю оставшуюся жизнь. В огромной коммуналке, где все комнаты были проходными, а все двери – настежь, тут же и навсегда все стало закрыто наглухо. Именно сюда, в эту квартиру и привел Чагин, второй секретарь Компартии Азербайджана, главный редактор газеты «Бакинский рабочий», Сергея Есенина. Привел к своему другу Ивану Москаленко. Федор Непряхин, полуграмотный, но тонко чувствующий кра-

соту русского слова, душой тяготеющий ко всему прекрасному, полюбил в поэте его мятежную душу и большой талант. Стал преданным другом на все времена. И даже во времена запретов на имя Есенина он хранил все, что было с поэтом связано: мандолину, на которой тот, забавляясь, играл, графинчик, в который поэт почему-то всегда переливал содержимое бокала и пил, потягивая жидкость из узкого горлышка, стол, за которым сидел, и даже однажды, дурачась, танцевал, диван, на котором доводилось ему спать, программку на МХТовский спектакль с Качаловым в главной роли, который давали в помещении Маиловского театра (ныне – оперы и балета) и после которого Есенин написал известные стихи, напечатанные на следующий день в «Бакинском рабочем» и в тот же вечер врученные артисту в театре за кулисами. Пряхин рассказывал школьнице Ирочке, кто такой Есенин, неизменно повторяя: «Светлый был человек». И рассказы Федора Семеновича носили всегда характер гражданского звучания. Они были связаны событиями и деятельностью литературного кружка, созданного при «Бакинском рабочем» по инициативе Чагина (чтобы занять делом Есенина). Имел ли Пряхин отношение к НКВД, мы не знаем. Но то, что Чагин вынужден был контролировать действия поэта – это факт уже общеизвестный. Мне доводилось слышать в музее Есенина в Мардакянах одну забавную историю о том, как Есенин рвался в Иран и как его, подпоив вином, вывезли на лодке в Каспийское море, покатали и привезли в Мардакяны. Там поселили на территории бывшего имения нефтепромышленника Тагиева, который отовсюду привозил разные диковинные растения и высаживал здесь, на родной земле, мечтая создать парк с образцами деревьев, растущих в разных уголках мира. Естественно, экзотические растения, приглашенная танцовщица восточных танцев, разгуливающие повсюду павлины – все это создавало иллюзию пребывания в экзотической стране. Так появился цикл стихов «Персидские мотивы». Конечно, потом шутники сознались в содеянном. И, говорят, Есенин оценил этот дружеский розыгрыш по достоинству. Или это легенда? Ирина Георгиевна говорит, что никогда не слышала об этом от близких есенинских друзей. Так это было или нет, но поэт полюбил это место и впоследствии возвращался сюда не раз. Вернувшись в апреле 1925 года в Баку, он отправляется с друзьями на новые нефтепромыслы Биби-Эйбата – на фаэтонах, с провизией, добрым домашним вином и в прекрасном весеннем настроении. Там его интересует буквально все: процессы добычи, производства, условия работы рабочих. Он живо интересуется всем, беседует с рабочими. И кажется, как вспоминал Непряхин, чувствует себя абсолютно счастливым. Но вдруг, как это часто бывает в этих местах, неожиданно срывается резкий ветер и начинает темнеть. Все стали быстро собираться в обратный путь. И тут, неожиданно для всех, Есенин подбегает к краю открытого резервуара с нефтью, на мгновение замирает и бросается вниз. По счастью нефть – не вода. Она держит поэта на поверхности, не давая утонуть. Конечно же, все бросились к нему, вытащили, но пришлось в эту ветреную погоду отмывать поэта в море. И как результат – воспаление легких и скоротечная горловая чахотка. Таков диагноз, поставленный врачами в больнице водников имени Рогова, где и пришлось поэту полежать какое-то время на излечении.

В письме к Г.Бениславской от 11 мая 1925 г. он сообщает: «Лежу в больнице. Вернее отдыхаю. Не так страшен черт, как его малютки. Только катар правого легкого. Через 5 дней выйду здоровым. Это результат батумской простуды, а потом я по дурости искупался в середине апреля в море при сильном ветре». Непряхину же Есенин с большим удовольствием сказал, что прошел второе крещение – нефтью. Почему-то это для него было очень важно. Однако в эти дни больничного «отдыха» поэт интенсивно работает, много пишет, регулярно печатается. Его постоянно навещают. Он, даже находясь на излечении, не прерывает связи с литкружковцами. Кто-то из них, навестив поэта, выпросил его новые стихи, а на очередном заседании выдал их за свои. Есенин, узнав об этом, долго смеялся. В особенности, когда ему рассказали, как участники кружка дружно раскритиковали его стихи: и тема мелковата, и рифма плохая, надо еще работать и работать. Выписавшись из больницы во второй половине мая, Есенин продолжает руководство кружком. В память об этом хранится в доме фото, где крайний слева в первом ряду – это Ф.Непряхин, а в центре – Есенин. И еще одна фотография бережно сохраняется все эти годы. Это – портрет Есенина с его надписью: «Сергей Есенин – Непряхину Федору». В свои преклонные годы Федор Семенович, вспоминая Есенина, неизменно повторял: «Я никогда больше не встречал такого красивого человека».

Когда же Ирочка подросла и его воспоминаний уже недоставало, чтобы удовлетворить ее любопытство, он, махнув рукой в сторону двери уже покойного брата, сказал: «Иди к ней. Она многое может рассказать». К ней – значит к Надежде Иосифовне, которая действительно многое помнила, но рассказывала не все, опасалась кого-то подвергнуть опасности. Она помнила, как здесь, в этой квартире, в кругу друзей, поэт охотно и много читал стихи, рассказывал о странах, которые довелось ему увидеть, как на спор отплясывал на столе лезгинку. Воспоминания о самой первой встрече с поэтом в квартире Непряхина у нее были не самыми лучшими. Она накрывала стол к приходу гостей, которые должны были прийти с минуты на минуту. И вдруг отворяется дверь. На пороге незнакомый человек. «Некто с темным лицом», – вспоминала она. Шатаясь,

он подошел к столу, ухватился за край скатерти и резко дернул. Все полетело на пол. Хозяйка была в ужасе и отчаянии. А на следующий день он – тихий, вежливый, с гладко зачесанными назад волосами и светлым лицом, предстал перед ней с извинениями, преподнося отрез очень дорогого по тем временам английского сукна. Будучи женой ответственного сотрудника ЦК, она, вместе с мужем и семейством Чагина, которого всегда называла только Болдовкиным, часто отдыхала на правительственной даче (бывшее имение Тагиева) в Мардакянах. Здесь же впервые познакомилась с Софьей Толстой, которая в августе 1925 года приехала сюда с Есениным, чтобы тот закончил здесь свое лечение. Поэт был весел и общителен, но было в этом настроении еще что-то, что беспокоило. Чагина он постоянно называл Чага, или Чаганэ. Иногда вдруг позволял себе за дружеским столом превратиться в героя своей поэмы – «черного человека». Одному Богу известно, что в тот момент роилось в его голове, но только Надежде Иосифовне приходилось и здесь, на даче, видеть в нем то темное, вдруг проступавшее из каких-то непонятных глубин его сознания, или души. Это был совсем другой человек. Чужой. Незнакомый. Непредсказуемый. Вдруг влез на подоконник и хотел броситься вниз. Она едва успела ухватить его за рубашку. Рубаха трещала по швам, рвалась. «Я изо всех сил держала его, тянула назад. Трудно было: силен, крепок был парень, но я удержала его. Рубашку жалко было: порвалась, а красивая была, вышита крестиком». О Софье Андреевне Толстой вспоминала всегда с симпатией. Характеристику давала лаконичную, но емкую – «серьезная, скромная, простая».

Она приедет потом к Надежде Москаленко, много лет спустя после гибели мужа. Они долго просидят в той самой, отгороженной дверью Гришиной комнате, и Ирина, уже студентка вуза, тоже увидит ее приход. Но о чем так долго будут говорить эти две хорошо знавшие Есенина женщины, так никто и не узнает…

Огромное зеркало, старинная мебель – они помнят поэта живым и таким разным! Порой кажется, что мистическим образом они умеют рассказать о нем тем, чье сердце открыто духовной памяти. Наверное, поэтому есенинские стихи, которые в этой комнате читал Сергей Безруков, звучали так, как будто это через толщу лет прорвался голос самого поэта.

В комнате, где все это хранится и где когда-то жил Федор Непряхин, сейчас никто не живет. В ней бережно собрано все то, что имело отношение к жизни великого русского поэта. К русской культуре. Но как все это сберечь для потомков? У мемориальной комнаты нет официального статуса. А значит, она юридически не защищена. Ирина Георгиевна почти 20 лет своей жизни посвятила тому, чтобы добиться хоть какого-то официального статуса. Пока это только мемориальная доска, на которой нет имени Сергея Есенина. А сил у нее с каждым годом все меньше. И вполне естественно, что ее беспокоит вопрос о том, кто же продолжит ее добровольную миссию по сохранению духовной памяти?

Время бывает безжалостным к тем, кто не может отличить подлинной ценности от мнимой. Ау-у! Господа патриоты, если вы еще есть! Господа меценаты, если…

Может быть, случится чудо и кто-то из вас сердцем вспомнит, что рязанский паренек Сергей Есенин – часть нашего не только прошлого, но и настоящего. А как насчет будущего? Хотелось бы, чтобы оно тоже было общим. Так же, как и Сергей Есенин. Гениальный поэт. Красивый человек. Парень с копной золотых волос…

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ОДНОГО ГОДА

Черты портрета Русского драматического театра Эстонии

Таллинн в любое время года – это ожившая сказка Гауфа или братьев Гримм. Современные здания, устремившиеся к самому небу, яркие вывески банков и всевозможных фирм почему-то совершенно не мешают этому ощущению: делаешь несколько шагов в сторону и оказываешься в Старом городе. Поднимаешься вверх и оказываешься на Вышгороде, где теперь ежедневно на башне Длинный Герман поднимают и опускают флаг, отмечая начало и завершение дня...

«Счастливых будней!..»

Если идешь по Старому городу поздним вечером, можно заблудиться в узких улочках и никого не встретить, чтобы спросить дорогу. Вот тут и возникает ощущение сказки: старинные дома, стены которых так много помнят, тускло освещающие путь старые фонари, островерхие крыши, на многих из которых флюгеры; тихо падает снег, и вокруг то особое безмолвие старины, которое словно лишает тебя ощущения времени. Удивительное чувство! – оно посещает человека далеко не во всех городах, а вот в Таллинне почему-то проявляется остро, сильно.

За девять дней, проведенных в этом городе, было очень много интересного, важного, впечатлений накопилось столько, что, наверное, придется еще не одну неделю и даже не один месяц как-то «укладывать», «классифицировать» их. И то вряд ли получится, потому что невероятно трудно соединить впечатления от встречи с основательным, серьезным, энциклопедически образованным и очень интересным собеседником Рейном Раудом – ректором Таллиннского университета, из кабинета которого видно море, а сам Университет напоминает огромный аквариум, столько здесь стекла, света, простора. И от встречи с великой энтузиасткой Нелли Абашиной, которая вопреки всему вот уже много лет держит журнал «Таллинн» на русском языке, не давая ему пропасть, что было бы очень легко в нынешней нашей реальности. Вся редакция – маленькая комнатка, заполненная книгами и журналами, но воспринимается она как неугасимый огонек России, русской культуры.

Таких встреч было много. И с замечательным режиссером Эльмо Нюганеном, и с доброй старой подругой Людмилой Еланской, школьным преподавателем, названной в прошлом году в числе лучших педагогов Эстонии, чем я искренне горжусь вместе с ней. И с режиссером, бывшим министром культуры Эстонии, а ныне депутатом Яаком Алликом, и с театральным и литературным критиком Борисом Тухом, и с давними друзьями – режиссером Инго Норметом и его женой, удивительной, завораживающей актрисой Тийей Криизой, которая сегодня уже не актриса, а писательница...

О каждом из этих людей можно, право слово, написать отдельный очерк. Но предметом моей командировки был Русский театр, который чуть меньше года назад возглавил режиссер и педагог из Москвы Михаил Николаевич Чумаченко. Театр был открыт после долгой реставрации в сентябре 2006 года,

«Король Дроздобород»

«As you like it»

и с той поры по сегодняшний день чуть ли не ежемесячно там показывают премьеры. Чумаченко ставит сам, приглашает эстонских и русских режиссеров, вообще выстраивает политику театра на редкость разумно и обдуманно. Здание театра – невероятной красоты! В первые же часы после моего приезда меня провел по всем помещениям, с гордостью рассказывая о каждом, заведующий постановочной частью Райво Таук. Невозможно было предположить, что через несколько дней я буду приглашена в ресторан «Арт-Империя», находящийся здесь же, в здании театра, на прощание с Райво – он ушел из театра на другую работу и, честно говоря, мне очень трудно представить, как этот увлеченный, энергичный человек, буквально болеющий театром, будет чувствовать себя в другом «рабочем пространстве». Райво и сам был невесел в этот час прощания, но что поделаешь? – жизнь нередко заставляет нас принимать решения, не слишком ложащиеся на душу...

За девять дней мне довелось увидеть премьеру «Дядюшкина сна» по Ф.М.Достоевскому (постановка М.Чумаченко), спектакли «As you like it» Шекспира (режиссер Т.Сополев), «Королю холодно» А.Таммсааре (постановка И.Нормета), «Счастливых будней!..» Я.Тятте (режиссер Р.Баскин), «Доходное место» А.Н.Островского (постановка М.Чумаченко), «Король Дроздобород» бр.Гримм (режиссер П.Стружкова), «Танцы на празднике урожая» Б.Фрила (постановка М.Фейгина), генеральную репетицию «Трактира «Мирандолина» К.Гольдони в постановке Э.Томана и черновой прогон молодежного спектакля выпускника магистратуры Центра им. Вс.Мейерхольда А.Потужного «Река на асфальте» А.Липскерова.

А в одном из самых известных на сегодняшний день в Эстонии театров, Городском, расположенном в старинном доме в самом сердце Старого города, посчастливилось посмотреть «Карин и Индрек», четвертую часть тетралогии А.Таммсааре в замечательно подробной и точной режиссуре Эльмо Нюганена с блистательными актерскими работами, и спектакль, поставленный Адольфом Шапиро, «Это так...» Л.Пиранделло – яркий, театральный, веселый, но, как всегда это бывало у Шапиро в лучшие времена, исполненный подлинно философской мудрости и печали.

Можно, конечно, описать и проанализировать каждый из спектаклей в отдельности, отмечая пленительную игровую стихию сказки «Король Дроздобород», в которую оказываются втянутыми все зрители – и взрослые, и дети; или говоря об очевидной затянутости спектакля «As you like it», где очень быстро после начала теряется ритм и действие начинает казаться вязким, несмотря на хорошие актерские работы; или восхищаясь точной, ритмичной, но в то же время подлинно философской внутренней атмосферой «Танцев на празднике урожая» (здесь необходимо отметить работу хореографа из Москвы Т.Борисовой!); или оценивая режиссерскую изобретательность и мастерские актерские работы в «Доходном месте» (особенно надо сказать о Юсове-О.Рогачеве); или с грустью отмечая, как самая, быть может, интересная линия в пьесе Таммсааре, сближающая ее с шекспировским «Королем Лиром» и с «Эскориалом» М.Гельдероде, линия Короля и Шута, обрывается внезапно, так и не получив внятного решения, несмотря на то что в ролях – признанные мастера, Э.Томан и Х.Контрерас; или бездумно наслаждаясь современной эстонской комедией «Счастливых будней!..» в мастерском исполнении Л.Саванковой, Л.Агаповой, А.Ивашкевича и О.Рогачева, поражаясь тому, насколько близким по своей эстетике оказывается молодой Яан Тятте завоевавшей сцены всей России и СНГ Надежде Птушкиной. Можно, наконец, серьезно порассуждать о «Дядюшкином сне», в котором Михаил Чумаченко увидел и воплотил невымышленную современность Достоевского, сделав

«Королю холодно»

«Танцы на празднике урожая»

свой спектакль и смешным, и грустным, и внятным каждому...

Но, мне кажется, подробный анализ спектаклей в контексте данной статьи – не самое главное. Главное – другое. Та политика русского театра за рубежом, которую Чумаченко выстраивает обдуманно, в каком-то смысле осторожно, но чрезвычайно разумно.

В Русском театре Эстонии сильная и интересная труппа, во многих городах России хорошо известны имена Лидии Головатой, Лилии Шинкаревой, Ларисы Саванковой, Любови Агаповой, Ксении Агарковой, Херардо Контрераса, Эдуарда Томана, Олега Рогачева, Александра Ивашкевича и других. После окончания Школы-студии МХТ вернулся домой целый курс – среди молодых артистов есть очень талантливые ребята, основательно задействованные сегодня в репертуаре. То, чему они не успели научиться в Москве, они, несомненно, «доберут» здесь, учась у признанных мастеров, которые, слава Богу, в труппе есть. Играя с ними рядом в спектаклях, молодые артисты продолжают учиться, и то, что они являют на сегодняшний день, заставляет поверить: у Русского театра есть будущее.

После ремонта зал радиофицирован, и если еще совсем недавно о Русском театре говорили как о почти исключительно «традиционном сборе» русскоговорящего населения Эстонии, то теперь здесь часто можно услышать эстонскую речь. Причем приходят эстонцы совсем не только на постановки известных эстонских режиссеров – Инго Нормета, Романа Баскина, и не только на современную эстонскую пьесу Яана Тятте или эстонскую классику Антона Таммсааре, а на русскую классику, на Шекспира, на Фрила. На афише, висящей возле кассы театра, отмечены спектакли, на которые билетов уже нет – их довольно много, и это радует. Правда, в театре говорят, что, в основном, нет мест в Малом зале, рассчитанном на сто зрителей, но, как гласит пословица, «свято место пусто не бывает» – верится, что и на Большой сцене скоро будет так. Сегодня над новыми спектаклями работают Михаил Чумаченко, Каарин Райд; в планах театра – инсценировка романа Яана Кросса «Императорский безумец», на главную роль в котором приглашен артист и режиссер Эльмо Нюганен. Когда-то все мы зачитывались этим романом, вышедшим на русском языке в серии «Библиотека журнала «Дружба народов», воспринимая сложные отношения Петра Первого и Тимофея Бока почти как детективную историю о начале связей между Россией и Эстонией. Сегодня, как представляется, более чем уместно прочитать этот роман со сцены театра!..

В нынешнем сезоне Русский театр стал лидером по премьерам, и эта тенденция успешно продолжается. В уютнейших Зеркальном фойе и Каминном зале проходят пресс-конференции, презентации, есть здесь и художественная галерея, где устраиваются выставки русских и эстонских художников. Михаил Николаевич Чумаченко мечтает о том, чтобы получать регулярно театральные и посвященные вопросам культуры журналы на русском языке и распространять их среди зрителей, а, может быть, время от времени и устраивать обсуждения – ведь проходят же здесь обсуждения спектаклей, и порой они бывают очень содержательными и полезными как зрителям, так и театру.

Это и есть, на мой взгляд, культурная политика – та, что в каком-то смысле значительно важнее «большой политики», в которой мы мало что смыслим: и русские, и эстонцы, и люди других национальностей. Но мы всегда интуитивно тянемся к тому, что объединяет, что говорит нам о нашей общности, неразделенности, что помогает нам существовать в этом мире вместе, невзирая на разделяющие нас государственные границы.

Этим и занят сегодня Русский театр Эстонии и его руководители. Дай Бог им удачи во всем!..

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

САМОЕ ТРУДНОЕ – ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

...Вы поете, встречаетесь со зрителем – вот это и есть жизнь. Я прожил такую жизнь. Не жалею ни о чем, не хочу вернуть ни один день, но и не променяю один день ни на что. Поэтому я считаю себя состоявшимся, счастливым человеком.

Иосиф Кобзон – личность почти хрестоматийная, при этом поразительная. Прежде всего своей неуемностью. Почить на лаврах ему явно не суждено. Накануне 70-летия он проводит юбилейное турне по ближнему и дальнему зарубежью, в котором значатся 17 стран и 25 городов. Каково?! Так что его намерение расстаться с эстрадой, о чем певец заявил в свое 60-летие, не сбылось. Он продолжает выступления по городам и весям, собирая полные залы, удивляя своих поклонников широтой репертуара – от песни о Родине до Хава-Нагилы. По его словам, самое трудное – испытание временем. Это испытание он выдержал. Ян Френкель называл Кобзона человеком, олицетворяющим собой целую эпоху российской эстрады. Так оно и есть.

Чуть ли не все советские хиты спеты голосом Кобзона, недаром его называют исполнителем государственной песни. А еще его называли народным продюсером СССР: он первым в нашей стране начал петь сдвоенные сольные концерты, иногда по три в день, первым стал исполнять песенные циклы, его концертные отделения длились по два часа, при этом он никогда не поет под фанеру... Итак, Иосиф Кобзон – народный артист, депутат Государственной думы России, влиятельный общественный деятель.

Твердым размашистым шагом он влетает в свой московский офис в гостинице «Пекин», а здесь по расписанию его ждут две съемочные группы российского ТВ, ваша покорная слуга из Тбилиси, бесконечные звонки и приходящие по делам на пару слов знакомые. Из известных мне лиц я увидела г-на Аушева, а по телефону пресс-секретарь как раз говорила с Тбилиси – телеканал «Имеди» желал заполучить Кобзона для телемоста Тбилиси-Москва. В приемной шутили – у нас сегодня грузинский день.

Пока москвичи общались с Грузией, я изучала офис. Стены увешаны как в музее, только плотнее. А в качестве экспонатов – награды, благодарственные письма, поздравления (в том числе от Президента), дипломы и свидетельства с самыми разнообразными формулировками. Тут и Архиерейская грамота, и почетный титул Живая легенда, и Орден гражданской чести – «За выдающийся исторический вклад в развитие России XX столетия», и еще масса всего из разных точек мира.

После двух съемок в разных интерьерах офиса, приватного разговора с Аушевым состоялась и моя аудиенция.

– Иосиф Давыдович, накануне своего 60-летия вы грозились, что расстаетесь с эстрадой. Но, кажется, сильно погорячились, судя по вашему предстоящему турне.

– На мой взгляд, предельный возраст есть как в спорте, так и в искусстве.

– Разве в искусстве есть возрастной предел?

– Для писателя нет предела, для людей театра – тоже. А я говорю об эстраде. Да, Азнавур может и в 70 лет петь, у него жанр такой – шансон, городской романс. А на нашей эстраде, когда справа и слева пляшут полураздетые девчонки и мальчишки, мужик, которому за 60 лет, вызывает странную реакцию… Либо он должен быть любимым и его очень хотят увидеть и услышать. Почему в армии существует возрастной ценз 50 лет? Генерал – 55 лет. В особых случаях до 60, и это нормально. И на эстраде тоже так. Но в связи с тем, что мы живем в рыночной экономике, никому не подчиняемся и по большому счету никому не нужны, то никто и не говорит – уходи, тебе уже 60. А если меня приглашают? Я буду с удовольствием выходить на сцену. Это мой наркотик, моя жизнь, все, чем я живу, и с чем я прожил, слава Богу, большую жизнь. Мы уже идем с ярмарки, как говорят у нас на Украине...

– Иосиф Давыдович, ваше юбилейное концертное турне по странам СНГ – это только культурная акция или здесь предполагается какая-то символика?

– Я – дитя советского периода, дитя военного периода. Я хочу уходить из этой жизни со своим отношением к своей великой родине. Я горжусь тем, что у меня была великая держава. Несмотря на то, что она претерпела серьезные изменения, и все наши братские республики стали суверенными государствами, для меня она как была великим Советским Союзом, так и осталась. И я благодарен тем государствам, которые не отказались от моих публичных выступлений.

Но здесь никакой политики нет, уверяю вас. В моей программе не будет ничего такого, чтобы могли сказать – вот, он приехал к нам пропагандировать – ничего подобного. Я приехал, чтобы пропагандировать творчество Кобзона. Не нравится, не приходите на концерт, не любите Кобзона. Это гастроли по странам СНГ, но не только. Первые концерты пройдут в Болгарии, а завершится турне в Израиле. Я готовлю песни тех народов, где буду выступать и, конечно, буду исполнять свой репертуар. Я верну слушателям те песни, которые мы пели, когда мы были как бы единой семьей дружественных стран.

– Понятно, здесь прямой политики нет, но может быть, есть функция культуры, сближающей людей?

– Я постараюсь предложить слушателям тот репертуар и те коллективы, которые отражают ту страну, о которой мы только что говорили. В юби-

лейных концертах примут участие ведущие музыкальные коллективы России, с которыми меня связывает многолетнее творческое сотрудничество. Это Академический оркестр русских народных инструментов под руководством Николая Некрасова, Московский государственный академический камерный хор под руководством Владимира Минина, Академический ансамбль песни и пляски внутренних войск МВД России под руководством Виктора Елисеева. У меня не будут звучать в концерте политические песнопения, это будут известные песни и советского периода, и современные, будет хорошее исполнение, с огромным уважением к тому государству, где мы будем выступать. Нет народов малых. Все народы – великие, независимо от численности населения.

Грузия многоголосная

– Из всех государств, как вы понимаете, меня больше всего интересует Грузия. Для Вас, уроженца Украины, жителя Москвы и всего СССР, Грузия стала началом профессиональной творческой деятельности?

– Безусловно. Она благословила меня на мою профессию. И я всегда это подчеркиваю, никогда не забываю. До Грузии, до службы в армии я всегда дружил с художественной самодеятельностью, я пел в школе, тогда не было никаких развлекашек, дискотек, клубов, не было магнитофонов, телевидения. Была песня. Были целомудренные отношения между мужчиной и женщиной, которые перерастали в любовь, не было таких отклонений от нормы, которые мы сейчас называем нетрадиционной ориентацией. Мы встречались, пели песни, до армии я закончил Днепропетровский горный техникум и сразу же по окончании нас призвали в армию, мы поехали на целину убирать урожай и оттуда нас отправили в 1956 году в Грузию. Конечно, это было еще голодное время, тяжелые отношения после известных событий 1956 года в Грузии.

– Вы имеете в виду то антиправительственное выступление и расстрел его участников в центре Тбилиси?

– Да. И нас, солдат, предупреждали, чтобы мы, не дай Бог, по одному в увольнение не ходили. Ерунда какая!

Даже тогда народ грузинский не испытывал злобных чувств к русским. Я об этом всегда говорил и говорю, потому что почувствовал это на себе. Я служил в Манглиси, это в 65 км от Тбилиси. И вышел в первое свое увольнение с одной надеждой – поесть. Мама в письме спрятала 3 рубля и прислала мне. Я иду и думаю, что бы мне купить на 3 рубля – куплю конфет, нет, суп, а потом вдруг запах шашлыка почувствовал. И я зашел в первый же духан, недалеко от Дома офицеров. За прилавком стоит огромный мужчина-грузин. Нас так напугали, что все нас ненавидят, я стою в замешательстве, боюсь – идти или нет, а он мне говорит:

– Солдатик, чего встал, проходи. Что хочешь, солдатик? *(Надо признать, что грузинский акцент и интонации Кобзон имитирует замечательно – В. Ц.)*

– Кушать хочу.

– Кушать хочешь? А что хочешь кушать?

Я с Украины, такой жлоб, стою, говорю:

– Первое у вас есть?

– Первое? Пятое не хочешь?

– Все хочу.

– Садись, дорогой. Сейчас накормим.

– Только вы меня кормите на 3 рубля, у меня больше нет.

– Ва-а, три рубля, два рубля. Садись, я тебя угощаю.

Я в уголке сел, маленький такой духанчик. Он мне принес огурцы, помидоры, которых я не видел сто лет, потом зелень, харчо. Господи, я так наелся, за всю войну так не ел. Сижу, разомлел, потом приходят грузины, садятся, выпивают по стаканчику вина и начинают петь. Но как! Я чуть с ума не сошел, это многоголосное пение – фантастика. Я говорю, Резо, а можно я в следующее увольнение к тебе приду? – Ва, зачем тебе увольнение? Все спят ночью, в самоволку приходи. Я, конечно, прибегал к нему и в самоволку.

Мы с ним так подружились, хороший был парень. Он меня учил по-грузински петь романс, потому что я влюбился в одну грузинскую девушку. Он мне говорит: «Хочешь понравиться нашей девушке, пой, ты хорошо поешь». Потом я стал руководить художественной самодеятельностью в местном Доме офицеров. Это меня спасло от тяжелой армейской службы. Эти маршброски голодных солдат в горах… Нам давали селедку, чтоб мы побольше пили воды и чтоб нам меньше жрать хотелось. Я руководил художественной самодеятельностью, мы в 1957 году готовились к фестивалю молодежи и студентов в Москве, тогда повсюду шли смотры самодеятельности. Нас приехали прослушивать, и на меня обратил внимание Петр Мордасов, он был руководителем ансамбля песни и пляски ЗАКВО. Он мне сказал: «Я тебя вызову в Тбилиси». И вот я ждал, волновался, не спал ночами. Наконец, действительно, меня вызвали, я приехал в Тбилиси и стал петь в ансамбле. Тогда с нами начали профессионально работать педагоги, там я получил первые азы вокала. Мы разучивали песни, я увлекся и очень старался. А потом мне говорили – что ты здесь будешь делать, надо ехать в Москву учиться. Да

что вы, какая Москва, у меня штанов не было.

Я демобилизовался, приехал в свой Днепропетровск. Когда сказал родственникам, что хочу учиться пению, мои братья опешили – ты что, у тебя такая специальность. Я поступал в горный без особой любви к горному делу, просто горнякам хорошо платили. Жили мы очень бедно, надо было поскорее освободить маму от забот, от лишнего рта. Мне говорили – иди работать, а я твердил – петь хочу. Какой петь, с ума сошел?

– У вас в семье кто-то пел?

– Мама хорошо пела, у старшего брата был хороший голос, но профессионально никто не пел. Короче говоря, после армии я пошел лаборантом в химико-технологический институт, чтоб заработать деньги на дорогу в Москву. Мамка дала мне ящичек с салом, насобирала несколько рублей, и я поехал к брату в Подмосковье, он в Пушкино живет. И поступил в Москве в Гнесинский институт.

Это наша территория – наши сердца

– Но давайте вернемся к Грузии. Что-то особенно в ней поразило?

– Для меня все было близко в Грузии, но в то же время все поражало. Эта широта, застолье, пение, красота – грузины очень красивая нация, причем не только женщины, но и мужчины – гордые, с такой осанкой.

– А как же ваша манглисская любовь?

– Меня ведь перевели в Тбилиси. К тому же, меня все отговаривали – знаешь, не рискуй, лучше не подходи к грузинкам. Получится у тебя любовь, не получится, но убить точно убьют. Мораль грузинской девушки была на таком уровне, что к ней нельзя было подходить фамильярно. Что вы? Это такая нравственная чистота. Любимым развлечением в Тбилиси был проспект Руставели и воды Лагидзе. Как только у меня скапливалось 2-3

рубля, я шел туда, брал себе хачапури, стакан мятной воды, ел хачапури по кусочку, бережно, как алкаш водку, и запивал водой. До сих пор помню это ощущение. А красота города какая, чистота улиц. Сейчас, к сожалению, совсем не то.

– Ваши отношения с Грузией на том закончились или было продолжение?

– Во-первых, продолжались мои взаимоотношения с коллегами. В то время только начинал «Ореро», потом Саша Басилая организовал свой коллектив «Иверия». В общем, «Ореро», «Реро», Нани, Буба – это все один период. А сколько друзей у меня появилось, когда я служил в Тбилисском окружном доме офицеров! Вместе с ними я ходил в театры, они приглашали меня на свадьбы, юбилеи, устраивали застолья. Они стали близкими мне людьми на всю жизнь. Круг грузинских друзей постепенно расширился. Сегодня среди них – Зураб Церетели, Резо Чхеидзе, Софико Чиаурели и покойный Котэ Махарадзе, Наташа и Рамаз Чхиквадзе, мой молодой друг Михаил Хубутия и Анзор Кикалеишвили, с которым мы вместе работали в течение многих лет.

Когда в прошлом году случилась эта беда, этот непонятный российско-грузинский скандал с ограничением въезда грузин, я позвонил Нани, Бубе и сказал – ребята, в любое время приезжайте, когда захотите, я буду встречать в аэропорту, вас никто не тронет.

– Как вы отнеслись к тем событиям сентября прошлого года?

– Очень больно. Мне стыдно было хлопотать о визе для Резо Чхеидзе. Разве когда-нибудь мы могли подумать, что этот великий гражданин не будет иметь права приехать в Россию, чтобы отметить свой 80-летний юбилей в кругу друзей, в Москве, где он жил, где он возглавлял ВГИК?! Я обратился к министру иностранных дел Сергею Лаврову, – понимаете, Чхеидзе давно получил визу в наши сердца. А эта бумажка, формальность – даже стыдно об этом говорить. Он прописан у нас навсегда, и через эту границу мы не собираемся пускать ни политиков, ни правительство, это наша территория – наши сердца. Только за один его фильм «Отец солдата» я бы при жизни поставил ему монумент в центре Москвы. Как можно такому человеку хлопотать о визе? Потом то же самое с джазовой певицей Катамадзе, в этом году и ее не пускали в Москву. Ну как это можно, если ее хотят слушать? Я получил для нее визу. Она прислала мне два свои диска с благодарностью за поддержку.

– Кстати, как вы относитесь к ее творчеству?

– Она джазовая певица, этот жанр нравится массе людей. И мне иной раз стыдно в компании сказать, что я ничего не понимаю в джазе. Как я отношусь? Мы с ней выступали в Киеве на программе «Честь имею пригласить» у Табачника. Она пела импровизацию «Сулико». И когда я приехал в Москву, первое, что я сделал, я прослушал обе ее кассеты. Очень интересное творчество.

В свое время мы с Нани встретились в Венгрии, и там был прославленный коллектив «Мзиури». Мы дружим с Нани, и она мне говорит: «Слушай, Иосиф, я хочу, чтоб ты прослушал одну девочку, такую симпатичную». И она привела мне солистку «Мзиури» – девочка худая, кожа да кости, синюшная, с длинными руками и ногами – ну, Буратиношка. И она начала петь песню о Тбилиси – не Логидзе, другую. Ну, это был совершенно очаровательный ребенок, ей было 12 лет. «Нани, как она поет – фантастика». Нани мне говорит, я люблю ее, Нани, она очень смешно так говорит: «Уф, посмотри на мои руки, мурашки…» Девочка действительно была очень хорошая, я прослушал ее, ну, и забыл. И вдруг эта солистка «Мзиури», когда ей было уже 18 лет, появилась на конкурсе молодежной песни, который я возглавлял в Днепропетровске. Я дал ей первую премию. Это была Тамрико Гвердцители. И вот с тех пор я стал наблюдать за ее судьбой. Теперь, когда мы встречаемся на концертах или где-то, я с ней очень смешно здороваюсь. Она идет, так испуганно смотрит на меня, а я иду ей навстречу и пою: «Тамрико, мзис да вардебис, Тамрико» (это мелодия знаменитой песни «Тбилисо»). Так мы здороваемся, смеемся. А после введения запретов на грузинское вино я стал ее называть Тамрико Ркацители, чтоб не забыть название грузинского вина. Тамрико уже давно стала взрослой, родила, стала народной артисткой Грузии и России. В общем, верно говорят: «Власти ссорятся – народы дружат».

– Вас не удивила реакция российского общества на происходящее? Все проглотили это и молчат.

– Нет, неправда. Ничего не проглотили. Не изменили своего отношения ни к Грузии, ни к грузинам. Любое антинациональное проявление, не только к грузинам, к евреям или еще к кому-то, это все от отсутствия культуры. Культурный народ никогда не заставишь ненавидеть жидов, хохлов, грузин – никогда, потому что это культурный человек. Как писал мой незабвенный друг Расул Гамзатов, царство ему небесное: «Пусть все народы вечно славятся, и трижды будет проклят тот, кто вздумает, кто попытается чернить какой-нибудь народ». Вот это нормально. Да и потом в массе не было такого ажиотажа – «а-а, грузин, ату его!»

– А почему такая политическая агрессия?

– Давайте не разбирать наших руководителей. Грузинская сторона тоже много сделала для этого: ссора с Россией, поспешный вывод российских войск, дружба с американцами, которым и близко не нужна Грузия. Для них бросить 30 миллионов на дороги, все равно, что чихнуть в подъезде. А мы на это реагируем. А те говорят: «Мы теперь должны отрабатывать эти

деньги». И отрабатывают. Ну, а в результате, что? Многовековая дружба была не с Америкой. Я, например, считаю самыми лучшими исполнителями русских романсов грузин. У нас никто так не поет. Была Тамара Церетели, сегодня Нани, даже с этим акцентом на русском языке она так поет, заслушаешься.

– Я слышала о пресс-конференции, которую вы устроили сразу после сентябрьских событий прошлого года.

– Да, сразу же устроил. Причем, в стенах Госдумы. Я пригласил всех руководителей Госдумы, грузинскую общественность, все телеканалы. Но в то время мне сказали, что я совершил аполитичный поступок, что я не поддержал свою страну, действовал только эмоциями. Из руководства пришел один только Жириновский, который тоже заинтересованно выступал, пришли мои любимые друзья, грузины, в том числе Зураб Церетели. Конечно, мы публично осудили, правда, никто не дал в эфир все наши высказывания. Это еще раз доказало, что это психоз на политической основе, а народ к этому не имеет отношения.

– Но страдает от этого именно народ.

– Да я сам с Украины, там поговорка: «Паны дерутся, у хлопцев чубы трещат»

– Сейчас, когда нет прямого авиасообщения, вы летите на концерт в Тбилиси через Баку? Подчиняетесь новым правилам?

– Мне важно попасть в Грузию. А каким путем, через какую страну – какая разница. Но я не хочу бросить всю вину только на руководство России. Вина лежит на обеих сторонах. В войне нет победителей, есть только побежденные. Если бы на то была моя воля, я бы прекратил эту драку моментально. Кому мешала декада грузинского искусства на Украине или еще где-то? Это все обогащало нашу духовную жизнь, нашу культуру. А сейчас, страшно сказать, в Грузии огромное количество молодого населения не говорит по-русски. И в Прибалтике не говорят.

– Прагматики рассуждают так: а зачем учить русский язык, если даже попасть в эту страну нельзя.

– А для того, чтобы читать Пушкина, Достоевского, Толстого. Мы сейчас с Мишей Хубутия, главой грузинских диаспор в России, хотим отправлять грузин учиться в Россию. Для чего?

Кроме того, что они будут привносить сюда свою культуру, они, получив образование и вернувшись, будут насаждать и пропагандировать русскую культуру. Как председатель комитета по культуре я помогаю, чтобы они поступили, с ректорами договариваюсь.

Штрихи к портрету

– Готовясь к этому интервью, я слегка перелопатила публикации о вас. И обнаружила много неожиданного. Кто-то упоминает про «обаяние больших денег, широкой натуры и имперского стиля». Из других СМИ можно узнать, будто Кобзон занимается наркобизнесом, торгует оружием, поддерживает связи с русской мафией по всему миру...

– Я не читаю. Потому что вся пресса и журналистика ангажирована.

– Вы обижаетесь на такие публикации?

– Обижаюсь. Потому что я не заслужил этого. Я открывал вам, журналистам, свою душу и сердце. Я не претендую на вселенскую любовь. Но почему же они начинают меня чернить, что я с мафией, с бандитами, что я торгую наркотиками. Меня не пускают в США 14 лет, еще во времена Ельцина обвинив неизвестно в чем из-за какого-то негодяя. И журналисты пишут – вот его не пускают в США, вот его арестовали в Израиле – пишут сволочи, вместо того, чтобы защитить.

Я семь лет добиваюсь выхода законопроекта «О защите чести и достоинства гражданина РФ». А тут вместо того, чтобы защитить гражданина, его пытаются добить.

– А еще вы, оказывается, почетный буддист Агинского дацана.

– Я – доктор буддийской философии, почетный гражданин Агинского Бурятского национального округа. Это за то, что я помог сохранить буддийскую святыню – гору Алханай. Ее стали разрабатывать в поисках золота. Я остановил эту беду. Я помог открыть первый буддийский университет в Агинске, медучилище тибетской медицины. А теперь в Бурятии построен и христианский храм.

– Теперь понятно, почему Кобзон представляет в Госдуме Агинский Бурятский избирательный округ.

– Да, и горжусь тем, что этот округ по развитию считается лучшим в России. Там губернатор молодой, кандидат наук, умный, деятельный, который так выкладывается для своего региона. Я вспоминаю шутливый призыв: «Евреи, воруйте от прибыли, а не от бюджета».

Как вы думаете, сколько в России буддийских территорий?

– Понятия не имею.

– Шесть. Три в Бурятии, плюс Калмы-

кия, Тува и горный Алтай. Здоровая, хорошая вера. Я хотел сделать здесь, в Москве, буддийский центр, но не суждено, видно. Буддийские ламы не смогли договориться. Они разные, как евреи разные – хасиды, ортодоксы, так же, как и русские разные. Ламы не договорились о лидере.

– Скажите, в чем секрет человеческого успеха и счастья?

– Я не буду кокетничать, я прожил большую жизнь в той великой стране и в этой России. И для меня не существует ни исторической родины, ни большой, ни малой родины. У меня есть моя родина Донбасс, где я родился, где зарыли мой пупок. Я каждый год бываю на родине, когда я активно гастролировал, не было ни одного уголка, который бы я не посетил, начиная от Командор, Камчатки, Сахалина и Дальнего Востока и заканчивая Прибалтикой. Мне было интересно, я прожил счастливую жизнь. Я провел 36 лет в браке с любимой женой, у нас сын и дочь, пять внучек. Я спел все, что хотел, я застал замечательный песенный период. Счастье мое в том, что я не менял свою еврейскую фамилию, даже когда мне советовали взять псевдоним. Не менял – в стране, в которой существует, что там скрывать, антисемитизм. Для меня моя религия и моя нация это моя мама. Мне мама дала мое имя, и я с этим именем умру. Был такой замечательный случай, когда к Валентину Зорину, был такой журналист-международник, в Америке подошел Генри Киссинджер и спрашивает: «Господин Зорин, вы кто по национальности?» Тот отвечает: «Я – русский». «А я – американский». На это я бы ответил: «А я – украинский». Я никогда и не скрывал, что я еврей. Я горжусь тем, что мы в трудных условиях всегда выживали.

Мой секрет в том, что я всегда любил и умел трудиться. Я говорю своим студентам – не уповайте на сиюминутный успех, а получайте удовольствие. Это как секс – получайте постоянное удовольствие от того, чем вы занимаетесь. Вы поете, встречаетесь со зрителем – вот это и есть жизнь. Я прожил такую жизнь. Не жалею ни о чем, не хочу вернуть ни один день, но и не променяю один день ни на что. Поэтому я считаю себя состоявшимся, счастливым человеком. Мне не страшно было, когда мне предрекали очень близкую смерть. Ничего, выжил. Продолжаю активную жизнь, может быть, даже более активную, чем раньше. Две смерти, которые я пережил, абсолютно меня не пугают. Я всегда говорю людям моего поколения: выбросьте все из головы, живите активно, и все у вас будет хорошо.

Кира ПИТОЕВА, научный руководитель музея «Дом Турбиных»

ДОМ, ГДЕ РАСПУСКАЮТСЯ СЕРДЦА

О «Доме Турбиных» в Киеве

Дом этот называют в городе не именем жившего здесь Булгакова, а «Домом Турбиных», окрещенного так легкой и талантливой рукой другого «свободного киевлянина» – В.П.Некрасова. Из далекого зарубежья, из городов и весей нашей страны приходят письма с самым коротким адресом: Киев, Андреевский спуск, Дом Турбиных. И доходят письма-то.

Странная улица Андреевский спуск, что в стольном городе Киеве. Вроде бы и спуск. Точно – спуск, если идти из старого города, от древней Софии к Днепру. А вот если наоборот – с набережной, туда, вверх, где плывет в воздухе Растреллиевская церковь равноапостольного Андрея («жемчужина в бирюзе»), тогда улица становится подъемом, «взвозом» по-старокиевски. Так и звучит это название в самом киевском, а потому особенно дорогом романе Михаила Булгакова «Белая гвардия». Очень киевский ландшафт, очень киевская ситуация «верха» и «низа» во всем. А значит – всегда есть объем, всегда есть выбор. Свободный выбор. И события в Городе романном будут происходить «вверху» и «внизу». А еще в Доме, что стоит ровно посредине Спуска-Взвоза, в доме №13. Здесь механически останавливается путник, чтобы перевести дух перед последним броском вверх, а если он спускается к Подолу – чтобы дать передохнуть ногам, уставшим перебирать непривычно крупный киевский булыжник. Вот тут-то он (путник) и столкнется с Домом лицом к лицу и прочтет на мемориальной доске, что это «тот самый дом», где будущий автор славноизвестного романа «Мастер и Маргарита» проживал с родительской семьей с 1906 по 1913-й (т.е. 13 лет). Позвольте! Так он что – киевлянин, Булгаков? Справедливости ради надо сказать, что добрая половина останавливающихся об этом знает. «Будьте благонадежны!». Но и знающие, и те, кому только предстоит об этом узнать, с равным удивлением обнаруживают над входом номерной фонарь с двойным названием: с одной стороны, знакомый по путеводителю адрес, с другой – спуск назван Алексеевским. Что это? Улицу переименовали? – слышим часто мы, сотрудники Литературно-мемориального музея М.Булгакова, привычный во-

прос. И только сам музей, его экспозиция дают на него ответ. Хотя многие уже знают, что дом этот называют в городе не именем жившего здесь Булгакова, а «Домом Турбиных», окрещенного так легкой и талантливой рукой другого «свободного киевлянина» – В.П.Некрасова. Из далекого зарубежья, из городов и весей нашей страны приходят письма с адресом: Киев, Андреевский спуск, Дом Турбиных. И доходят письма-то.

Странная улица – Андреевский спуск. Шумная, веселая, яркая. Так же, как и в булгаковские времена, катит по ней несносно-бурный поток в дождливую погоду. Мальчишки съезжают на санках зимой. А с ранней весны до поздней осени упорные туристы шастают в поисках дешевых дурновкусных сувениров, коими изобилует «киевский Монмартр». Время течет по улице широко, вольно. Люди с какими-то рамочками, которые в их руках вертятся, что-то нашептывают об энергиях, светлых и земных. Из уст в уста передаются легенды и даже мифы, невидимые ведьмы летают на своих метлах. Их пугают перезвоны множества подольских восстановленных церквей. Все это – воздух Андреевского спуска. Здесь – рукой подать – и церковь Воздвижения Честного Креста, где в мае 1891г. крестили Булгакова. Дом, где он родился, правда, уже прибрали под современную застройку. («Эх!» – сказал бы наш автор).

Но дом, куда Булгаков «поселил» героев первого своего романа «Белая гвардия», стоит. Как и церковь. Вот и скажешь тут, что искусство вечно. И дело – богоугодное.

Ну что ж! Поотдохнули – поразмыслили, пора и в дом. Музеи, конечно, не все любят, скучные они по обыкновению. Разве что диковинные вещички порассмотреть, пока экскурсовод будет замучивать бесконечными родственными связями. Поднимаемся во второй (по-европейски – первый) этаж. Снова подъем! – и попадаем в первую комнату – Гостиную. Темно. Лилово. Тихо-тихо. Прохладно. Принимает гостей не экскурсовод вовсе, а Человек из дома. Зажигается свет. И тут мы понимаем, что мы гости не только семьи Булгаковых, здесь жившей. Оказывается, вместе с Булгаковыми живут теперь еще «люди из снов» – литературные герои, так же, как и реальные, – хозяева этих комнат, Турбины. Сам Булгаков их сюда и поместил. Как удобно! Как странно! Почти как в коробочке в «Театральном романе», которая должна раздвинуться до пределов сцены – коробки. Здесь она раздвинута до размеров жилых комнат. Эта «увлекательная игра» преображения плоскости листа в объем и предлагается гостям, попадающим в магическое пространство жизни и превращения ее, преображения в искусство. Постепенно это пространство жизни – творчества начинает действовать, втягивать, погружать в себя. Время течет сквозь тебя. Радость восприятия предложенной игры автоматически отключает шумы сегодняшнего и вводит в жизнь прошлую как реально существующую. Чужая жизнь вспоминается как собственная. Этому вспоминанию способствует своеобразная подача музейного предмета. Экспозиция построена на использовании способности человека к монтажу и ассоциативному мышлению. Ведущему остается лишь легонько подталкивать в нужном направлении. Пользуясь способностью современного человека к многомерному восприятию, можно говорить и показывать разные, иногда противоположные вещи, создавая объем в пространстве. Для этого выстроены два мира: реальный (Булгаковский) и ирреальный (Турбинский), ничем не отличающийся от первого, кроме… цвета. Он – абсолютно белый. С мебели, предметов как бы снят культурный слой, чтобы посетитель сам «раскрасил» его своими реальными цветами. Все булгаковское убедительно не только за счет узнаваемости, но и за счет единственности, мемориальности, без типологических подмен, а потому особой «излучаемости». Все турбинское зыбко, ассоциативно привлекательно, игрово, и потому – притягательно. Как незаписанный белый лист постепенно, порой мучительно, порой легко, заполняется знаками, вырастающими в текст, полный радости и печали, зимы и лета, воды и снега, цветения и умирания. Здесь, в этом мире грезы, все белое: медицинское облачение и фата первой свадьбы, саван похорон и белые одежды небесного воинства, буйный киевский первоцвет и поздние заморозки. Белый – полон ассоциаций, порой неожиданно индивидуальных. Белый удобен для монтажа, закрепленного и свободного – для дополнений. В огромное белое поле легко входят звуки (скрипящие половицы, переливы часов). Белый раскладывается на все цвета. Потому комнаты «подсвечены» разными подсветками. Белый проявляет запахи (духов, ладана, домашней кухни). Белый… О нем можно говорить бесконечно. И в этом его богатство. В белое мы окунули булгаковских героев.

В самом московском романе «Мастер и Маргарита» Булгаков снова «поселяет» героев в свою квартиру. Это – знаменитая квартира №50, где оказываются Воланд и его свита. И потому это – «нехорошая квартира». «Похабная квартирка» у профессора Преображенского в «Собачьем Сердце». «Зойкина квартира» в одноименной пьесе – это скрытый бордель. Все это – «Трактаты о жилищах». И только в «Белой гвардии» речь идет о доме как очаге, пристанище для страждущих, доме, где любовь совершает чудо. Отсюда и название, устами одного из героев: «богоспасаемый дом». Дом – спасенный и спасающий – именно здесь и происходит единственный раз у Булгакова описанное главное чудо христианской веры – воскресение.

Комната, названная в романе комнатой Елены, и есть та самая, в которой это чудо сотворяется. Как бы специально для этого приготовленная, комната абсолютно белая, чистая (в доме Булгаковых комната относится к тем, чье предназначение не совпадало с Турбинским). В музее создана романная ситуация: роскошные ковры, почти дворцовые часы, конечно же – зеркала, свечи, пышная кровать, на тумбе рядом с ней – лампа, а на нее Елена набросила театральный капор, отчего комната стала розовой. Теплый цвет ее умножает отсвет из печи. Уютная, пронизанная театральными ассоциациями (как Лиза из «Пиковой дамы», ждет Елена своего Германна – Тальберга), душистая, вся комната – в ожидании. Мы попадаем сюда как бы тайно, сквозь стену, завешенную ковром. А значит – становимся тайными свидетелями происходящего здесь. Раненный в городе в острейший период событий в романе 14 декабря 1918г. Алексей Турбин, герой повествования, 22-го декабря в коллапсе, он умирает. И Елена – сестра, хранительница очага, хозяйка дома, – молится у иконы, висящей в углу ее комнаты. И молитва эта становится чудотворящей, а икона – чудотворной. Единственное, что могло помочь нам правдиво рассказать об этом чуде, была булгаковская икона, здесь висящая. Ее-то в нашей скудной (к моменту создания музея) коллекции и не было… А главный акцент в концепции, и особенно в сценарии, был сделан на нее.

Каждый музей с особой гордостью может порассказать о своих чудодейственных находках, ибо это и есть главная музейная радость. Нашей сверхзадачей было вернуть в дом все, что в нем было. Понятно, что все вернуть было невозможно. Но икона была необходима. Помогли Турбины, их белое чистое пространство. Чистота оказалась притягательной. Ее вечное ожидание – востребованным. Через 3 года после открытия экспозиции в 1996 году икона Казанской Божьей Матери вернулась на свое законное и единственно возможное место. Для нее даже

приготовлен был крюк, найденный здесь во время реставрации дома. Святыня вернулась в Дом.

С тех пор 22 декабря (в день Анастасии, т.е. Воскресенья) в комнате Елены зажигается лампадка и читается спасительная молитва Елены. В нашем музейном цикле «47 дней с Турбиными» это – центральное событие. При слабом свете лампады и пред Святым Ликом легче представить себе видения Елены, в которых комната расширяется до размеров храма, над головой светлеет стеклянный купол, а рядом с разрытой могилой появляется «благостный и босой» из последнего романа Булгакова. Возможность вступать в особые отношения с пространством, умение им управлять: расширять, сужать, проходить сквозь него – все эти «игры» начинаются здесь, чтобы завершиться в финале. В рамках бытового интерьера это особенно важно, чтобы размеры «Белой гвардии» расширить до неизмеримых пространств «Мастера и Маргариты». Для этого следовало создать объем, соединив противоположности. Именно здесь, я думаю, следует объяснить, что образ в музее создается несколько иным способом, чем в других искусствах, где то же самое читалось бы как иллюстрация. Ярчайший пример именно здесь, в комнате Елены. Создавая ситуацию священнодействия молитвы, соответственно художественным особенностям булгаковского письма, нужно было вовлечь в повествование обратные свету силы. Такая обратная сила есть Воланд со товарищи, т.е. чуду нужно противопоставить античудо, свету – тьму, одному измерению – другое измерение, пятое, т.е. создать ситуацию реверса – обратной стороны иконы, висящей в восточном углу. Рядом с иконой стоит шкаф, перекрывавший и у Булгаковых, и у Турбиных вход в соседнюю комнату. В шкафу обнаруживаем потайную, спрятанную от глаз дверь с табличкой №50 московской «нехорошей квартиры» и мемориальной же ручкой. Т.е. для того, чтобы идти дальше, надо войти в шкаф. Само пространство шкафа образно. Непривычное, душное, полное незнакомых запахов и всевозможных воспоминаний, оно затягивает массой жизненных и литературных ассоциаций, связанных не только с детством, но и с «последним приютом» – гробом. Из перевернутого гроба появляются гости на балу Воланда, где обыкновенная квартира раздвинута до размеров бальных зал, а время – до бесконечности. Вспоминая все это во время путешествия в шкафу и открывая тайную дверь, попадаем, конечно, не на бал, а на корабль (игра словами – очень булгаковское развлечение).

Оказываясь в комнате Николки в романе, в жизни Булгаковской семьи мы находимся именно в его комнате, шутника и балагура, острослова и автора пока еще домашнего театра. «Кабинетом Фауста» мы называем эту комнату, т.к. любительская фотография представляет нам молодого Булгакова среди реторт и различных научных принадлежностей. А еще конфигурация этой странной комнаты с острым углом, где сидит будущий наш автор, ассоциируется с носом корабля, зависшего над Андреевским спуском. Тема корабля и его капитана многожды встретятся у Булгакова, мечтавшего о путешествиях, мечтавшего увидеть мир. Но все чудеса мира Булгакову суждено будет вымышлять. Хорошо думается в свете лампы под зеленым абажуром, окрашивающим зеленым светом всю комнату молодого мечтателя.

С 60-х г.г. прошлого века, со времен музейного бума создание экспозиций стало авторским, что сделало их разнообразными, неповторимыми. Экспозиции становились «режиссерскими», сценарными. Была найдена специфическая терминология. Экспозиции, особенно литературно-мемориальных музеев, становились искусством. Возросла роль музейного художника. И особым счастьем, как в театре, считалось найти «своего» художника, найти исполнителя под свой замысел не было проблемой. У музея Булгакова по сути не было коллекции, так случилось. Главным и чуть ли не единственным экспонатом был Дом. Вот почему музей, организованный в 1989г. не по правилам (очень Булгаковский ход играть Пушкина без Пушкина), мог состояться только в случае, если он сможет вырасти из концепции. Для этого недостаточно было создать сложный музейный документ. Нужен был художник, придумавший, как это сделать. И тут Булгакову повезло. Такой художник в Киеве был. Это – А.М.Крыжапольский, который к моменту нашей встречи был уже Лауреатом Государственной премии им. Т.Шевченко за создание Музея медицины. Он шел на встречу со мной, чтобы отказаться. Он знал, что то, что он хочет предложить, никто не примет. А хотел он предложить то, что предлагала и я: Булгаковы и Турбины в одном пространстве. Все остальное – то, что сегодня можно увидеть в музее. Как мы этого добивались – это отдельный длинный, драматический, юмористический и какой угодно другой рассказ. Мы были всегда вместе, вместе мы ни разу не отступили. И это было настоя-

К.Питоева с известным художником Б.Губианури, автором всех музейных экспозиций

щим творчеством. Мне безумно жаль, что Альберт Михайлович уехал в Германию (2 комнаты мне пришлось делать самой, с исполнителями), и он не получает удовольствия от признания идеи, которая казалась очень спорной, нашими гостями. Мы делали музей «на вырост»: организовывали пространства под будущие экспонаты, создавали дом как главную ценность в булгаковской «норме жизни», возвращали икону прежде, чем люди повернулись к церкви. Все эти нехитрые ценности помогли отобрать коллектив, который живет, как семья. Да, это «женская формула счастья», но ведь и театральная…

Великий булгаковед Анджей Дравич, побродив по комнатам, сказал слова, которые мы восприняли как наивысшую оценку: «Булгакову здесь хорошо». А известнейший литературовед, занимающийся Булгаковым на Украине, М.Петровский уверен, что нам удалось каким-то невероятным образом воплотить главный булгаковский архетип – Дом. Может быть, это происходит с нами оттого, что мы живем не одной только экспозицией и не только по музейному уставу. Мы живем как в доме, взяв за образец булгаковскую семью. Это не только помогает нам понять среду, из которой вышел Булгаков, город, который его создал, «Белую гвардию» как прошлое и настоящее нашей жизни. Это помогает нам жить, а не выживать, улыбаться друг другу, растить детей, устраивать для них специальное Рождество, знакомиться с людьми, устраивая для них «взрослую» Пасху. Фонд содействия развитию музея, созданный нами при музее, возвращает людей к настоящему, душевному благотворительству, когда каждый чувствует себя частичкой хорошего дела. Это и «Чаепитие на Булгаковской веранде», где за одним общим столом люди, не торопящиеся уйти из музея, могут заказать старинные рецепты чаев из трав, домашнюю выпечку по рецептам булгаковской семьи. Это не кафе, это – место для общения. Сейчас заканчивается еще одно уникальное в своем роде деяние Фонда. На булгаковских Журфиксах (каждого 13-го числа) звучит камерная музыка. Нами был отыскан уникальный белый рояль, получивший Золотую медаль в Париже в 1893г., с удивительным звучанием. Музей не мог приобрести его по известным причинам. Тогда инструмент был в схемах и марках «разложен» и оценен по частям. Каждый, кто может и желает, приобретает частичку рояля для музея, получая свой билет благотворителя. За полгода закуплена уже половина. Надеемся уложиться в срок отпущенной рассрочки…

Журфиксы пользуются особой любовью киевлян. Это не только концерты. Это и чудесное общение за столом с домашними пирогами, знакомства с артистами, музейщиками, киевлянами. Эти встречи проходят вечерами, во всех комнатах музея. И особенно в Столовой, где в магическом зеркале во время дневных экскурсий проступает тревожная снежная буря, а затем – высокое звездное небо. И эти вечные стихии, объединяющие Дом с городом и миром, напоминают нам о главных ценностях – ощущении той нерасторжимой связи всего живого, что есть в природе.

А за «кремовыми шторами» Андреевский спуск. Шум. Людской поток. Суета. Жизнь продолжается. Продолжается она и у нас в доме. Мы нашли свое измерение, вошли в магическое пространство вымысла, не порушив старой амальгамы. И зеркальная гладь за нами замкнулась. Мы живем по законам игры, нами же созданной. Нет, не нами. Игру эту создал Булгаков. Мы же пытаемся ее продолжать. И делаем в этом порой некие успехи. Будьте благонадежны!

Фото Л.Сергеева

Вера ТУЛЯКОВА

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С НАЗЫМОМ

Фрагменты книги

Предисловие автора

Перед Вами не книга литературных воспоминаний, а наш разговор с Назымом. Он начался через две-три недели после его ухода, потому что, верьте мне, общению двух близких людей ничто не в силах помешать.

Два года, с 1963 по 1965, из ночи в ночь – так легче почему-то – продолжался этот разговор. Осталась тысяча страниц, а на них Назым, каким я его знала. Теперь это самое главное.

Конечно, здесь не тысяча страниц, а половина, иначе было бы слишком много. Я оставила историю наших отношений и многие дорогие моменты жизни. Сюда не вошел рассказ о работе Назыма над стихами, пьесами, сценариями, романом, свидетелем которой я была.

Я опустила кое-что из гуманных соображений по отношению к людям, еще живущим, и, наверное, раскаявшимся в причиненных Назыму огорчениях.

Вера

Подготовка текста Анны Степановой

27 июля 1957 года ты приехал, позвонил и сказал:
– Милая, это я.
– Здравствуйте, Назым, – сказала я и засмеялась от радости. Оказывается, все эти девять месяцев, не переставая, я думала об этой минуте, о том дне, когда ты вернешься, когда позвонишь. Но убедилась в этом несколько секунд назад. Стало вдруг хорошо и страшно...
– Ну, как наши дела?
– Да все в порядке. Ваш сценарий запущен в производство. Но ставит его другой режиссер – Анатолий Георгиевич Каранович.
– Но вы уже что-нибудь сделали? Есть что посмотреть?
– Да, Назым. Написан режиссерский сценарий, и готова раскадровка.
– Когда я могу все это увидеть?
– Когда захотите.
– А можно завтра?
– Можно.
Пауза.
– Можно?
– Можно.
Пауза.
– Я немножко устал от дороги, милая. Вы не могли бы приехать ко мне на дачу? Я завтра пришлю за вами машину. Часов в двенадцать, а?
– Хорошо. Мы приедем, – стараясь не выдавать волнения, сказала я.
– Спасибо, милая. Целую вашу ручку.
Попрощавшись, я положила трубку. На ней блеснул влажный след ладони. О чем думала тогда – не помню. Так, постояв несколько минут, я перевела дух и сломя голову помчалась в режиссерскую группу сказать, что ты приехал!
Ночью я не сомкнула глаз и все утро не находила себе места. Я перебирала в памяти вчерашний разговор, пытаясь понять, значил ли он то, что значил, или нечто большее, даже не большее, а другое?

У тебя была красивая дача в Переделкино...

По дороге почему-то представила тебя, поджидающего нас наверху, на просторной светлой террасе, превращенной в зимнюю комнату. И пол, и стены там светло-желтые. Непривычно. Вспомнила, как впервые вошла туда и оказалась в окружении книг, картин, диковинных вещиц, привезенных и присланных со всего мира. Запомнились небольшие скульптуры Китая, Индии, Африки, книги по искусству, монографии о художниках, изданные Skira. Ничего этого мы тогда не видели. Все было новым, вызывающим жгучий интерес.
Вспомнила акварель театрального режиссера и художника Николая Павловича Акимова, стоявшую на длинном столе. Не знаю, как она называлась. На ней были изображены две головы: старика и молодой, очень красивой женщины. Вспомнила как ты всегда, пересаживаясь с места на место, поворачивал к себе эту картину, чтобы не терять два этих лица из виду.
Вспомнила, что стена против двери была сверху наполовину застеклена, а внизу, прямо на полу, окантованная в раму, стояла репродукция с картины Ван Гога «Кафе в Арле ночью». Над дверью висела отличная репродукция с картины Пикассо «Плачущая женщина». В комнате висело и стояло прислоненными к стене еще много картин, а среди них большой холст Абрамова «Назым Хикмет в тюрьме» – на черном фоне серая решетка и в глубине красный цветок.

Потом, когда мы уже жили вместе с тобой в Москве, этот художник время от времени являлся с криком: «Назым, купи мою новую работу!» И всякий раз в его руках была копия все той же картины с решеткой и цветком. Только назывались они иначе: «Белоянис в тюрьме», «Манолис Глезос в тюрьме», «Патрис Лумумба в тюрьме» ... Ты купил у него четыре картины. Все они стояли в доме лицом к стене, пока как-то Абрамов не ворвался к нам и не потребовал их назад. Однажды на рассвете, несколько месяцев спустя после твоей смерти, он опять появился у двери нашего дома. «Назым, открой, Назым, открой!» – истошно взывал он.
Но это было потом. Господи, как в голове моей все скачет, одно набегает на другое, но ты-то меня понимаешь. Ты понимаешь, Назым...

В машине по дороге на дачу, мысленно блуждая по комнате, где ты, как мне казалось, чаще всего любил разговаривать с гостями, я настойчиво вызывала в памяти образы ее предметов. И эта странная погоня за ними отвлекала, успокаивала.
Стена справа от двери была скрыта большими книжными полками, они поднимались почти до потолка. Рядом с книгами стояли и русские матрешки, и вятские игрушки, и даже старая русская икона. Но в убранстве твоей дачи ощущалась музейная холодность и грусть.

Знаешь, когда наш друг Михаил Давидович Вольпин побывал у тебя впервые, он сказал мне:
– Какая должна быть тоска у этого человека, если он поселил себя среди игрушек. Я сам люблю игрушки, но мне жаль Назыма, он пытается заполнить ими ту часть своего сердца, которую игрушки заполнить не в силах.

Вот она, знакомая дача. Улица Тренева, № 1. Жара. Солнце играет на стеклах двух этажей. Мы вошли. Тихо. На стенах прихожей нас встретили польские киноплакаты, лучше которых нет пока у мирового кино. Налево дверь, открытая в кухню. Заглянули: посередине длинный стол, выкрашенный

по твоей просьбе синей масляной краской, стоит на желтых ногах – модерн Хикмета. На стенах гирлянды желтых кукурузных початков, красного перца, лука, чеснока. Вдоль стен бордюр деревянных полок с расписными глиняными тарелками. Холодильники, шкафы, а тебя нет. Тихо... Безлюдно...

Мы с Карановичем вышли из кухни и остановились в растерянности. Наверх вела узкая деревянная лестница с перилами. Но подниматься на второй этаж мы не стали. Пошли в нижнюю гостиную. Длинный дубовый стол-гигант захватил тут лучшую часть пространства. А на нем выставка, музей ремесел: и игрушки, и безделушки, и праздничные свечи – чего тут только нет. На стенах картины, уже знакомые, уже полюбившиеся, смотрят, как старые друзья. Выделяется эта. Измученная жизнью женщина в полосатом платье смотрит на вас устало и прямо, тяжело опершись рукой на газовую плиту. Трудно выдержать этот взгляд, устремленный в вашу совесть.

– Когда я смотрю на эту женщину, – признался ты однажды, – мне становится страшно стыдно, что живу один в этой семикомнатной даче. Чувствую, что я просто сволочь. Тогда стараюсь работать побольше, что-то сделать полезное, но не всегда удается...

Ты не выносил пустых стен, я убедилась в этом, когда мы создавали наш общий дом. И однажды я возмутилась, увидев, как ты прибиваешь гвоздями к стене картинку, вырезанную из журнала «Огонек». Ты посмотрел на меня с грустью, с сожалением и сказал:

– Тебе трудно понять меня. Но, Веруся, я больше четверти своей жизни провел среди пустых тюремных стен. Их украшала только грязь. Извини, что теперь хочу радовать мои глаза.

Прости и ты меня, Назым. Так трудно было представить тебя узником. Поначалу я многого не знала.

На потолке – соломенный поросенок – подарок Пабло Неруды. На оконных стеклах искусно подвешенные тобой на леску персонажи турецкого театра теней «Карагез», сделанные из буйволиной кожи. Все на месте. И плакат Пикассо «Девушка в голубом» – вот он, а тебя нет.

А ты рядом. Примостился на крошечной открытой террасе в плетеном кресле. Сидишь, пальцами шерсть Шайтана перебираешь, а сам далеко-далеко отсюда – то ли в будущее забрался, то ли в прошлом кого-то повстречал... Боже мой, какая дума в эти мгновенья сокрушала тебя... И было в тебе так много усталости, словно все пережитое обступило тебя со всех сторон. Навалилась всей тяжестью жизнь, измяла синий вельветовый пиджак и состарила тебя. И был ты в эту минуту, может быть, самым-разсамым самим собой.

Большой, одинокий, старый человек с высоким лбом и копной пепельных кудрей да громадная собака с ласковой желтой шерстью и людскими глазами сидели, прижавшись, задумчивые, отрешенные, согревая друг друга в этот жаркий июльский день теплом своим. И никто, никто им сейчас не был нужен...

Мы стояли, боясь пошевелиться, боясь потревожить, вспугнуть то, что приходит к человеку мучительно, а исчезает в миг. Увидела я тебя таким, и исчезло мое ожидание праздника, и все иллюзии, в которых не признавалась себе сама. И стало мне легко.

Шайтан – большой лохматый тонконогий колли бросился нам навстречу и стал лизать мои голые колени.

– О-о, наш Шайтанчик весь пошел в своего хозяина! – грубовато пошутил ты и превратился в обычного: непоседливого, гостеприимного, оживленного.

В эти дни в Москве проходил первый Международный фестиваль молодежи и студентов. Ты стал подробно расспрашивать нас, как проходит этот фестиваль..

– Как относятся советские люди к приехавшим? Нравятся ли негры русским девушкам? Как реагирует Москва на такое количество молодых иностранцев? Не скучно ли гостям «у нас»?

С детским любопытством – ведь тебе не приходилось до этого сталкиваться с производством кукольных картин – ты разглядывал раскадровку будущего фильма, был изумлен и обрадован. Ты великолепно знал живопись, был тонким, умным и требовательным ее ценителем. Поэтому не все из того, что увидел, тебе одинаково понравилось.

У тебя было необычайно развито чувство композиции и цвета. Это относилось не только к живописи, а ко всему, что окружало тебя в жизни. Но живопись была для тебя отдушиной. Когда ты, Назым, смотрел на чистые, сочные, глубокие краски – были ли они черными, желтыми или синими, – казалось, словно вдыхаешь краски с тканей, с картин, с неба, с автомобилей. И все для тебя окрашивалось в цвет: и дождь, и асфальт, и музыка, и слова любви, и разлука, и будущее, и стихи...

Когда ты начинал объяснять художнику свое отношение, то размахивал руками, вскакивал, садился, говорил громко, почти кричал. Опрокидывал вещи, стоящие под рукой, разливал и крошил то, что находилось на столе, но сохранял при этом сногсшибательную элегантность...

И все-таки в тот день тебе не доставало твоей подкупающей естественности.. Точно невидимые бури лихорадили тебя. Я была сама не своя. Но и ты допускал фальшивые ноты. А все, что произошло девять месяцев назад на лестнице, казалось невероятным наваждением. «Ну, что он суетится, – злилась я. – Боится, что обрел свободу, а глупая барышня пребывает во власти неосторожно брошенных слов? Да ничего подобного. Было и прошло. Не стоит беспокоиться. Ни-

кого он с пути истинного не свел. Но почему на сердце так больно кошки скребут?»

А ты мне потом говорил:
– Я впервые увидел тебя такой суровой и закрытой, точно индийская гробница. Не смеешься, не улыбаешься, молча участвуешь во всем и постоянно видишь меня насквозь, как рентген. Я тогда почувствовал чуть-чуть твою внутреннюю силу и вдруг стал нервничать...

Во двор въехала серая «Победа». Шоферская дверца распахнулась и...
– Вот наша Музочка, – сказал ты.
Вслед за Музой из машины вышел Акпер. И они вместе, улыбающиеся, летние направились к террасе. Муза, одетая во все зеленое, выглядела очень экстравагантно, несколько роскошно для шофера, но зато мимо не пройдешь. Ха, едет, должно быть, по Москве, рулем покручивает, зелеными глазами светофорам подмигивает, и они ей зеленым отвечают. Здорово!
Ты поцеловал Музе руку, а с Акпером расцеловался, да еще приговаривал:
– Ой, Экперим, эфендим, устадым, ой, паша! Познакомься, Музочка, вот наша Вера Тулякова, редакторша из мультфильма, а вот наш режиссер... – и ты запнулся.

У тебя была никудышная память на имена, фамилии, числа, дни недели... Список велик. Но в главном память была надежная: не забывал обманутой дружбы, хотя и объясняться на этот счет не любил, всегда помнил человечные поступки людей, неважно, относились они к тебе самому или к другим, всегда возвращал долги. Недавно мне показали твое письмо, написанное, когда ты в 1960-м году покупал автомобиль «Волга»: «Прошу троих моих братьев: Сулеймана Рустама, Мехти Гусейна и Расула Рза одолжить мне деньги на машину. Обещаю вам не умереть, пока не верну долг. Ваш Назым».

Ты оставил нас слушать свои последние стихи, переведенные Музой Павловой и Акпером Бабаевым за время твоего отсутствия. Что и говорить – слушать стихи мы остались с удовольствием. Стихи твои уже жили во мне.
Ты слушал переводы напряженно, просил повторить строки, которые не понял или не принял. Ничего не существовало для тебя в этот момент, только стихи... Слушая их, ты в такт покачивал головой. Лоб твой взмок, покрылся капельками пота, пальцы пришли в движение, что-то беспорядочно перебирали, трогали, мяли, словом – нервничали.
Муза читала ровно, спокойно, донося каждое слово:

Родина, родина,
не осталось на мне
даже шапки работы твоей,
ни ботинок, носивших дороги твои.
Твой последний пиджак
из бурской материи
износился давно на спине...

В том варианте перевода строка о ботинках сначала была иной: привычной, правильной – «ни дорог, носивших ботинки твои». Ты сразу прервал чтение, стал объяснять, что у тебя написано наоборот. Очень волновался. Тебе все казалось, что ты недостаточно внятно говоришь, поэтому ты постоянно обращался за поддержкой к Акперу. Быстро, скороговоркой объяснял ему свою мысль по-турецки, чтобы Акпер помог растолковать заложенный в строку смысл.

Акпер был счастливым человеком. Все, кто любил тебя, Назым, завидовали ему – он читал твои стихи в подлиннике. Ты утверждал, что Акпер говорит по-турецки, как урожденный стамбулец. Ты доверял его литературному вкусу и всегда волновался, показывая ему только что законченные стихи. В моменты домашних поэтических премьер Бабаев был для тебя Турцией.

Муза читала стихи.

Странная стала погода -
То снег, то солнце,
То дождь.
Говорят,
После атомных испытаний
оседает стронций
на траву,
на мясо,
на рожь,
на надежду
и на свободу
и на великую мечту,
у чьих ворот
стучимся…

Ты слушал придирчиво. Просил заменить не «свое» слово более точным. Обращался ко всем за помощью. Все хором искали синонимы, думали, предлагали. Ты снайперски улавливал самое подходящее слово. Ты был так прост, так непосредственен, такая жажда творчества исходила от тебя, что передавалась и всем нам.

Я еще не знала, насколько важным для тебя было мнение самых разных людей о твоей работе. Ты не гнушался, как некоторые, показывать только что написанное знакомым и незнакомым людям.

Но выслушивать любое, самое толковое замечание для тебя было сущей мукой.. Ты нервничал, спорил, обижался, го-

ворил, что ничего не умеешь. Поневоле приходилось тебя ласкать и утешать. Были люди, к мнению которых ты прислушивался. Хотя сбить тебя критикой было невозможно. Все это я поняла хорошенько потом, а в тот день...

Муза читала отчетливо и спокойно, донося каждое олово:

Начался листопад моего поколения.

Не все мы дождемся этой зимы.

– Извини, милая, как ты сказала? – прервал ты Музу.

– Начался листопад…

– Листопад – это когда осенью деревья становятся голыми? Дождь из листьев? У вас так?

– Да, Назым.

– Какое красивое слово «листопад». Никогда не слышал. Читай, пожалуйста.

Что ты хотел сказать, Назым, в этих стихах? Что смерть заставляет задуматься о жизни? О жизни того, кто умер, и о жизни собственной? Я много раз слышала от тебя фразу из Корана: «Человек должен жить так, словно он вечен, и так, словно проживет всего один день».

Наступало время обеда. Ты хлопнул в ладоши и позвал всех за стол. Гости особенно не сопротивлялись. Мы встали, зашумели. На непокрытом скатертью столе небольшие болгарские пиалы, рядом русские деревянные ложки, неудобные, больше пригодные, чтобы щи хлебать из общей миски. Я не любительница показухи, тут же попросила дать мне нормальную ложку и получила ее под твоим остреньким, все с ходу понимающим взглядом.

Еды немного, трапеза больше символическая: фасоль, брынза, зеленый лук. Поэтому гости нажимают на хлеб. Мне есть не хочется. Зазвонил телефон, говорят, это Аркадий Райкин. Ты вышел из-за стола, взял трубку, бурно обмениваешься с ним приветствиями, шутишь и с ходу:

– Прежде всего, я должен тебе рассказать. Про меня здесь пустили слух, будто я женился в Варшаве. На богатой – это ладно, то, что она графиня – нормально, но вот что она старая – это мог придумать только враг!

Ты вернулся за стол, на меня не смотришь, будто меня и нет. Это трудно – сижу я прямо напротив тебя. Зато Акпер пристально наблюдает за нами обоими.

За столом оживление. Гости возбужденно говорят о стихах. Многое из прочитанного в тот день позже вошло в сборники «60 стихотворений» и «Новые стихи». Грусть их надолго повисла в воздухе. Это была грусть листопада.

– Ничего! – ударил ты ладонями по столу, откинулся назад и взглянул на меня в упор. – Все-таки вы можете мне сказать, Вера, что с вами произошло? Вы так похорошели!

Тогда все посмотрели на меня. Муза посмотрела, и Акпер посмотрел, и Анатолий Георгиевич посмотрел. А я, как со мной бывает, краснею до ушей. Такая уж у меня способность дурацкая – краснеть в самое неподходящее время. И по сравнению с правдой стихов этот вопрос показался мне мелковатым. Стало досадно, что убрала Муза в папочку вместе с рукописью большого Назыма и оставила на обед Назыма маленького.

– Я хочу узнать, есть ли в моих стихах что-нибудь, что не нравится моей редакторше? – неожиданно весело спросил ты.

– Ваша печаль, – в тон ответила я.

– Вам, наверное, как большинству, кажется, что я самый счастливый человек мира? – ты усмехнулся.

– Если бы меня все любили так, как вас, я бы ни за какие деньги не писала грустных стихов, – попыталась я обратить разговор в шутку.

– Поэзия вообще дело невеселое, – вздохнул ты.

Помнишь, Назым, однажды Вольпин рассказал нам, как они с Эрдманом во время войны рыли окопы под Москвой. Немецкие летчики летали низко-низко над ними, даже их ухмыляющиеся морды были видны. Вольпин устал и пожаловался:

– Какая это тяжелая работа – копать землю.

А Эрдман и говорит:

– Но все-таки легче, чем писать стихи.

– Да, – согласился с ним Вольпин, – несравненно легче.

Значит, что-то со мной все-таки произошло... Какая-то тревога навалилась на меня. Стало холодно, беспокойно. А ты оживленно общаешься со всеми, много шутишь. Вот попросил ключи и вытащил из шкафчика бутылку ракы, наливаешь в рюмки, учишь нас пить турецкую анисовую водку, доливая водой. Мне показалось, что поглядываешь ты на меня как-то воровато, и веселье твое напускное, и говоришь что-то не свое, а слабенькое такое, ерундовое. Поймала я себя на мысли, что ты мне не нравишься. Захотелось мне поскорее уехать из этого дома.

Вышла я в прихожую, встала перед зеркалом и поглядела на себя. Ничего нового. Разве что волосы отросли, распрямились, выгорели на солнце... И вдруг увидела я тебя как наваждение в зеркале позади себя. Наше зеркальное отражение точь-в-точь походило на неудачную фотографию акварели Акимова с лицами старика и молодой женщины. Только тут я с потухшими глазами, а ты с виноватыми. Не понравилась тебе эта фотография. Ты посмотрел мне в глаза строго, проницательно, властно. Потом схватил мои волосы в горсть так, что стало больно затылку, притянул мою голову к своему плечу, вдруг разжал ладонь, провел ею по своему лицу и, не оглядываясь, ушел.

Я привыкла видеть тебя разным – озабоченным, радостным, взволнованным, естественным. Сейчас же... Что-то развеялось, и на душе тускло, нехорошо. Домой, домой. Скорее домой...

Всплыло в памяти зачем-то первое наше лето 1956 года. Помнишь, по твоему зову, Назым, мы с Валентиной Брумберг приехали к тебе на дачу?

Ты уже несколько недель тяжело болел, и по Москве ходили разговоры, будто умираешь от антибиотиков. Ты прислал на студию шофера с запиской и попросил его не приезжать без нас. Стояло лето. На дворе пекло солнце. Ты лежал в маленькой спальне. Едва мы вошли – с ног сбила невыносимая духота – окна и форточки наглухо закупорены. Почему здесь всегда было так душно?

Ты лежал на высоких подушках, потный, в шерстяном белье. Печальные глаза смертника.

Не могу смотреть в глаза умирающему:
стыжусь.
Жить мне кажется чем-то преступным,
если кто-нибудь рядом со мною
прощается с жизнью,

– напишешь ты позже в стихотворении «Новогодняя елка». Вот примерно эти же чувства охватили нас тогда. Твои тонкие руки вытянулись поверх теплого одеяла. Кожа сплошь покрыта язвами. Знаешь, я заметила, что руки всегда выдавали состояние твоего духа.

Некомпетентность домашнего врача чуть не обернулась трагедией – она переколола тебя пенициллином и спровоцировала болезнь крови, которую у нас лечить не могли. Мы слышали, что многие пытались достать для тебя за границей необходимое лекарство. Друзей хватало, да в ту пору даже у самых именитых из них практически не было контактов с иностранными коллегами.

Господи, как ты был плох, как измучен!

Ты тяжело и редко дышал. А за окнами буйствовало лето. Ели, сосны, березы раскачивались за твоими двойными стеклами. Зелень леса была нестерпимо яркой, а небо синее-синее, как на американской кинопленке. Рядом с летней благодатью ты выглядел большой умирающей рыбой, пленником потных подушек и жаркого одеяла, своей слабости, своей грусти, своей обреченности.

Мы стояли, склонившись над тобой. Никто из снующих за спинами «нянек» не предложил нам стула. Ты пригласил нас сесть на край кровати. Мы сели.

– Ну, миленькие, расскажите, что нового у вас?

Мы болтали о том о сем, пытались шутить и веселить тебя, притворялись как могли, но от этого притворства нам самим было жутко, и, казалось, ты это понимал. Врачиха упредила нас – не засиживаться. Демонстративно забралась с ногами на соседнюю кровать, подняла юбки, заголила ноги и принялась – в метре от нас – ковыряться в пальцах, стричь на ногах ногти...

Старая московская интеллигентка Валентина Брумберг, сраженная абсурдом происходящего, начала от возмущения по-настоящему задыхаться. Ты перехватил ее взгляд и так же, глазами попросил не обращать внимания. Тут, мол, ничего не поделаешь.

Мы все время порывались уйти. Но ты не отпускал нас, как маленький хватал за руки и тянул сесть. Улучив момент, когда надзор был ослаблен, вдруг быстро вытащил из-под подушки что-то вроде футляра от очков, высыпал из него мне в руку горсть таблеток и попросил выбросить их по дороге.

Позже ты рассказал мне историю своей болезни. Ее спровоцировали политические драмы 1956 года – правда о сталинщине, открывшаяся на XX съезде, и советские танки, раздавившие венгерское восстание. Террор, кровь и ложь. Удары пришлись по самому сокровенному – по идеалам. На фоне жестокой депрессии началась пенициллиновая болезнь, и ты стал собирать таблетки сильнодействующего снотворного. В то лето ты умирал четыре раза.

А тогда, увидев мое замешательство, ты неожиданно улыбнулся, как в былые времена, и рассказал чудесную притчу:

– Однажды Ходжа Насреддин заболел и пригласил врача. Когда врач уходил, Ходжа велел слуге дать ему денег. Потом он дал слуге деньги для аптекаря на лекарство, прописанное врачом. А когда слуга его принес – Ходжа приказал ему выкинуть лекарство в окно. «Как же так? – удивился слуга. – Вы дали деньги врачу, дали деньги аптекарю, а теперь хотите выбросить лекарство?» – «Я дал деньги врачу потому, что ему надо жить. И аптекарю надо жить. И мне тоже надо жить», – ответил слуге Ходжа Насреддин.

Вот сейчас подумала – не слишком ли сурово я обхожусь со временем твоей жизни до меня? Обещаю тебе, что расскажу о нас честно. Мы ведь так и говорили с тобой обо всем, Назым.

Вечером того же дня, когда мы после длинной разлуки встретились в Переделкино, ты позвонил мне домой.

– Что с вами случилось? Вы можете сказать мне правду?

– О чем вы? – не поняла я.

– Тогда отвечайте: вы любите кого-то? Кто этот человек, вы можете сказать? Я его знаю?

– Я никого не люблю, – рассмеялась я. – Почему вам пришло это в голову?

– Ни-ко-го?!

– Ни-ко-го.

– Странно.

– Почему же?

– Так, милая. Не стоит меня жалеть, честное слово. Не стоит.

– Я и не собираюсь вас жалеть. Разве вы нуждаетесь в жалости?

– Я же не дурак. Вы так изменились. Вы совсем другая.

– Просто я стала красить губы. Это единственная перемена.

– Видел. Это тоже для кого-то, милая. Я прожил жизнь, миленькая. Женщины ничего не делают просто так. Я имею в виду ваше желание нравиться. Может быть, вы еще сами не

знаете, что любите. Может быть, в вас пока действует подсознание... Я очень постарел, да?
– Да что вы, Назым, в самом деле? Откуда такой пессимизм? Наверное, очень устали с дороги. Вот подождите, пройдет дня два...
– Я болен вами, милая. Больше ничего.
И положил трубку.
Господи, что он сказал?! Уж не приснилось ли мне? Оборвал разговор? Почему?
Я представила, как Назым сейчас ляжет в свое узкое деревянное ложе. В доме погасят свет. Станет тихо-тихо. А он лежит и думает... думает обо мне. Я тоже лежала и думала. Про него думала, про его печаль, про его слова, про то, что увидела его не таким, как мечталось. А каким? И сама не знала. Как прежде – ясным, искренним, красивым, без суеты, без трусливых взглядов.

Прости, Назым. Я была дура дурой. В то время я не знала тебя и не могла почувствовать того, что потом испытаю с лихвой – твоей ревности. Увидев меня, как тебе показалось, похорошевшей, ты по-своему истолковал перемену, и ревность обуяла тебя.

На следующее утро, едва я пришла на работу, зазвонил телефон. Я услышала, как моя любимая подруга-коллега Раечка Фричинская, вся просияв, воскликнула:
– Назым! Ну, как вы? Когда приедете?
И смеялась, и говорила тебе какие-то милые забавные слова, и по ее лицу было видно, что и ты вторишь ей такими же нежными ласковыми словами, какими только ты умел говорить с женщинами. Я ждала, когда спросишь, пришла ли я, и тут Раиса сказала:
– Пришла, пришла, сейчас! – и помахала мне в воздухе трубкой с гримасой, которая в переводе на слова звучала бы так: «Ну, иди скорее, чего сидишь, будто не знаешь, что тебя!»
Я подошла.
– Здравствуйте, Назым!
– Доброе утро, Верушка. Я хотел узнать, могу ли я быть у вас сегодня? Я хотел поговорить с товарищами-художниками. Я хотел им кое-что объяснить...
– Приезжайте, мы будем рады вас видеть.
Пауза.
– Вы слышите меня? Алло?
– Да, милая, я приеду. Будьте здоровы, хорошенькая моя.
Мне стало интересно жить. Начинался какой-то театр.

Тогда в этом театре действовали только добрые положительные герои (злые силы появятся значительно позже), и лишь один зритель – я. Судьба постепенно превратит меня тоже в действующее лицо, но все это будет потом, а пока – только добрые положительные герои.

Ты стал звонить мне на студию все чаще. Все настойчивее. Хочешь слышать мой голосок. Что же? Я рада, счастлива. Мне интересно, приятно, лестно говорить с тобой. В эти разговоры пока по крупицам входит твой особенный мир с пульсом планеты. Каждый день ты как бы чуть-чуть подтягиваешь меня ввысь. Я замечаю, что на многое начинаю смотреть твоими глазами, Назым.
Оставаясь со мной наедине, ты менялся, становился мягче, нежнее. Любил молча, с неизменной грустью смотреть на меня и слушать все, о чем я рассказывала. Теперь ты хотел знать все, самые мельчайшие подробности моей жизни, историю моей семьи, судьбу родителей, их взаимоотношения, характеры. Все без исключения интересовало тебя. Ты сидел, откинувшись на спинку стула, положив ногу на ногу, немного наклонив голову набок, и слушал.
– С каких лет вы себя помните?
– Наверное, с пяти.
– И вы помните какие-то вещи с пяти лет и можете себе представить лица людей? И вам никогда не кажется, что это было гораздо позже?
Услыхав мой утвердительный ответ, ты очень удивился.
– А я ни черта не помню. Детство свое совсем не могу рассказать.
– Но вы же рассказываете, я сама много раз слышала!
– Да, приходится рассказывать. Ведь люди не понимают, что у меня такая глупая турецкая башка. Может быть, я и не вру, потому что моя мама или сестра, или тетя вспоминали часто при мне разные случаи из моего детства. Но мне уж не отделить, что их, а что мое.. Вот так, милая. Ничего не помню.
– Но все-таки с какого времени вы говорите о том, что действительно происходило?
– Так точно не могу сказать. Некоторые эпизоды помню очень ясно. Вот очень хорошо помню, как дед водил меня на собрания своей секты вертящихся дервишей. Много людей, может быть, тридцать или пятьдесят человек собирались и в темноте с маленькими огоньками в руках начинали своеобразно молиться... Еще помню, что все они казались мне высокими, как тополя... Они все пели и кричали. Я, конечно, ничего не понимал, но зато я ловко двигался, подражая им, даже быстрее, потому что был маленький мальчик. Дед руководил этой сектой и всегда меня толкал в середину круга, я должен был вращаться и трястись в ритме молитвы. От их странных фанатических, уходящих ввысь голосов я постепенно, даже очень скоро, приходил в экстаз и двигался на своих тоненьких ногах, как волчок. Очень долго так вертелся, пока не сваливался от усталости. Тогда, может быть, я впервые познакомился со своим сердцем. Я не уставал – уставало оно. Я, возможно, совсем бы с ума сошел с этими стариками. Меня увлекала их самоотверженная молитва, их экстаз мне передавался. Я был очень чувствительный мальчик. И потом все это происходило ночью, прямо под открытым небом. Какая-то тайна ощуща-

лась. На душе становилось страшно и интересно. Я увлекался звездами в эти мгновенья. Медные звезды качались прямо над моей головой и становились громадными по мере того, как усиливались голоса людей вокруг меня. Помню, как мне нравилось находиться рядом с дедом, с таким большим, строгим человеком. Ведь его все уважали и побаивались немножко. Нравилось, потому что я его совсем не боялся. Он любил меня, и я ловко пользовался его любовью. Я был достаточно хитрый парень, хотя и маленький. У деда была большая белая борода... Он очень любил читать стихи и читал часто, когда я оказывался возле него. Но я не помню, как именно он читал. Я знаю об этом, но не помню. Смог вам объяснить? Да? Ну, так вот, я не помню его. То есть в моей голове не возникает ни голоса, ни фотографии, когда я говорю о своем деде. Но образ его жив. Но я помню ощущения, связанные с ним, с его прикосновением ко мне. Понимаете, я вот сейчас чувствую тяжесть его руки на своей голове или его колени, когда я на них сидел. У него были острые колени, и я помню, как неудобно было на них сидеть. Однажды, как всегда, в гостиной у деда собрались дервиши с белыми бородами. Сидели и степенно ждали, когда он появится. Ритуал у них такой был. Когда же дед к ним вышел, они обрушились на него с упреками за то, что он скрыл от них такие чудесные стихи. И старики наперебой начали их читать. Услышав первые строчки, дед стал отказываться, тогда дервиши развернули свежие газеты и стали размахивать ими перед носом моего деда. Может быть, вы не знаете, Вера, что у нас все дервиши писали стихи, но печатать их не полагалось, это считалось большим прегрешением. Дед закричал на них:

– Никаких стихов я не печатал!

– Как же? – спросили дервиши. – Вот, смотрите, они подписаны вашим именем!

В это время я играл под окном в футбол. Я услышал крики и препирательства в доме и вбежал туда из любопытства, конечно. Понял, в чем дело, сказал:

– Это я написал! – и прочел свои стихи.

Дервиши обалдели! Они воззрились на меня с благоговением. И мой дед растерялся не меньше других. Старики решили, что в меня переселился дух шейха Руми, и были готовы целовать края моих коротких штанишек.

Конечно, я ни черта не понимал ни в их религии, ни в их стихах. Я просто, наверное, слышал их стихи и подражал им.

– Это вы, молодой господин, написали такие прекрасные стихи? – спросили они меня, когда пришли в себя.

– Да, я написал! И еще напишу! И вообще буду большим поэтом! – крикнул я им и помчался к своему футболу.

Вот так, миленькая, видите, я немного зазнался в детстве. Потом дед любил повторять разным людям мою выходку. Он меня в самом деле очень любил. Вот это тепло его любви тоже сохранилось во мне, его гордость своим внуком, то есть мной. Это тепло тоже всегда ощущаю. Жаль, но в моей голове не осталось фотографии деда. Я прекрасно помню молоденькую маму. Она была первой женщиной, в которую я был влюблен. Вы не читали Фрейда? Я не его поклонник. Как материалист, я во многом с ним не согласен, но кое в чем его наблюдения верны. Я был влюблен в свою маму. Она, знаете, была удивительно красива! Но у-ди-ви-тель-но! У нас в Турции существует обычай. Сейчас, конечно, остался только в деревне, а раньше его выполняли все. Когда моя мама выходила замуж, то перед свадьбой ее по нашему обычаю усадили в комнате. Конечно, она уже была одета как невеста, и лицо ее прикрывала тонкая материя. С самого утра все гости и вообще кто хотел, приходили посмотреть на невесту моего отца. Она воспитывалась в Париже, и даже турецкой крови у нее было мало, но она следовала всем обычаям Стамбула и, бедняжка, выдержала мучение до конца. Но я хочу сказать не об этом. У вас, у русских, тоже устраивают смотрины – сейчас, конечно, нет, но раньше было, я знаю из литературы. Люди, которые видели маму, не могли оторваться от ее красоты! Многие даже не выдерживали и поднимали вуаль с ее лица, им не верилось, что человек может быть так бешено красив. Люди трогали ее щеки, чтобы убедиться, не кукла ли перед ними в одеянии невесты. У мамы были синие глаза и такая свежая кожа, будто она из света утреннего солнца. По всему городу тут же пролетел слух, что мой отец женится на кукле. Так ее и звали. Люди целый день толпились возле нее, а она сидела неподвижно, молча и ничего не ела, потому что нельзя. Раз невеста – терпи. Вот, милая, я ненавижу всякие обычаи, всякие! Они нас держат. Я стал революционером, чтобы бороться против бессмысленности обычаев тоже. Обычаи держат людей в рабстве, а я против всякого рабства. Они оружие в руках обывателя, а я ненавижу обывателей. Обычаи – это страшно, даже свадебные, даже похоронные.

Ты знаешь, наступает зима. Меня колотит озноб. Холод бежит по спине. Ты уже далеко. Сегодня смотрела на твои фотографии. Они не имеют никакого отношения к тебе – не увидела ни одной похожей. Они имеют отношение к твоим костюмам, которые висят в шкафу, и я могу сейчас встать, погладить их рукой, прислониться лицом и почувствовать твои родной запах. Но я не встану. Буду сидеть здесь, на кухне, за машинкой и чувствовать твой взгляд. Ты стоишь на пороге кухни, опершись плечом о дверной косяк, засунув руки в карманы брюк и смотришь. Я знаю, ты счастлив, особенно теперь, когда я говорю с тобой, когда ты видишь, что я ничего не забыла, что я одна. У тебя теперь много времени. Ты сделал все, что должен был сделать, и можешь стоять, засунув руки в карманы. Ты продолжаешь жить в нашем доме, но теперь не как хозяин, а как гость.

Иногда ты исчезаешь, и я ищу тебя во всех домах, куда ты мог зайти. И чтобы отвлечься от сумасшедшего поиска, я

заставляю себя войти в кухню, сесть за машинку и спокойно попросить тебя вернуться. Ты приходишь, когда я этого хочу. И я знаю – до тех пор, пока я буду печатать на кухне, ты всегда будешь стоять на ее пороге, даже когда я состарюсь. Я знаю, что, обернувшись невзначай, я всегда найду твой ободряющий взгляд и любовь, которую никто не отнимет. Но, мой милый, наступает зима, и я ее боюсь. Выпадет снег, мороз спаяет землю; наши свидания – во что они превратятся? Твое фешенебельное кладбище станет похоже на погорелую деревню с памятниками – печными трубами; из-под снега то там, то сям будут торчать каменные плечи, руки, черные головы. Завоет ветер, заскрипят деревья... Зябко. Страшно. Я боюсь. Я не приду к тебе зимой, Назым.

Однажды в гостях у Вольпиных кто-то заговорил о Маяковском, допустил неточность, и поскольку Вольпин очень любил и знал поэта, он начал поправлять рассказанную историю, делал это деликатно, не книжно. Ты сразу оживился. Вскоре всем стало интересно слушать, о чем говорят люди, знавшие Маяковского. Эти неожиданные воспоминания объединили нас всех, сблизили. Мы и не заметили, как ночь прошла. Дома я кое-что записала.

– Сколько раз я слышал, как он говорил: «К сорока застрелюсь! К сорока застрелюсь!» Хлопал в ладоши и повторял, – рассказывал Вольпин.

– Я этого не знал... А в стихах? Он что-нибудь писал об этом? – спрашивал ты.

– Я тоже, как и вы, Назым, привык верить стихам. У Маяковского нет ни одной лирической поэмы, где не было бы темы самоубийства. В «Облаке в штанах» – есть, во «Флейте позвоночнике» – есть: «Все чаще думаю – не поставить ли точку пули в моем конце...», «Про это» – есть: «...прощайте, кончаю, прошу не винить...», в «Человеке» есть: «Глазами взвило в высь стрелу.\Улыбку убери твою,\ А сердце рвется к выстрелу,\ А горло бредит бритвою». Конечно, в «Ленине» нет, и в «Хорошо» нет.

– Как вы это объясняете, брат?

– Он очень боялся смерти. От всего. От болезни, от заразы. Ведь его отец умер от заражения крови. Это подействовало, очевидно. Была мания чистоты. Постоянно носил мыло в кармане, все время мыл руки...

– Но были рядом люди, которые его защищали от этой идеи смерти?

– Ну, еще бы! Вот однажды я Брика спрашиваю...

– Лилю Брик?

– Нет, ее мужа первого, Осипа Брика. Они были очень дружны с Владимиром Владимировичем. Так вот, я его спрашиваю: «Как вам не стыдно, вы взяли и уговорили Маяковского вычеркнуть прекрасные строки:

«Пусть я не признан моей страной,
Пусть я не признан, ну что ж!
По своей стране
Пройду стороной,
как на солнце косой дождь».

А Брик сказал, что если им позволить сочинять такие стихи, то они все перестреляются.

– Почему? – не понял ты.

– Это стихотворение публиковалось вскоре после смерти Есенина. И Брик очень хорошо понимал Маяковского. Он был земной, умный. Так проявлялась его человеческая забота о Маяковском, больше даже, чем о поэте.

– А когда вы познакомились с Маяковским?

– В конце 20-го года. Еще очень голодное время в Москве. Я студент ВХУТЕМАСа, первого курса, пришел в «Окна РОСТа» в поисках заработка.

– А Лиля Брик тоже там была?

– Лиля Брик и сестры Маяковского – Людмила и Оля раскрашивали рисунки. Мастерские находились в районе Лубянки. Эта работа давала тогда основное пропитание и Маяковскому, и многим художникам. И вот однажды туда пришел я и принес дробные рисунки с какими-то самодельными стишками. Был я очень нищий и вид имел голодный... Добрый Черемных увидел мои лиловые брюки из портьеры и против своей художественной совести пробу мою одобрил, предложил зайти в ближайшее время, чтобы дать мне реальный заказ. Когда я пришел в назначенный день, то около стола, на котором лежали мои рисунки, стоял Маяковский и ругался: «Кто притащил эту дрянь?..» И я с вызовом – петушился немножко – сказал, что это моя дрянь и что Черемных ее в основном одобрил! Маяковский, увидев такого разнесчастного автора, сразу подобрел и шутливо спросил: «А вы знаете, с кем вы разговариваете?» Я ответил: «Знаю. Вы уже Маяковский, а я еще Вольпин». Маяковскому, видимо, понравилась моя наглость, хотя она была вымученная – я его очень любил. Он сразу переменил тон на заботливый и стал расспрашивать, как я живу, какую стипендию получаю, хотя все это он прекрасно знал – во ВХУТЕМАСе Маяковский бывал часто. И сказал, что около РОСТа кормится много хороших, опытных и голодноватых художников, а подписи к рисункам, по существу, пишет он один, иногда еще Рита Райт, иногда кое-кто еще. «Так вот, попробуйте лучше писать стихи. Вот вы же подписали свои рисунки какими-то стишками. А уж к своим стишкам можете иногда и плакат нарисовать...» Ну, конечно, в основе всего этого было сочувствие. Он хорошо понял, что попытка вести себя вызывающе, сострить тоже была подражанием ему, и он сразу превратился даже не в старшего брата, а в отца. И в дальнейшем очень либерально относился к моим рисункам и снисходительно к стихам, которые я делал изо всех сил под него, под Маяковского. Нет, к стихам он относился все-таки строго. Плохую рифму ему не подсунешь.

– А как он относился к поэтам того времени, кого ценил?

– Однажды я пришел в помещение РОСТа. Маяковский был уже там и рассматривал свои рисунки, раскрашенные сестрами. Они лежали на стареньком, совсем хлипком столике. В это время кто-то пришел с трагической новостью: в Петрограде умер Блок. Маяковский выпрямился, приподнял столик этот, резко, с силой опустил его так, что подломились ножки и посыпались все рисунки. Со страшным огорчением, прямо-таки страданием на лице – я редко видел его таким – произнес: «Единственного не халтурщика голодом заморили». И здесь, в этой фразе, может быть, сказалось его подлинное отношение к своей работе, к «Окнам РОСТа», которые ему давали возможность жить... Много лет спустя, вспоминая РОСТовские времена, я умиленно даже как-то сказал Маяковскому: «А помните, Владимир Владимирович, как с вашими только что раскрашенными рисунками в эту огромную комнату приходила Лиля на своих тонких ножках?». Господи, что с ним было! Я думал, он меня поколотит за эти «тонкие ножки»: «Не смейте говорить о ней так!» – а была уже в его жизни Татьяна Яковлева... И он собирался ехать в Париж на ней жениться... Гнев его мне удалось потушить только его же стихами, написанными сестре Лили – Эльзе (позже Триоле):

Там дом стоит, он весь в окошках,
От Пятницкой направо от.
И гадость там на курьих ножках
Живет
и писем мне не шлет.

«Мне можно,– сказал Маяковский, – а вам – нет».

Помнишь, как Вольпин рассказал нам такую историю: «В лагере я работал при клубе художником-оформителем. И вот однажды вечером я бросил в печку совершенно засиженный мухами портрет Ягоды. Когда портрет запылал огнем, стоящий рядом зек страшно испугался и закричал:
– Теперь тебе конец! Сумасшедший, ты сжег портрет Ягоды!
– Я же завтра нарисую новый!
– Я получил 10 лет строгого режима только за то, что подтер задницу газетой с портретом Сталина. Завтра они тебя расстреляют!
И я понял, что этот растертый в порошок страхом человек прав. Утром он и донесет, а за Ягоду я получу вышку. Краски были заперты начальником – моя судьба предопределена. Я не спал всю ночь. Я не сомкнул глаз. Это случилось 26 сентября 1936 года. А утром нам объявили, что нарком НКВД арестован как враг народа».

Ты спросил у Вольпина:
– Ну что, Маяковский все-таки любил Лилю?
– Ну конечно! Она была его баба! Понимаешь, его баба...

Ты говорил: «Как наш Вольпин любит Маяковского. Как он тихо, нежно иногда произносит его имя... Мне почему-то плакать хочется. И я не понимаю, почему критики устроили скандал, что Лиля Брик опубликовала ласковые, шутливые письма Маяковского. Лично я ей очень благодарен. Я хочу знать про Маяковского все, даже как он ходил в уборную!»

– Маяковский считал, что самоубийство – один из правильных выходов для него, – говорил ты. – Он жизнь включал в ставку. Рассуждал как игрок. Полюбил женщину – ставка. Поедет со мной – буду жить. Не поедет – пуля. В этом его характер. Но глубинные причины самоубийства, конечно, сложнее. Некоторые ты знал. И продолжал у друзей и знакомых Маяковского искать черты его характера и ответы на мучившие тебя самого вопросы. Так тебе легче было входить в его поэзию. Когда Пастернак рассказал тебе о смерти Маяковского, рассказал, что пришел и увидел толпу у него в передней: «Как выстрел выстроил бы их…» – ты мгновенно через строку ощутил это великое бедствие.

Сколько раз ты говорил:
– Веруся, напиши про меня. Ведь теперь никто не знает меня, как ты, никто не предполагает даже, что самое интересное – я человек, то есть основа всего, моих стихов и судьбы. Если бы я могла, Назым, выполнить твое поручение, если бы сумела. Но эта ноша не по моим плечам. И я все думаю, почему не выключила телефон, не заперла дверь на замок, не усадила тебя к магнитофону, чтобы ты сам рассказал о себе все-все, что хотел. Впрочем, однажды мы сделали такую попытку, и ты специально для будущего не смог сказать ничего интересного.
Муза говорит: «Вспоминать тоже нужно не все». Если бы знать, что нужно и что не нужно вспоминать...

Наш билет оплачен до конечной точки пути – до города Кисловодска. Там нас никто не ждал, кроме будущего.
«Стук-стук-стук», – гнал вперед наш поезд. «Стук-стук-стук» – стучало сердце.
– Мы будем жить в Кисловодске, там много солнца зимой. В гостинице, думаю, найдем место. Потом повезу тебя в Баку. Это не Турция, конечно, но там многое ее напоминает. В Турцию, ты знаешь, нам нельзя. Месяца через три, когда все привыкнут, что ты навечно пришла жить ко мне, вернемся. Поселимся в московской квартире. Там не очень красивая мебель, но все необходимое есть. Со временем заработаем деньги, купим другую.

Да, Назым, да, все шло, как ты задумал. Через три месяца ранним весенним утром мы вернулись в Москву без рубля в кармане.

На вокзале нас встретил радостный Акпер и повез на твою

2-ю Песчаную улицу, в дом, куда я столько лет входила робкой гостьей.

Мы стояли на площадке перед дверью твоей квартиры, и ты, отыскивая ключи в карманах, с шутливо приподнятой интонацией приговаривал, как бы посвящая меня в хозяйки дома:

– Сейчас, сейчас, Веруся... Твой новый дом ждет тебя. Он очень рад. Ах, как он мечтает увидеть тебя здесь счастливой...

Наконец замок щелкнул и дверь открылась. Ты взял меня за руку и, нарочито высоко подняв ногу, перешагнул порог, как символическую границу в прекрасный мир...

Оказавшись в темной прихожей, мы невольно обернулись на свет, идущий из распахнутого настежь кабинета и ... Мощная волна злобы ударила в грудь. «БУДЬТЕ ПРОКЛЯТЫ!» – вопил гигантский багровый плакат, наклеенный на стену. «БУДЬТЕ ПРОКЛЯТЫ!» – бухало в ушах... Рука Назыма вздрогнула в моей. Мы стояли молча, не в силах отвести глаза от добела раскаленных букв. Первым опомнился Акпер и, видно, от растерянности обратился за помощью к классику.

– «Нас пугают, а нам не страшно!»– сказал Лев Толстой про один плохой рассказ. Советские люди уже давно научились читать лозунги исключительно наоборот.

Он оторвал клочок бумаги и размашисто написал на нем «Будьте счастливы!!!!!!!» С семью восклицательными знаками.

Я увидела, как ты срываешь плакат со стены, хватая побелевшими губами воздух. Видела твои глаза. В них презрение, брезгливость. Потом ты обнял меня за плечи, и мы обошли разоренную полупустую квартиру. Не вывезенной осталась только мебель с железными бирками хозяйственного управления делами ЦК КПСС, когда-то обставлявшего на свой вкус твое жилье. Ни занавесок на окнах, ни чашки, ни единой книги, ни кастрюль, ни ложек...

– Это, оказывается, очень интересное состояние, когда тебя обворовали, – с удивлением сказал Назым.

Глаза твои потемнели от ярости. Ты открыл все окна, все двери, словно пытаясь изгнать злобный дух. На сквозняке скомканный плакат зашевелился и стал, как живой, распрямляться и выползать из кухни в коридор. Ты схватил его, бросил в раковину под горячую струю, мял, кромсал бумажное месиво, пока с него не пошла красная краска, а потом выкинул в мусоропровод.

Мы с Акпером молча смотрели на это сражение. Ты обернулся ко мне:

– Веруся моя, ничто не вызывает в черных сердцах большей зависти, чем счастье мужчины и женщины, потому что они смогли решить два великих вопроса – вопрос любви и вопрос верности.

Вы с Акпером сели в машину и поехали в гостиницу «Москва», в сберкассу, куда приходили твои гонорары. На обратном пути хотели поискать хоть какие-нибудь чашки, ложки, еду в весьма скудных наших магазинах.

Я осталась одна перед запертой тобою дверью. Сколько времени я простояла, упершись в нее лбом? Перед этой дверью, как перед алтарем, я присягнула тебе, Назым, в преданности на всю любую жизнь. Я уже знала, что наш удел отныне – не покой, не богатство и благоденствие, а нескончаемые испытания в напряжении всех сил и борьбе за все, может быть, даже за хлеб. Спиной я ощущала холод необжитого жилья и дала себе слово навсегда разлюбить наряжаться, а все свои помыслы и стремление к красоте употребить на то, чтобы создать дом, похожий на тебя, милый твоему сердцу.

Пока никто не видит, нужно было сделать первое волевое усилие и заставить себя войти в твой кабинет. Я подошла к стене, пропитавшейся ненавистью, к той стене, где висел плакат с проклятием. Я гладила ее до тех пор, пока она не стала отдавать тепло.

Вернулись вы быстро. С пустым кошельком. Оказалось, что врачиха, без сомнения, прекрасно осведомленная о наших передвижениях, накануне сняла с твоей сберкнижки две тысячи – набежавшие за последние месяцы гонорары от спектаклей. Предъявила очередную бумагу с твоей подписью и оставила бывшего пациента, бывшего поднадзорного, бывшего работодателя без копейки.

Грабеж, начатый при жизни, будет продолжен и после твоей смерти, Назым. А я все равно буду долго благодарить Бога, что легко отделалась от этой тьмы.

Когда мы стали жить вместе, я увидела, что ты бешено ревнив. Ты не успокоился, а, наоборот, стал постоянно бояться, что однажды я уйду за хлебом и исчезну, что вдруг я вернусь к первому мужу, что со мной что-то случится на улице – задавит автомобиль, или я свалюсь с моста, или что-то еще, еще, еще... Ты боялся отпустить меня на пять минут. Ты говорил:

– Нужен хлеб, идем вместе или останемся без хлеба.

Ты ревновал к телефонным звонкам, ко всем, кто приходил к нам в дом, к чужой кошке, притихшей на моих коленях, к книгам.

Когда мы приходили в театр или в ЦДЛ, я замечала, что вызываю любопытство окружающих. Естественно, интерес вызывала не я сама по себе, а жена Назыма Хикмета. Мне это было непереносимо, но понятно, а тебе нет. Через десять минут ты начинал нервничать, возмущался бестактностью людей. Тебе казалось, что все «мужики» бессовестно пялят на меня глаза, что все они готовы вырвать меня из твоих рук.

Однажды ты приехал домой очень сердитый, взбешенный. Вскоре я узнала причину: какой-то человек подошел к тебе в Доме литераторов, говорил о том, о сем, а потом спросил:
– А как Вера? Почему она не приехала?
– Ты понимаешь! – кричал ты, – он поставил меня в смешное положение! Так может спрашивать только человек, который очень близко знаком с тобой или очень заинтересован в тебе! Какое ему дело, почему тебя нет! И как ты себя чувствуешь!? Кто он такой, чтобы интересоваться! И что это за фамильярность – Вера! У вас принято называть людей по имени и отчеству. Почему ты всем позволяешь называть себя «Вера»?! И каждый может так со мной говорить, и я не могу его ругать по матери, потому что ты формально не моя жена!
Короче говоря, твой покой может гарантировать только женитьба. Но я уже не верила тебе. Мне казалось, что тогда ты окончательно превратишься в такого ревнивца, какие встречаются у вас в деревнях. Ты сам мне рассказал несколько историй о мужьях, сидевших с тобой в тюрьмах за убийство собственных жен. Мне казалось, что ты тоже будешь вести себя, как неграмотный турецкий крестьянин – закроешь мое лицо платком, запрешь меня, замуруешь. И я воспротивилась:
– Нет. Будем жить, как после революции.
Ты меня уговаривал, мучился, сердился. Поехал к моей маме, просил ее на меня повлиять. Говорил, что моя дочка вырастет и осудит меня. Договорился до того, что сказал:
– Ты даешь, в конце концов, людям повод неуважительно говорить о тебе.
Я держалась на своем. Я действительно боялась, что ты замотаешь мою голову платком, и наша жизнь от твоей безмерной любви и безумного страха потерять меня превратится в ад. Тогда ты прибегнул к испытанному средству: позвонил Вольпину и попросил его придти.
Мы сидели за столом, когда ты объяснил Вольпину, причем объяснил очень разумно, почему мы должны пожениться. Ты перечислил все причины: то, что вынужден часто разъезжать по свету и не можешь брать меня с собой, это тебя страшно нервирует и огорчает. Ты не можешь нормально работать. И то, что я живу у тебя без прописки (тогда ты думал, что для этого достаточно официальной регистрации); и то, что мы даже в Ленинград поехать не можем, потому что нас не пускают вместе жить в гостиницу. И самое главное, если ты умрешь, я останусь «никем» и буду «голым жопчиком» сидеть на асфальте, а тебя сводит с ума мое будущее. И ты знаешь, что по советским законам 30 лет после смерти сможешь продолжать кормить жену – узнавал у юриста в Союзе писателей.
Мы долго говорили о наших делах, по-моему, до рассвета. Вольпишка стал спрашивать тебя, к кому ты меня ревнуешь, что ты чувствуешь, доверяешь ли мне. И тогда я впервые услышала то, что было в твоей душе. Ты объяснил свой страх:
– Вы знаете, я написал одну пьесу «Легенда о любви». Я писал ее в тюрьме, тогда я молодой был и сам никогда так не любил, как мои герои. То есть я написал эту пьесу, по-моему, она самая лучшая из всех моих пьес, чисто теоретически, понимаете? Теперь со мной случилась такая же вещь. Я влюбился, как черт! Здесь у вас это называют лебединой песней. Не знаю, лебединая это песня или песня буйвола, но это так. Это последнее, что может сделать мое сердце. Сейчас, чтобы ты мог меня понимать, брат, я объясню. Для этого должны были случиться разные вещи: я должен быть в моем возрасте, потому что если бы мне сейчас было сорок, например, я так же любил бы ее, но я не мучился бы как сейчас. Моя любовь была бы спокойнее. Почему? Потому что у нас была бы впереди большая жизнь. Дети и прочее, как у всех нормальных людей. Но мало того, что мне не сорок, я еще болен. Инфаркт, и это еще усиливает то, что мне осталось жить и любить страшно мало, понимаете? Поэтому я каждую секунду хочу видеть ее лицо, и мне жалко, просто жалко отпускать ее к другим людям, книгам, магазинам, если я не могу участвовать в этом деле. Я, как вы знаете, немножко долго сидел в тюрьме. Семнадцать лет я придумывал один женский образ. Так просто развлекался в мыслях, что еще делать в тюрьме? Единственное развлечение – мечтать. Хорошо. Я мечтал, мечтал, рисовал перед глазами одну женщину, и вот она вдруг встретилась. Так поздно. Наверное, такая женщина, как она, не единственная в мире – существовала и двадцать, и десять лет назад, не может быть, чтобы не существовала. Но встретилась из них вот она, Вера. И вы знаете, она очень похожа на женщин моей семьи. Потому что все мои тети, Сара, например, и мама были блондиночки, и она очень на них похожа. Но удивительно! У нас в Турции есть такой довольно редкий тип белых женщин, точь-в-точь как она.. Поэтому она для меня не только русская, она как будто с моей земли вышла. И она молодая, здоровая, вот видите, с таким лицом, независимая, у нее впереди целая жизнь… Что вы хотите, чтобы я не волновался? Моя ревность – не вопрос другого мужчины, хотя всех других мужиков рядом с ней я ненавижу. Могу бить даже. Но нет, что-то высшее. Но когда я вижу, что какой-то мужик… даже глупый, даже некрасивый, даже с толстым животом, даже... смотрит на нее – я волнуюсь. Потому что не хочу потерять ее. И еще я знаю, что иногда любовь безрассудна. Открывается дверь дома, входит ничтожный человек маленького роста, пошляк с лицом дохлого моржа, а вспышка получается – и все! И все... Любовь-то не всегда, как у меня, умная. Она ведь чаще всего бывает дура, и еще какая дура! Вот так, брат Вольпин, вот так… Поэтому мучаюсь, поэтому хочу немножко от нее поддержки... Может быть, не поможет ЗАГС, а может быть... Надо попробовать...

Когда Вольпишка стоял в пальто перед дверью, он обнял меня и мягко сказал:

– Назым прав, выходи за него. Им движет естественное чувство любящего мужика. Это хорошо. А ты, Назым, тоже потише немножко будь. А то ведь тяжело ей, наверное, твои турецкие страсти-то выносить. Так что уж полегше немножко старайся. А так все правильно. Хорошо будет. Я уверен.

Помню, как мы поехали в ЗАГС. На такси. С нами – наша подруга Тося. Мы с ней вышли, а ты задержался расплатиться с шофером. Потом входишь в вестибюль и смеешься:

– У меня сейчас такой интересный разговор был с водителем такси, ай-я-яй! Он меня спрашивает: «Извините, товарищ, вы не Назым Хикмет?» Я говорю: «Да, я Назым Хикмет...» «Извините,– говорит он. – Вы что, жениться приехали?» Я отвечаю: «Да, брат, жениться». А он так грустно, грустно на меня посмотрел и сказал: «Эх, товарищ Хикмет, товарищ Хикмет! Вы столько лет сидели в тюрьме. Неужели не надоело?» А я ему отвечаю: «Я привык, брат, ничего не поделаешь... Привычка!» Как ни смешно, но ЗАГС принес тебе успокоение, мы получили возможность вместе ездить, не разлучаться, и ты радовался.

Сколько раз ты спрашивал: «Вера, когда приходишь к людям без меня, рассказываешь обо мне? Как бы я хотел послушать! Очень прошу, рассказывай при мне хоть раз, чтобы я мог представить, как ты будешь делать это потом...»

Теперь ты знаешь. Тебе рассказываю по ночам.

Ты никогда не молодился. Твоим украшением были хорошо подстриженные волосы, всегда до гладкости выбритое лицо, чистые руки, чистая обувь и две белоснежные рубашки в день. А мне говорил:

– Вера, возьми сигарету! Ты должна научиться получать удовольствие от жизни… Вера, проколи уши!.. Вера, одень кольцо! Все женщины моей семьи носили украшения. Женщина без них для меня все равно, что голая… Почему ты целый месяц ходишь в одной кожаной юбке? Как будто тебе нечего больше надеть!.. Если я увижу тебя в ней завтра, то разрежу ее на куски и выброшу в мусоропровод. Сегодня мы идем в театр, надень что-нибудь нарядное для меня. Я очень тебя прошу, Веруся.

– Назым, не надо. Ну что я выряжусь, как кукла…

Но ты ничего не хотел слушать:

– Вера, почему ты стесняешься надевать красивые вещи? Что же! Мы их не воруем. Мы все покупаем на деньги, заработанные честным трудом! И нелегким, ты знаешь. Я тебя не понимаю.

– Но в театре будут все, кто тоже зарабатывает деньги честным трудом. Разве они виноваты, что у них нет того, что есть у меня? Еще недавно у меня тоже ничего не было, я этого не забыла, – пыталась я убеждать тебя, но тщетно.

– Назым, Назым, Назым, я тебя умоляю, миленький! Не смотри на меня, пожалуйста, смотри на сцену, – шепотом прошу я. Мы сидим в партере, в самой середине, у всех на виду. Люди поглядывают на Назыма, а он, повернувшись к сцене плечом, смотрит на меня, как на пейзаж или цветок.

– На сцене страшно скучно, чего я там не видел? Декорации ужасные, играют отвратительно. Мне на тебя смотреть приятнее.

– Тогда давай уйдем, – тихо предлагаю я.

– Неудобно, режиссер обидится. В конце концов, я ведь тебе не мешаю, Вера, тем, что смотрю на тебя? – начинаешь ты злиться.

А бывали случаи более впечатляющие. Помню, как однажды летом мы вошли в троллейбус на нашей улице. Пока я брала билеты, ты сел в середине салона, развернулся спиной к окну, всех оглядел, довольный, немного прикрыл глаза, и, покачивая головой от плеча к плечу, со вздохом удовольствия, громко признался:

– О-хо-хо, товарищи, вы не можете себе представить, как я серьезно люблю этот баба...

Воцарилась такая гробовая тишина, что продолжать путешествие в этом троллейбусе мы уже не могли.

– Что же, Вера, что я такого сделал! Я ведь не по матери ругался. Сказал о своей любви...

А помню, Назым, как один раз я хотела быть красивой и пошла в парикмахерскую. Там мои волосы накрутили на десять тысяч здоровенных бигуди и сунули голову под горячий колпак. Эта женская парикмахерская находилась возле Большого театра, и в одном ряду со мной сушили головы десять или двадцать балерин. Вдруг кто-то пришел и сказал:

– Вы знаете, по всей парикмахерской ходит Назым Хикмет и кого-то ищет. Интересно, кого?

И в этот момент в дверном проеме показался ты. Я почему-то страшно смутилась, закрыла лицо руками, и ты, чуть ли не дергая за носы всех женщин, высунувшихся из-под сушительных колпаков, прошел мимо меня. Не узнал!

Когда я через полчаса вышла из парикмахерской, ты накинулся на меня с вопросом, где я была. Я простодушно во всем созналась. Вот тогда ты рассвирепел.

– Ах, какой позор! Ее ищет Назым Хикмет! Да каждая из этих баб умерла бы от зависти к тебе!

– Да, Назым, – сказала я, – я сама была бы в их числе.

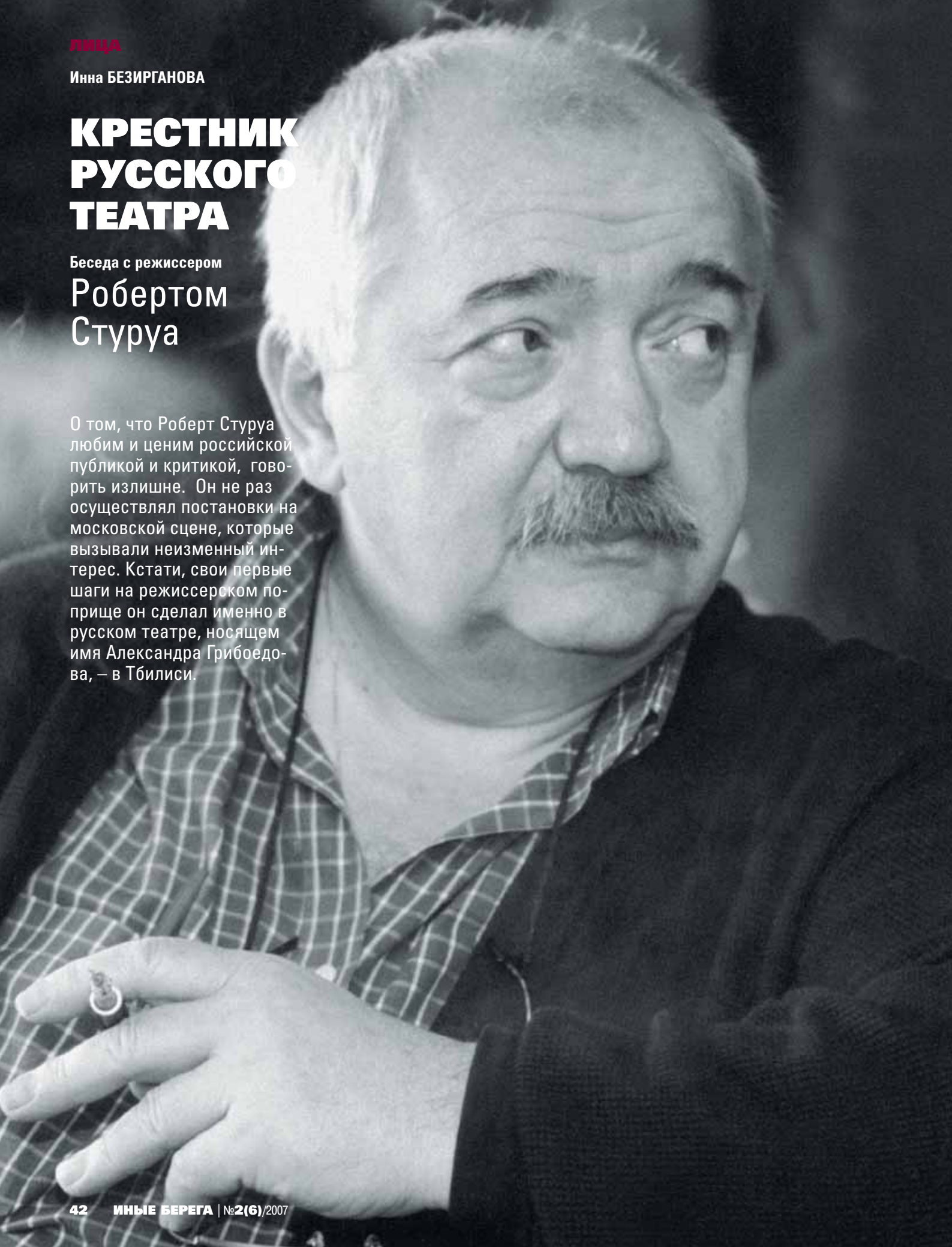
Как давно тебя нет, Назым. Как тяжело становится жить.

Инна БЕЗИРГАНОВА

КРЕСТНИК РУССКОГО ТЕАТРА

Беседа с режиссером

Робертом Стуруа



О том, что Роберт Стуруа любим и ценим российской публикой и критикой, говорить излишне. Он не раз осуществлял постановки на московской сцене, которые вызывали неизменный интерес. Кстати, свои первые шаги на режиссерском поприще он сделал именно в русском театре, носящем имя Александра Грибоедова, – в Тбилиси.

«Я крестник русского театра!»

Тогда Роберт Стуруа был студентом четвертого курса Грузинского театрального института и поставил на грибоедовской сцене свой дипломный спектакль по пьесе Агаты Кристи «Сокровище». Эту работу сам Роберт Робертович считает не очень удачной.

– Я запомнил свою первую репетицию в Грибоедовском. Мой педагог Михаил Туманишвили учил нас тому, что первая репетиция очень важна – режиссер должен объяснить актерам свой замысел, свое видение будущего спектакля. Я долго готовился к этой «инаугурационной» речи, не спал ночами, учил наизусть. Наконец, настал день первой репетиции. Долго и нудно произносил я свой монолог, чувствуя, что он никому не интересен. Артисты скучали, подремывали. Только в конце зала сидели две статистки, которые, как мне казалось, со вниманием слушали меня. Закончив свою речь, я обратился к залу: «Есть ли у вас вопросы?» В полной тишине прозвучал лишь вопрос одной из статисток: «Как вас правильно называть – Роберт Робе́ртович или Роберт Робертóвич?» Я понял: это был полный крах...

Спектакль я все же поставил, хотя он получился несколько схематичным, но мне его зачли как дипломную работу. Так что я крестник русского театра.

А вообще мое знакомство с русским театром началось задолго до первого режиссерского опыта. Моя бабушка, Нина Семеновна, у которой я проводил каждую субботу и воскресенье, решила приобщить меня к театральному искусству и обычно покупала билет на утренний спектакль. Начиная с третьего класса, я ходил один в этот театр. Я застал золотой период Грибоедовского. В то время там работали замечательные режиссеры: Абрам Рубин, Георгий Товстоногов, играли великолепные артисты: Екатерина Сатина, Анатолий Смиранин, Мавр Пясецкий, Тамара Белоусова – всех невозможно перечислить!.. Одна из любимейших для меня актрис – Наталья Бурмистрова. Моя юность совпала с ее дебютом в этом театре. Я увидел спектакль «Коварство и любовь» Шиллера, который имел ошеломляющий успех. Для меня он явился определяющим: это был романтический период для всех нас...

– Вы часто ставите спектакли в России. Как вам работается в этой стране, учитывая вашу точку зрения на то, что режиссер должен ставить на родной сцене?

– Легче, чем в других странах. Но в России другая проблема – игнорирование, забвение завещания, наследия Станиславского. Там на сцене больше говорят, чем действуют. Вроде и действуют, но внутреннего процесса не происходит. Мне кажется, это стало проявляться в последние годы – после ухода Анатолия Эфроса, других мастеров... Все на сцене слишком легко, поверхностно. Разговорчики, разговорчики, разговорчики. И – ничего!

– Дело в режиссуре?

– Режиссура в России стала сейчас многоообразной. Происходит возвращение к традициям русского театра – Вахтангова, Мейерхольда, но почему-то через европейские, немецкие традиции. В то время как в России есть свое, родное – Таиров, например... Зачем немецкий концептуальный театр, если есть свой? Получается какая-то чепуха. Можно ведь черпать из своего и создавать на его основе нечто новое. Материала для этого достаточно. Словом, желание вырваться в стилистику немецкого концептуального театра, возможно, и хорошо для приобретения какого-то опыта, но такое искусство не может по-настоящему захватить. Мне кажется, актерам нечего играть – мысль исчезла. Традиция русского театра – реализм. Даже если тот же Мейерхольд ставил пьесу «Лес» Островского в кубистической манере, он все-таки сохранял стилистику этого произведения.

– А какие спектакли последнего времени в России произвели на вас впечатление?

– Видел спектакли Деклана Доннеллана – по-моему, замечательный режиссер. Смотрел новые постановки во МХАТе и «Современнике». Все это немного... не очень ярко, что ли. К сожалению, пока не видел спектаклей Кирилла Серебренникова. Наверное, очень талантливый человек – я начал что-то представлять себе по рецензиям. Не успеваю все смотреть, и приходится судить по критическим откликам.

«В Грузии не могут ставить Чехова!»

Грузинский театр пытается приблизить мир чеховской драматургии. Только в Театре киноактера имени Михаила Туманишвили идут две постановки, в основе которых – пьесы Антона Павловича. В первом случае режиссура, если так можно выразиться, традиционная (ее предложил худрук театра Гоги Маргвелашвили), хоть и со смещением некоторых акцентов, в другом – постмодернистская (первый режиссерский опыт актрисы Нино Бурдули)...

– Роберт Робертович, кто-то назвал вас грузинским гением с чеховской душой, но Чехова вы ставите мало. Почему?

– На меня произвела сильное впечатление «Чайка» в постановке Кейт Митчелл – я видел спектакль в Лондоне. Там существует чеховская поэзия. И спектакль сначала кажется более жестким, чем сама пьеса. Но когда после просмотра снова обращаешься к тексту, то видишь в нем именно то, что увидела Кейт Митчелл.

– Кстати, как мне рассказали, Кейт Митчелл в 90-е годы приезжала в Тбилиси, смотрела спектакли Михаила Туманишвили и ваши, была под сильным впечатлением, и этот духовный опыт очень помог ей в творчестве... Но вернемся, если позволите, к Чехову.

– В молодости я осуществил постановку «Трех сестер» и тогда почувствовал, что никто не может поставить этого автора. Он касается таких, например, тем, как изменение человека во времени, а это трудно выявить в конкретности спектакля. К тому же все, о чем говорит Чехов, – близкая история, мы не можем от этого избавиться! Имения, сады, самовары, березы, деревянные дома, костюмы – невозможно абстрагироваться от всего этого. В итоге получаются забытовленные постановки. Но мы-то поняли, что драматургия Чехова больше – это поэзия. На самом деле он великий поэт театра, и открытие Анатолия Эфроса – что Чехов писал стихами – закономерно: он просто расчленил эту прозу и написал ее по ритмам... Отношение к пьесам Чехова надо менять – нельзя ставить его, как раньше. И вообще, «Чайка» – это по сути парафраз «Гамлета». Треплев – Гамлет, Нина – Офелия, Аркадина – Гертруда. Спектакль начинается сценой «мышеловки», которую «поставил» Треплев. Сходство с Шекспиром очевидно. Но нужно не менее ста лет, чтобы забыть эпоху Чехова, абстрагироваться от нее, как от елизаветинской, и тогда можно было бы прочитать эти пьесы как поэзию. Я хотел поставить самую его универсальную по мысли пьесу – «Вишневый сад». Что такое «вишневый сад»? Целое поколение потеряло нечто прекрасное, хотя экономически это ничего из себя не представляет. Это дух, ничем не объяснимая субстанция. По моему замыслу, герои пьесы, узнав о том, что вишневый сад продан, начинают сами рубить деревья... Раневскую должна была играть Иза Гигошвили. Уже были готовы декорации. Потом в Грузии начались известные перемены, и история чеховской пьесы развернулась неожиданной стороной. Если бы я выпустил спектакль до наступления этих событий, то посчитал бы себя ясновидящим... А вообще не будем стыдиться и скажем, что в Грузии не могут ставить Чехова. Он в общем-то так и не освоен грузинским театром.

– Да, хотелось бы увидеть нового Чехова в вашей интерпретации... Слышала, что современные авторы не всегда довольны вашим прочтением их пьес. Это и Рустам Ибрагимбеков, и грузинский драматург Лаша Табукашвили. Вы действительно вольно обращаетесь с драматургическим материалом?

– Напротив, я очень уважаю драматургов, сохраняю верность стилистике, идее...

– Однажды вы назвали себя внуком Георгия Товстоногова. Что вы имели в виду? Ведь ваши эстетические установки отличаются от того, что проповедовал великий «Гога».

– Михаил Туманишвили сыграл большую роль в моем формировании как режиссера, объяснил, в чем суть этой профессии, все стало ясно! Если бы не он, я бы разобрался в этом лет через десять-двадцать. Так вот, раз Туманишвили – ученик, то есть своего рода «сын» Товстоногова, то я соответственно – внук Георгия Александровича, «сын сына». Мы были вместе с ним в Америке в конце 70-х и очень подружились. Помню, в беседе со мной Георгий Александрович сказал, что ему непонятно, почему действие классических пьес переносится в современность. Кстати, он замечательно знал грузинский язык, и мы общались на грузинском... Я тогда сказал ему, что Шекспир не написал ни одной современной пьесы. Все они из истории, античности или фантастические.

– Какими вашими российскими постановками особенно дорожите? Их ведь немало!

– Все-таки это «Сеньор Тодеро» Гольдони с Константином Райкиным и «Последняя запись Крэппа» Бэккета с Александром Калягиным.

– В чем специфика работы с каждым из этих актеров?

– Калягин и Райкин – очень разные, но при этом у них много общего. Прежде всего, конечно, талант! Рождению спектакля «Сеньор Тодеро. Хозяин» предшествовал очень сложный процесс, потому что пьеса Гольдони достаточно средняя. Женитьба, перипетии, интриги... А мы превратили сеньора Тодеро в домашнего тирана. Его семья – это своего рода авторитарное государство. Трудно бороться с домашним деспотом, родным, так сказать, человеком, но еще труднее, если он возглавляет страну.

Пьеса Гольдони создавалась заново уже в процессе репетиции. А потом было ощущение, что она именно так и была написана.

Что касается спектакля по пьесе Беккета, то здесь одинокий герой Калягина ведет диалог с самим собой, вернее, с магнитофоном. Минут двадцать после начала спектакля текста нет – только действие. Этот старик, несмотря ни на что, счастлив, потому что служил верно своему предназначению. В холодильнике он хранит свои непроданные книги. Ведь и сам Беккет был не сразу признан... Есть надежда, что хоть один рассказ Крэппа написан действительно хорошо и найдет отклик у читателя.

Это прекрасная работа Калягина. Мне очень жаль, что он в чем-то пожертвовал своей профессией ради административной работы, возглавив Союз театральных деятелей России. Смотрю на это яркое дарование, и мне... больно. Сколько он мог бы еще сыграть!

P.S.

– Роберт Робертович, что скажете о перспективах российско-грузинских отношений?

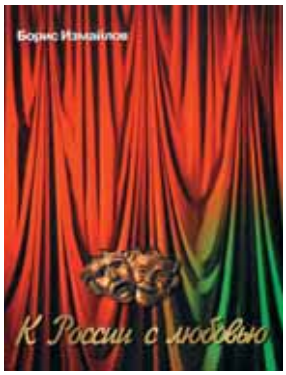
– Иногда возникает ощущение, что отношения никогда не наладятся.

– Неужели?

– Во всяком случае, в ближайшее время не наладятся. Сегодня узнал о том, что авиасообщение между Москвой и Тбилиси опять не возобновится, что россияне требуют сначала заплатить долги... Неприятно было слушать.

Позвольте представить

Книга Б.Измайлова о русских артистах за рубежом



Книга Бориса Измайлова «К России с любовью» очень проста по своей конструкции. Семнадцать творческих портретов наших соотечественников, которые по разным причинам живут и творят за рубежом. Семнадцать портретов, семнадцать судеб, семнадцать интереснейших личностей. Не менее интересен и симпатичен автор – собиратель. По словам Виталия Вульфа в предисловии, автор: «наполнил свои небольшие эссе музыкой человеческих ожиданий». Человек с добрым сердцем, доброй энергетикой, погруженный в волшебный мир искусства, искренне любящий героев книги. Надо было не только увидеть и восхититься, но рассказать и зрителям, и соотечественникам обо всех этих замечательных певцах и артистах балета, которые стали его друзьями. О детстве, о семье, о приходе в профессию, у каждого по-разному, о развитии карьеры. Они творят сегодня на сценах Чехии, Словакии, Венгрии, Франции, Австрии, Италии, Швейцарии. В их репертуаре шедевры мировой музыкальной культуры, но они русские артисты, и Родина вправе ими гордиться, потому что таковыми они себя и считают. Книга не только написана, но и издана с большой любовью, прекрасно иллюстрирована. Ее хочется подержать в руках, прочитать, иметь в домашней библиотеке. Хорошо и достойно подарить, но только если есть второй экземпляр.

Жанна ГАРАЯН

ПОЧТИ ЧЕХОВСКАЯ ТЕМА...

Беседа с режиссером

Славой Степновым

Работа над русскими спектаклями доставляет мне особое удовольствие. К сожалению, «русское направление» у нас не может быть основным. Главная проблема – очень сложно найти финансирование. Знаю, что сейчас в России начинается государственная программа поддержки русского языка за границей. Считайте, что наша работа – скромный вклад в продвижение этой программы, и мы готовы сделать больше.

Это случилось не сразу, в этом не было просчитанной стратегии – разноликий, разноязыкий город продиктовал свои условия. В Нью-Йорке – мегаполисе, где рядом сосуществуют люди разных национальностей, работает театральная компания «STEPS». Чехов, Олби, Набоков, Пиранделло, Кортасар, Вампилов, Шмитт, Пушкин – авторы этого театра. Северная Америка, Латинская Америка, Восточная Европа, международные театральные фестивали – места, где можно увидеть спектакли театра «STEPS».

Художественный руководитель театра Слава Степнов – в 80-е годы российский актер, режиссер, театральный критик, выпускник ГИТИСа.

Десятилетие театра «STEPS» – повод для нашего разговора. Но и, конечно, вечная проблема всемирной отзывчивости русской культуры.

– Мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг отметил, что ваш театр отражает истинный дух города – наверное, потому что ваша компания играет спектакли на английском, испанском, русском языках...

– Думаю, что мэр имел в виду именно это. В самом начале в процессе работы стал собираться круг театральных специалистов из разных стран. Эти люди, как и мы, приехали в Америку недавно, но нас, в отличие от «чисто американских» театров, это не испугало. Жизнь неожиданно предложила свое решение: «свежая интернациональность» отличала нас от других. Мы приняли эту концепцию и следуем ей уже несколько последних лет. Видите, в каждом конкретном проекте мы работаем с профессионалами разных национальностей – недавняя постановка «Чайки» А.П.Чехова на испанском языке начиналась здесь, а состоялась в Лиме, в Перу. «Оскар и Розовая дама» Эрика Шмитта, последняя премьера – спектакль на русском, заняты в нем замечательные актрисы из России, которые сейчас живут в Нью-Йорке. Следующая работа, которую, я надеюсь, зрители увидят в этом сезоне, – «Маленькие трагедии» А.С.Пушкина – на английском...

– Разноязыкий театр – нечастое явление. Сразу возникает вопрос «общего языка». Как быть с этим?

– Занимаясь театром, межнациональным по характеру, я пришел к выводу, что в таких случаях главное – не буквально «язык общения», а – желание общаться.

Правда, некоторых отпугивает такое дополнительное напряжение, такая «сверхурочная» работа, но это относится скорее к личностным качествам человека.

Конечно, работа со словом, иностранным словом, требует особого внимания, большой предварительной подготовки. Как правило, если найдено верное направление и у актеров есть неподдельный интерес, то через два-три дня репетиций возникает атмосфера, в которой всем все понятно...

Иногда ради эксперимента мне хочется сделать спектакль «вне языка». Поставить какую-нибудь классическую историю, например, по рассказам Чехова или Пиранделло, где будет минимум слов и максимум художественного смысла. Не хотелось бы крайностей, но очень часто в драме мы прячемся за текстом – он является для нас основным инструментом, каким-то «фетишем». Между тем, есть и другие более сложные системы: интонация, мимика, жесты. Слово есть звук, который лишь сопровождает действие...

– Приносит ли пользу вам, вашим актерам, мультикультурная концепция, по законам которой ваш театр пытается творить? Актеры разных национальных школ, культур – в связи с этим трудности, противоречия возникают?

– Всякая творческая деятельность конфликтна в своей основе, и, разумеется, межнациональный процесс работы – тоже, но здесь, как мне кажется, коллизии несколько иной природы. Столкновения не бытовые. Ментально-драматические, они чертовски завораживают, увлекают. Они интенсивны и во многом поучительны. Артисты разных национальных биографий отстаивают свои идеи, темы, правила. Люди творческие, они несут в себе чрезвычайно насыщенный заряд своих культурных и социальных амбиций. Пример: помню однажды в своем спектакле диалог двух актрис – американки и сербки. Звучал чеховский текст о жизни, но в то мгновение он звучал особенно мощно. В те секунды их диалог обрел неожиданную глубину и трагичность – актрисы играли что-то очень свое – «за сюжетом»: в это время уже несколько дней, как американские самолеты бомбили Белград...

Это экстремальный случай, но, видите, в этих столкновениях «разного» чаще всего возникает неожиданное, новое содержание. Такое качество процесса творческому человеку приносит только пользу.

– Ваша компания сделала всего лишь несколько спектаклей на русском языке...

– Работа над русскими спектаклями доставляет мне особое удовольствие. К сожалению, «русское направление» у нас не может быть основным. Главная проблема – очень сложно найти финансирование. Знаю, что сейчас в России начинается государственная программа поддержки русского языка за границей. Считайте, что наша работа – скромный вклад в продвижение этой программы, и мы готовы сделать больше.

– «Режиссер в эмиграции...» – есть ли «тема»?

– На мой взгляд, «художник в эмиграции» скорее тема придуманная... Эмиграция – это «переселение» в чужую страну. Эмиграция может быть и внутренней: можно «переселиться» в другую профессию, в другую семью. Содержание же, суть человека – субстанция постоянная и от перемещения в пространстве меняется мало. Я, например, родился в одной стране. Учился, жил, работал – в другой. Сейчас пребываю в третьей, иногда работаю в «четвертых» странах. Ничего, кроме приобретения нового опыта, это во мне не меняет.

Правда, у некоторых людей случаются проблемы психологического толка – с самоидентификацией в новом пространстве. Но и здесь все зависит от человека. Мне кажется, что новый город или страна – это лишь продолжение старых. Не бывает «бывшей родины» – есть точка «А», в которой ты родился и начал свое движение к другому, конечному пункту «Б». Все «запятые» на этом пути – лишь остановки, разные по продолжительности, обстоятельствам и комфорту.

– А вопросы карьерного роста, возможная дискриминация в профессии по национальному признаку и, наконец, адекватное материальное вознаграждение?

– Если к теме «художник в эмиграции» подойти с этой стороны, говорить о «деньгах, славе и карьере» в условиях «чужой страны», то проблема сразу приобретает иной контекст. Деньги, слава, карьера – вещи очень важные, но они, согласитесь, во все времена, в любом месте, к сожалению, напрямую не зависят от оседлости или переездов, таланта или отсутствия его, от духовной стати индивидума или его ущербности. Образно говоря, так устроена жизнь: сосиски продавать выгоднее всегда. В трудном материальном или дискриминационном положении часто оказывается любой художник. С этим можно столкнуться, никуда не выезжая из своей страны.

Конечно, пребывание в другом языковом, ментальном пространстве – дело непростое, стрессовое. Например, я достаточно долго и болезненно уяснял для себя отличия философии и технологии театров, разницу в ритуалах поведенческого характера, социальные различия, я уже не говорю о языке. Но, как мне кажется, все эти препятствия – технического толка. От этих знаний мое «внутренее содержание» стало еще определенее и, простите за нескромность, богаче. Правда, известно: знания умножают скорбь. Эмиграция – это всегда авантюра со скорбным фоном, как путешествие Каина под предводительством Люцифера в «межзвездные сферы» и «царство смерти».

– Вы вспомнили о «Каине» по мистерии Байрона, одном из ваших первых спектаклей в Америке. Можно ли считать этот спектакль результатом последствий такого стресса, или, как вы говорите, «авантюры»? При удивительной актерской достоверности многое в нем было чуточку «сверх меры». Действие разворачивалось на сцене и в зале, декорации запомнились насыщенным абстрактно-цветовым пятном, нарочито подчеркнутым был грим актеров, дополнительный сексуальный смысл несли костюмы... Сохраняя верность тексту, спектакль, яркий, насыщенный пластикой и музыкой, был далек от академической версии. В Нью-Йорке каждый день театры предлагают зрителям около 300 названий. Ваш «Каин», по версии журнала «OOBR», стал «спектаклем месяца». Вот на что провоцирует стресс...

– Наверное, это хорошо, когда твои поступки изначально обладают «энергией преодоления». Стресс провоцирует «на подвиги».

Что касается «Каина», то, преодолев его на английском языке, я тут же получил возможность «преодолевать» байроновскую мистерию и на испанском: сразу после нью-йоркской премьеры спектакль был сделан в Латинской Америке. В нем были заняты Леонардо Торес Вилар, Реналдо Аренас, Каролина Агулар, Мигель Иза, Моника Росси, Кармен Аида – имена звучат, как музыка... Русские зрители знают эти лица по бесконечным «мыльным операм» – это главный заработок известных латиноамериканских актеров. В этом моем опыте было много неожиданного и интересного.

Всегда лучше пребывать в состоянии некоего «азарта», чем покоя.

– Так как же десять лет назад начинался ваш театр? Профессиональная состоятельность была подтверждена опытом работы на Родине, вы были уверены в себе и... просто продолжили?

– Не хочется выглядеть этаким «мэтром», но театр, наверное, единственная территория, где я чувствую себя более или менее уверенно и могу действовать почти без оглядки на обстоятельства. Мне кажется, свой театр я создал уже давно. Во всяком случае, не десять лет назад, а гораздо раньше. Юридический шаг, в результате которого я получил некую абстрактную бумагу, не так важен. Видимо, мой экзистенциальный американский сюжет лишь помог мне осознать это. В Америке заявить об открытии театра ничего не стоит. Собрал несколько бумажек, зарегистрировал компанию, открыл счет в банке – и вперед.

Труднее сделать так, чтобы компания начала жить, делать спектакли, отвоевывая свое духовное пространство, создавая круг своего зрителя.

Но и это не главное. Искусство театра – особый вид диалога. Вопрос его качества и оказывается решающим.

– Американские критики определяют ваш стиль, как «movie-esque» и «unique directorial gem», что означает – театр «кинематографический по интонации» и «разнообразный, уникальный по форме». Вспоминаю свои ощу-

щения от «Чайки», которую «STEPS» играл в «альтернативном пространстве». В этом пространстве чеховские коллизии воспринимались иначе, артисты действовали завораживающе, не громко, словно «впроброс» произнося тексты об искусстве, любви, предательстве, по полу были рассыпаны настоящие яблоки, в проеме дверей изредка мелькала странная фигура с обнаженным торсом... Помню, как пронзительно звучал текст Нины Заречной: «how to bear your cross and have faith» – «умей нести свой крест и веруй»... После спектакля молчаливые, растерянные зрители расходились с большим трудом, задумчиво и сосредоточенно, как бы оттягивая свой выход из «усадьбы Сорина» в шумный и яркий контраст нью-йоркского Ист-Сайда...

– Эта чеховская пьеса о смысле жизни, о талантливых людях и их выборе. Тема универсальная – повергнет в задумчивость кого угодно. «Какая польза от моей жизни?» – вопрос трагический. Особенно, если вдруг перестаешь понимать цели, задачи или начинаешь врать себе. Ничего веселого в этом нет. В жизни, в искусстве, во взаимоотношениях очень часто происходит подмена смысла. Говорим, например, о театре, а имеем в виду здание, успех, гонорары, выгодные контракты и прочие удовольствия. Возникает путаница: обложку мы принимаем за содержание. Когда я репетировал свою американскую «Чайку» в Ист-Вилидже, в полном контрастов районе Манхэттена, этот чеховский смысл вдруг открылся мне с новой силой. Не хочется лишнего пафоса, но повторю: театр – это прежде всего творческий акт гармонии человеческого духа, воли и таланта, а потом уже все остальное, именно об этом чеховская «Чайка».

– Несколько лет назад вы поставили «Прошлым летом в Чулимске» Александра Вампилова. Тогда многим такой выбор казался спорным, неудачным, рискованным: слишком неожиданна и специфична тема, герой... Но на самом деле нью-йорская версия сюжета, помещенного в маленький, затерянный сибирский городок, оказалась не просто воспоминанием о России, а очень светлой, вневременной историей... Где бы ты ни был, не нужно идти напролом... Создавать, восстанавливать намного труднее, чем рушить, особенно если разрушено это другими, и разрушено походя...

– Да, «напролом» – мне не очень симпатично... Для меня «нью-йоркский Вампилов» возник как некий аргумент: в то время многочисленные симуляции на тему «русского и русских» вышли за пределы нормы. В Америке стали появляться странные спектакли, пьесы, фильмы, где русские представлялись для американцев этакими придурковатыми особями перестройки – вечно пьяные, матерящиеся, грязно одетые, глупые фантомы. Ничуть не лучше обстояло дело с образцами «русского», доставляемого из метрополии. За редким исключением, гастролер оказывался примерно таким же по содержанию, но в московской упаковке антрепризных образцов.

Наверное, это правда, что пьесы выбирают нас, а не мы их. Вампилов «свалился» на меня спасительным молотком, которым я должен был «отремонтировать этот палисадник». Меньше всего я думал о риске...

– Некоторые российские критики утверждают, что в Америке драматического театра нет.

– Наоборот, драматического театра в Америке слишком много, и он очень разный. Американский театр, как известно, состоит из разных «off». Он делится на подгруппы, виды, подвиды. Есть «Бродвей», а рядом существует такой феномен, как «университетский театр».

Другое дело, что хорошего вообще не бывает много, и это не зависит от географии. Театр есть везде, где есть талантливые люди. Американский театр – это конкретные имена драматургов, актеров, режиссеров. Поверьте, их немало...

Как мне кажется, проблема в другом. Здесь серьезный драматический театр предоставлен сам себе. Он – вне поля широкого общественного интереса. Американский драматический театр – это некоммерческий частно-корпоративный «network» нескольких поколений, эдакая забава для богатых людей.

Вторая проблема – профессиональное образование, которое существует по законам «рынка услуг». Многочисленные американские университеты имеют, наряду с другими факультетами, и театральный, где каждый, без строгого конкурса и отбора, может запросто, за свои деньги, получить степень в «театральном искусстве». Если человек захочет продолжить свое образование и двигаться дальше, для него всегда есть другие программы и частные школы.

В Америке обретение актерской профессии – это акт собственной инициативы и очень дорогое удовольствие.

Кстати, совсем недавно я проводил кастинг в одном из московских театров и был огорчен качеством профессиональной подготовки молодых российских актеров. Русская театральная школа тоже ищет свою нишу на «рынке услуг», но при этом, как мне кажется, теряет традиции и особенность. Жаль...

– Что вы можете считать своим достижением, а что поражением?

– Меня смущает пафос вопроса...

– А вы не смущайтесь...

– Даже не знаю... Достижение, видимо, в том, что я – есть, могу говорить, думать, делать... Вокруг меня – люди, которым я верю, с которыми могу работать, могу, если хотите, «нести свой крест и веровать».

А вот поражением будет, если вдруг выяснится, что я говорил – не то, думал – не о том, делал – не так. Видите, почти чеховская тема.

Нью-Йорк, март 2007

Ванкарем НИКИФОРОВИЧ

ПРИШЛИ ИНЫЕ ВРЕМЕНА

Беседа с известным советским поэтом

Морисом Синельниковым

И снова с радостью подумалось о том, что в Америке живет так много эмигрантов из России, интересных и в прошлом, и сегодня своими делами и своим творчеством. Наверное, многим хочется узнать о них побольше, ближе с ними познакомиться. Вот я и решил позвонить Морису Синельникову и договориться с ним о встрече.

Недавно в разных городах Америки прошли концерты, которые назывались «Песни нашего века». Они были посвящены памяти умершего в 2005 году прекрасного композитора Виктора Берковского. Девять известнейших сегодня в России бардов и исполнителей авторской песни хором пели и произведения Берковского, и все лучшее, что было создано за последние десятилетия классиками этого жанра. Залы сразу же настраивались на одну волну с исполнителями, активно им подпевали, после каждой песни звучал гром оваций. Обычно на таких концертах в паузах слышны громкие выкрики из зала с именами наиболее любимых авторов и исполнителей. Но на этот раз у нас в Чикаго все было наоборот. Когда звучали аплодисменты после исполнения некоторых песен, Александр Мирзоян, Алексей Иващенко, Дмитрий Богданов, Галина Хомчик, Вадим и Валерий Мищуки и другие знаменитости выкрикивали со сцены: «Морис Синельников!» – и протягивали руки, указывая на скромно сидящего в зале обыкновенного нашего чикагского зрителя.

И снова с радостью подумалось о том, что в Америке живет так много эмигрантов из России, интересных и в прошлом, и сегодня своими делами и своим творчеством. Наверное, многим хочется узнать о них побольше, ближе с ними познакомиться. Вот я и решил позвонить Морису Синельникову и договориться с ним о встрече.

– Расскажите, пожалуйста, немного подробнее о себе. Как складывалась ваша жизнь, когда и почему вы начали сочинять стихи и музыку к ним и к произведениям других поэтов?

– Я родился на Волге в городе Кинешма Ивановской области, там прошло мое детство. У нас была бедная семья: шесть человек, один отец работал. Но в доме всегда звучала музыка, ее любила мама, в основном классическую музыку. Еще мальчишкой я пел самые разные песни – полублатные, цыганские и прочие. После школы я поступил в московский Институт стали (так тогда он назывался). На втором курсе у нас появился новичок – Виктор Берковский, очень общительный парнишка. Иногда мы собирались компаниями, пели студенческие песни. А Витя Берковский стал организатором и режиссером придуманного нами веселого эстрадного студенческого обозрения-представления, которое потом назвали «Ба, знакомые все лица!». Вскоре я стал актером в этом коллективе, а потом и соавтором сценария. Это представление мы с огромным успехом показывали в разных московских студенческих аудиториях.

– Тогда и началась ваша долгая и крепкая дружба с Виктором Берковским?

– Да, мы крепко подружились, и я считаю, что заслуга в этом прежде всего его, Виктора. Более открытого человека, сближающегося с людьми легко, естественно, весело и заинтересованно, я не встречал. После института мы разъехались по назначению. Я – в Северодвинск, он – в Запорожье, где жил с родителями. Мы активно переписывались, он все время звал меня приехать к нему. Я на Севере работал на заводе мастером в ночных сменах, и у меня был отпуск почти три месяца. И вот однажды я поехал к нему и провел у него почти месяц. Вокруг Виктора всегда была большая группа коллег-сверстников, они часто собирались, устраивали походы на острова на Днепре, пели песни, придумывали веселые спектакли. Там же Берковский начал сочинять свои мелодии на известные, а потом и на неизвестные стихи. Потом мы с ним почти каждый год ездили в отпуск в Крым или в Сочи. Никогда не забуду осень 1957 года, когда мы отдыхали вместе в Алупке. Берковский играл на гитаре, и вокруг нас на пляже всегда собиралась молодежь, подпевая нам. Однажды к нам подошла одна из наших новых знакомых, москвичка, рассказала о том, что есть такой поэт Булат Окуджава, который поет свои стихи под гитару, и подарила нам магнитофонную запись его песен. Это был шок! Это было ни на что не похоже: «Девочка плачет: шарик улетел...», «На дворе, где каждый вечер все играла радиола...», «А ну, швейцары, отворите двери...» и так далее. Оказалось, что, во-первых, это про нас, во-вторых – это высокая поэзия, и в-третьих, высокую поэзию, оказывается, можно петь. В этой высокой поэзии было все иначе, чем в советской песне. Тогда, наверно, и произошел перелом в наших душах и в нашем сознании, тогда начали сочиняться и наши песни и мелодии.

– После этого и у вас стали рождаться песни?

– К этому надо добавить и чисто творческое влияние Берковского. Виктор уже тогда сочинял песни, которые запоминались. После того, как я поучаствовал в исполнении его первых песен, я тоже решил попробовать. А в январе 1962 года я вынужден был уехать из Северодвинска: стал там болеть – нервы, руки (из-за чего не могу хорошо играть на гитаре, к сожалению), все это было вызвано, видимо, мощной радиацией, которая была в зоне нашего завода, начавшего строить атомные подводные лодки. Мне повезло, что в то же время в Запорожье был организован Металлургический научно-исследовательский институт, и меня приняли туда старшим научным сотрудником. Когда я приехал, Виктор Берковский поселил меня в свою комнату, а сам уехал в Москву – поступил в аспирантуру. И вот там, в Запорожье у меня сочинилось несколько песен, которые потом стали известными. Например, «Песенка о Красном командире», которая стала знаменитой после того, как Сергей Никитин попросил ее у меня и исполнил по телевидению в программе «Алло, мы ищем таланты». Благодаря Берковскому я подружился с Сергеем и Татьяной Никитиными, с Дмитрием Сухаревым, встречался с Юрием Визбором, Еленой Камбуровой, Юнной Мориц, Валентином Никулиным и другими знаменитыми бардами, композиторами и исполнителями. Я писал стихи и песни, в основном для друзей, и всерьез к это-

Виктор Берковский, Татьяна Никитина, Морис Синельников, Сергей Никитин. 1970 г.

му своему творчеству тогда не относился. И на сцену почти никогда не выходил, не участвовал ни в одном из фестивалей бардовской песни. Всерьез был занят совсем другим творчеством.

– В чем же состояло ваше основное занятие тогда?

– Наш институт был ведущим в Союзе по изучению проблем качественного производства и потребления подшипниковых сталей. И наш директор, откровенный антисемит, меня, беспартийного еврея, вынужден был назначить заведующим лабораторией по этой проблеме. Мне тогда удалось наладить отношения между поставщиками и потребителями металла. Меня знали и ценили в руководстве заводов и министерства. В результате своих технологических и научных разработок я получил 23 авторских свидетельства на изобретения и опубликовал более 100 статей в научных изданиях. Основные данные моих исследований были опубликованы в журналах и сборниках Академии наук СССР и в лондонском научном журнале. Прошло много лет, но мои работы и публикации не утратили и сегодня своей актуальности, на них ссылаются. Я видел ссылку на мои публикации, в частности, в материалах международной конференции по термомеханической обработке стали, которая состоялась в 2004 году в Бельгии. Когда я уже был в Америке, сюда на специальный семинар приехали директора российских заводов, производящих специальные стали. И они сами разыскали меня здесь и пригласили на свой семинар, я побывал вместе с ними на некоторых американских заводах.

– А когда вы написали знаменитую песню «На далекой Амазонке»?

– Это было летом 1968 года. Виктор Берковский приехал в отпуск к своим родителям в Запорожье. И вот однажды мы сидели на пляже на берегу Старого Днепра. К нам подошла моя трехлетняя дочка Инна, протянула книжку Маршака, открытую на этом его переводе из Киплинга, и сказала: «Мама просила, чтобы ты сочинил песню для меня». Я тут же сочинил музыку. Берковский одобрил мой припев, а запев переделал и добавил рефрен. Он увез ее в Москву, спел вместе с Никитиными. Мы тогда и представить не могли, насколько она вскоре станет популярной.

– «...И я хочу в Бразилию к далеким берегам», – так пели вы. А уехали в эмиграцию в Америку. Как происходило и чисто практически, и творчески ваше вхождение в эту новую жизнь?

– Когда я приехал сюда, естественно, моя наука кончилась и я снова вернулся к песням. Мне повезло: здесь в Чикаго я познакомился и подружился с Борисом Лерманом, замечательным музыкантом, человеком-оркестром (говорю без преувеличения), который делает аранжировку моих мелодий. Когда я был в Москве, Виктор Берковский посоветовал показать наши первые записи фирме, которая занимается выпуском дисков авторской песни. Мне, естественно, хотелось, чтобы мои песни кто-то исполнял, чтобы я не выходил на сцену. Но увы, делать нечего, исполнителей мало, песни я пишу в основном мужские – об этом мне сказали Галя Хомчик и Лида Чебоксарова. И вот я показал записи в

этой популярной фирме, которая называется «Артель «Восточный ветер». Показал довольно робко, на всякий случай, чтобы узнать, сколько мне будет стоить выпуск такого диска. Назавтра они позвонили и сказали: «Нам понравилось, мы все сделаем за свой счет. Единственная просьба: один диск – это недостаточно, у вас есть еще песни?» Это было для меня радостной неожиданностью. Так появились четыре диска моих песен: «Воскресная прогулка», «Пусть играют музыканты», «Песни Мориса Синельникова на стихи Булата Окуджавы» (те стихи, на которые никогда музыка не писалась) и «Однажды в сентябре».

– С чувством огромной благодарности признаюсь: мы дома с женой последнее время очень часто слушаем ваши диски... А вопрос, Морис, у меня такой. В последнее время мы часто говорим и спорим о проблемах адаптации духовно одаренной, творческой личности здесь, в Америке. Что вы думаете об этом?

– Я считаю, что каждый человек – творческий. Творчество может осуществляться в самых различных областях. И в песнях, и в литературе, и в шитье обуви, и в приготовлении пищи и так далее. Входить в творчество несложно, если ты не претендуешь сразу на признание и похвалы окружающих. У меня лично песня, мелодия рождаются не от того, что я хочу это сочинить, а потому, что все это само возникает. Когда я читаю стихи, которые мне нравятся не только по содержанию, но и по парадоксальности (это обязательно), по ритму, я невольно слышу мелодию, она сама выстраивается. Важно только запомнить эту мелодию и тут же ее записать. А уже потом, если ты чувствуешь, что это может быть интересным, показать все это другим.

– Авторская песня как особый жанр начиналась в пятидесятые – шестидесятые годы, и ее подтекстом всегда было нравственное противостояние существующей тогда государственной системе и официальной идеологии. А что, по-вашему, происходит сейчас в России в этом жанре?

– Конечно, сейчас утеряна основная тональность лучших образцов авторской песни, таких, например, как у Булата Окуджавы. Когда я приехал в прошлом году в Москву, с удивлением увидел гигантские афиши: в Кремлевском дворце состоится концерт Олега Митяева – заслуженного артиста Российской Федерации. Поэтому если сегодня и есть в авторской песне подтекст, то он, в основном, бытового, личного свойства. К сожалению, песен о возрождающемся сегодня в России противостоянии власти и интеллигенции пока нет, может быть, за очень редким исключением. Конечно, за последние пятнадцать лет авторская песня на постсоветском пространстве в какой-то степени немного растерялась. И поэтому стало в этих песнях, во-первых, больше личного, а во-вторых, то, что я услышал на слете сейчас, – огромное количество песен ни о чем. А неконкретная поэзия меня совсем не трогает. Многие российские барды сегодня стали профессионалами – жить на что-то надо.

– Есть ли у вас ощущение того, что здесь, в эмиграции, складывается особая духовная культура, отличная от той, что существует там, в России и на постсоветском пространстве? Или творчество и ваше, и других – все-таки часть того, откуда все мы?

– Я не имел возможности убедиться в том, что здесь, в эмиграции какое-то другое направление, другая духовная среда, стихия. Очень трудно судить об авторах, которые живут и работают здесь. Я был на слете авторов и исполнителей в Лос-Анджелесе. Их, в общем, не так много, но некоторые из них создают настоящую поэзию. Проблема в том, что местные органы печати и радиовещания, русскоязычные средства массовой информации очень мало интересуются этими людьми и их творчеством. Вот если кто-то приезжает, какие-нибудь гастролеры, то о них пишут и говорят по радио обязательно и много. А у нас ведь есть просто замечательные местные авторы, но нигде нет никаких публикаций их произведений. А вообще, я считаю, в условиях эмиграции люди с особой остротой стремятся к духовным контактам друг с другом, и это надо всячески поддерживать. Пришли иные времена, мы приехали в другую страну, старые духовные связи потеряны. И все это вызывает определенные нравственные трудности. Я уже писал о том, что людям надо объединяться в группы по интересам. И рад, что участвовал в создании уже двух таких групп. Считаю, что только так можно дружить, общаться и получать от этого огромное удовольствие.

Морис Синельников
Пришли иные времена

Пришли иные времена в страну мою – Россию,
Пришли иные времена – веселые года.
И как-то стали все мы вдруг как будто молодые:
Пришли иные времена и, видно, навсегда.

Но где ж романтика моя? – черствеем постепенно.
В Гренаде землю поделить – не наша, брат, печаль,
Забыты Красный командир и люди в пыльных шлемах.
И как-то упростилось все – а жаль, а жаль, а жаль.

Пусть не дано предугадать судьбы слепой решенья,
Нам от нее не убежать, хоть сколько слез ни лей.
Не дай лишь Бог нам позабыть все наши прегрешенья,
И зелень баксов заслонила зелень тополей.

Ах, дорогой мой бизнесмен, я рад, что ты удачен.
Ах, дорогой мой старый друг, крутой, как Эверест,
Оставь хоть на день бизнес свой и позабудь про дачу,
И вспомни, сколько есть вокруг забытых нами мест!

Какая разница, мой друг, – ты молодой иль старый,
Давай забудем, дорогой, мы этот разговор –
Возьмем друзей, возьмем бутыль, возьмем с собой гитару,
И вновь костер мы разведем и тем закончим спор.

Приемник в сумке верещит, как злая истеричка,
Рюкзак – тяжелый, да родной, не давит и не жмет,
И унесет нас в дальний лес родная электричка -
На ту поляну у реки, где эхо песню ждет.

И вдруг строка сама собой откуда-то возникнет,
И сам собой возникнет вдруг откуда-то мотив...
И вот тогда к плечу плечо доверчиво приникнет,
И тихо струны зазвенят, сердца соединив.

Никто не знает наперед, когда поставить точку.
Но если завтрашний султан, как коршун, закружит,
Возьмемся за руки, друзья, и встанем вновь в цепочку.
И тень Булата нас всегда на то благословит.

Валентина РЕЗНИКОВА

ПТИЦА СИРИН

Рассказ о судьбе художницы

Инны Костиной

Время летело очень быстро. Но училась она с великим удовольствием. Жила радостно и самозабвенно. Казалось – весь мир ее! Весь мир – для нее! А на 4 курсе ей предложили сделать костюмы на курсе у Баталова к спектаклю «Аршин мал алан»! Предложение было лестным, тем более что совпадало с летним отдыхом в Баку.

Она совсем не похожа на славянку. Темные кудри волос, черные глаза и припухлые, красиво очерченные губы явно свидетельствуют о том, что есть в ней что-то, генетически связывающее с Востоком. Возможно, это то, что передалось ей по наследству от прабабки по отцовской линии. А она была таборной цыганкой, влюбившейся в христианина. Цыгане же, как мы знаем, появились на территориях евразийского континента из далекой и сказочно таинственной Индии.

Это – Инна Костина, азербайджанская художница. Член Союза художников Азербайджана, организатор и куратор Международных арт-симпозиумов, которые ежегодно проходят в горах города Шеки, руководитель детской арт-студии «Семь ярких бабочек» и проч.

Инна родилась и выросла в Баку. Окончив школу на отлично, почему-то не получила медаль. Было немного больно и обидно. Но особо заострять свои чувства на этой обиде было некогда, потому что необходимо было готовиться к вступительным экзаменам в Москве. Выбор профессии! Она, несмотря на то что с детства не выпускала карандаш из рук, подумывала о карьере врача. Но рисунком не переставала заниматься весь год в выпускном классе. Первую свою жестяную коробку цветных карандашей и альбом по рисованию она вспоминает до сих пор. Там, на крышке той коробки, был изображен сюжет на тему сказки А.С.Пушкина «О рыбаке и рыбке». Это ее однажды беспрестанно рисующей девочке принес на Новый год Дед Мороз. Только время спустя они с сестрой догадаются, что под костюмом доброго Мороза их собственная мама. Она, при небольшом семейном достатке, умела распорядиться бюджетом так, чтобы девочки помимо еды и одежды, имели возможность и мир посмотреть, и нужные книжки читать. Они с мамой объехали почти весь Советский Союз. Это благодаря ей в доме царил культ искусства и любовь к путешествиям. Впрочем, врожденное чувство прекрасного было у всех женщин ее рода. Например, бабка по отцу чудо как хорошо умела вязать крючком и скатерти, и покрывала, и абажуры, и разные накидки. Тогда вязали все. Но у Ининой бабки Жени эти кружева сплетались в диковинные узоры невиданной красоты и становились произведением искусства. Так же, как и блины, которые та с удовольствием пекла для внуков. Блины, похожие на солнце в мелкую дырочку, тоже напоминали те самые удивительные кружева. Поэтому Инне казалось, что, поглощая блины, она глотает кусочки солнца. Бабушка Люда (по маминой линии) начала работать с 15 лет, так как ее мама по имени Клавдия, беглая дочь терского казака, делать абсолютно ничего не умела, кроме как играть на фортепиано. Даже в преклонном возрасте бабушка Люда, сохранив потрясающее качество – любить жизнь всегда и везде, поражала воображение внучек своей неординарностью. У этой бабушки были голубого цвета глаза и густые каштановые волосы. Баба Люда была изящной и миловидной, и трудно было представить то, что и так было очевидным и для многих – известным. Прекрасная рассказчица и фантазерка, в преклонном возрасте она озорничала как школьница! С ней всегда было радостно и весело. Маркеса баба Люда рассказывала так, что можно было и не читать оригинал. Рассказ был гораздо ярче и занимательнее. Особенно поражало маленькую Инну, как бабка умеет разговаривать со своим цветком по имени Лилия. Возвращаясь с работы, она садилась в любимое кресло-качалку и рассказывала цветку обо всем, что произошло с ней в течение дня. Лилия слушала и, казалось, внимала. А когда бабушки не стало – цветок неожиданно и как-то сразу умер. Тогда впервые маленькая Инна подумала, что терять любимых людей – это противоестественно. Она не могла понять, почему так происходит? И все вспоминала, как баба Люда подбирала больных птичек и животных и лечила их. Вместе с этими воспоминаниями приходили и другие. О тех торжественных предпасхальных днях, когда на столике, как матрешки, выстраивались куличи! Их нельзя было преждевременно трогать, но дети нетерпеливы. А потому выковыривали из куличей изюм без всякого зазрения совести. В доме пахло сдобой и праздником!

Потом, когда она вырастет и будет вспоминать своих предков по женской линии – придет к неутешительному выводу о том, что женщины ее рода все время за что-то расплачивались. Возможно, за строптивость и излишнюю самостоятельность? За умение не бояться жизни и времени? И еще у женщин ее рода всегда рождались девочки. Почему? Наверное, чтобы нести в мир Красоту: помыслами, идеями, делами. Мама Инны, Нина, человек тоже творчески неуспокоенный. Не имея специального образования и практических навыков, она, водя внучку в различные кружки творчества, самостоятельно изучила технику изготовления батика. И теперь пишет небольшие картины на шелке. А потом точно так же выучилась вокальному пению и теперь замечательно исполняет романсы. И старается не пропускать концерты в московской филармонии. Так же, как и многочисленные премьеры в городе. У нее три непреодолимые страсти – театр, книги и музыка. Так случилось, что во времена разлома мама и младшая сестра уехали в Москву, а Инна осталась с отцом в Баку. В прошлом прекрасный математик, он всегда замечательно рисовал, но никогда не придавал этому особого смысла или значения. Так…Баловство. Баиловский хулиган, балагур и душа компании, он всегда умел в себя влюблять. Был добр и щедр. При желании – непередаваемо галантен.

Позже, став студенткой Московского Художественного училища памяти 1905 года, Инна Костина будет часто вспо-

минать отца, идущего по двору с работы. В руках – сетка. Там – оранжевые апельсины, которые исчезают молниеносно. Прямо на глазах! Отец как факир извлекал их из сетки и радостно раздавал набежавшей дворовой малышне.

Годы учебы летели быстро. Она училась радостно, увлеченно и азартно. Впрочем, другого отношения к делу женщины ее рода и не знали. Поэтому, закончив училище, и, получив профессию по специальности живопись, она тут же подала документы во ВГИК и была принята на художественный факультет, где обучалась по специальности – художник-постановщик игрового кино и телевидения.

Время летело очень быстро. Училась она с великим удовольствием. Жила радостно и самозабвенно. Казалось – весь мир ее! Весь мир – для нее! А на 4 курсе ей предложили сделать костюмы на курсе у Баталова к спектаклю «Аршин мал алан»! Предложение было лестным, тем более что совпадало с летним отдыхом в Баку. Она со свойственной ей энергией взялась за дело, но вдруг оказалось, что она не знает традиционного национального костюма. Как быть? В Союзе художников Азербайджана рекомендовали обратиться к театральному художнику Эльчину Мамедову. Он был лучшим. Он был – номер один. Человек-легенда. Гениальный художник. Мужчина, вдвое старше ее. Что она о нем знала? Ровным счетом ничего. Он даже не нравился ей. Но могла ли она, студентка 4 курса художественного факультета ВГИКа, предположить, что именно в тот момент, когда она перешагнула порог его мастерской, решилась ее судьба. Где-то на небесах малютка-купидон уже натягивал тетиву своего лука. Кто знал тогда, что этот большой, грузный человек, похожий на роллановского Кола Брюньона, станет ее великой любовью, перевернув всю ее жизнь! И ее мукой, которая невосполнимой потерей кровоточит вот уже 6 лет?

Когда Эльчин умер, ей казалось, что она умерла вместе с ним. Тело ее было здесь. Но душа и мысли где-то там, рядом с любимым. Она не умела и не знала – как жить без него? Он был не просто человеком, которого она любила со всем пылом молодости. Друг, любимый, наставник в творчестве, коллега и соратник… Мужчина, который сумел ее, дикую, приручить, научив смотреть на мир, как на огромное художественное творение. Теперь, лишившись его рук, его слов поддержки, она растерялась. Как будто пуповину, которая их связывала, кто-то неожиданно и дерзко разорвал. А она никак не могла понять: почему? за что? Где теперь ее мир? А где ее жизнь? Было странно и страшно чувствовать себя вдруг действительно слабой и совершенно беспомощной. Инна никогда не считала себя ни беспомощной, ни слабой, унаследовав от женщин своего рода не только силу духа, но и стойкость, выносливость. Казалось – эту страшную боль не побороть. Но надо было жить. Потому, что маленький Тима смотрел на нее глазами Эльчина; так же, как и отец, сдвигал брови на переносице. И кровь ее прабабок, чьи судьбы она невольно повторила, уйдя в нелегкую жизнь за Эльчином, застучала в ее сердце требованием вернуться к жизни. Конечно, тогда она даже не вспоминала их; ни ту, что сбежала с офицером белой гвардии от крутого нрава своего отца, терского казака; ни ту, что жила когда-то в таборе.

И вдруг, в один из дней, она молча, стиснув зубы, схватила кисти и стала истово что-то писать. Писать, писать и писать! Не замечая ни времени, ни голода. Молча и почти остервенело. Именно тогда и появилась эта жуткая картина, в которой Женщина как будто расчленена пуповиной. И по ней, по этой пуповине, медленно и ало утекает жизнь. А потом появилась огромнейшая коллекция работ по батику под названием «Сирин», или «Симург», что в принципе одно и то же. В древнерусской литературе и народных сказаниях – это фантастическая сладкоголосая птица с женским лицом и женской грудью. В фарсидской же мифологии это птица, наделенная пророческим даром, хранитель мистерий в Древней Персии. Инна пишет этих птиц почти 6 лет. Сначала это злые, угрожающе-агрессивные птицы. Они сидят полуотвернувшись на ветках, закрыв лицо шарфами и почти демонстративно выставив из-под спущенных крыльев когти. Брови нахмурены. Глаза смотрят зло и отчужденно. Кажется, вот-вот взлетит и тогда жди беды. Но постепенно Сирин (Симург) поворачивается к людям. Взгляд немного смягчается, когтистые лапы прячутся под крыльями. Женщина – Сирин хочет вернуться к жизни. И возвращается. Только медленно. Очень медленно…

У Инны Костиной интересы разнообразные. Она занимается не только росписью по шелку. Пару лет тому назад у нее были замечательные работы в проекте «Возрождение келагая». До этого – художественно-постановочная работа на шоу Пако Раббана, костюмы к спектаклю Ленкоранского театра драмы – «Ревизор», книжная графика – «1000 и 1 ночь», «Джейн Эйр», «Оливер Твист» и др. Совсем недавно Инна Костина принимала активнейшее участие в росписи Храма апостола Варфоломея. Сейчас она осваивает новую профессиональную высоту.

Почти готова новая оригинальная авторская коллекция «Арахчин сегодня». Это – современная интерпретация изготовления традиционной азербайджанской шапки (арахчин).

В творчестве Инны Костиной все ярче и отчетливее проступает национальный колорит двух культур, двух школ, двух народов – русского и азербайджанского, соединению которых и обязан ее талант.

Особая ее гордость – дети, которых она когда-то собрала под крышей Союза художников и вот уже много лет обучает изобразительному искусству. «Семь ярких бабочек» – так они себя называют. И нет никакого сомнения, что многие из этих бабочек полетят...

Дмитрий АМОСОВ

СЮЖЕТЫ РОДОМ ИЗ МОСКОВСКОГО ДЕТСТВА

Беседа с художником

Василием Кафановым

Интервью? «Иные берега»? Хорошо, приезжайте. Я как раз в тот день поеду в мастерскую в Подмоско...в Пенсильванию. Поедем вместе, там и поговорим. Буду ждать Вас на Манхэттене, на углу 8-й авеню и 42-й улицы.
Василий Кафанов,
из телефонного разговора

Нью-Йорк встретил меня серым небом, серым океаном и серым снегом на сером асфальте. От аэропорта «Ла Гуардиа» до центра – около получаса езды на автобусе. Прекрасная возможность последний раз подготовиться к интервью, проверить вопросы, собраться с мыслями.

Мой сегодняшний собеседник – знаменитый мастер кисти Василий Кафанов, значащийся в западных справочниках как «американский художник русского происхождения». Это не совсем так. Хоть всемирная известность и пришла к нему уже после отъезда за океан, но в своем советском прошлом Василий, кроме авангардной живописи, был известен также как иллюстратор двух десятков детских книг и создатель нескольких мультфильмов. Жизнь его, по крайней мере по слухам, полна резких поворотов: спокойное детство в тихих улицах у метро «Аэропорт», бурное отрочество (другим оно, наверное, и не могло быть, если друг детства – Петр Мамонов), армия, знакомство с Марком Шагалом, Технологический Институт, Высшие Режиссерские Курсы, зрелая состоявшаяся карьера на «Союзмультфильме» и в «Детской Литературе». Первые робкие успехи молодого московского художника. Потом – отъезд в Америку, студия на Манхэттене, выставки, слава и уж совсем неожиданный поворот – знакомство с лидером самой, наверное, популярной рок-группы 90-х годов Smashing Pumpkins Билли Корганом, контракт на художественное оформление альбомов группы...

Это последнее обстоятельство придало Кафанову звездный статус у самой непредсказуемой и самой далекой от живописи аудитории – американских тинейджеров. Я не припомню случая, чтобы шестнадцатилетние воришки пытались украсть картины из мастерской какого-либо художника. И не ради денег, а чтобы повесить у себя в комнате. Сейчас же, чтобы получить удовольствие от созерцания подлинника Кафанова на стене гостиной, уместнее обращаться в «Сотбис».

О том, как все начиналось, я и намерен выяснить сегодня из первых рук. Меня ждет редкая журналистская удача – провести с Василием Кафановым не несколько минут где-нибудь на выставке или в кафе, торопливо задавая стандартные вопросы, а отправиться с ним в святая святых – в его мастерскую. Там ему нужно забрать несколько законченных работ. Занятость Кафанова замечательным образом идет «Иным берегам» на пользу: на кафе у него времени нет, а на выставках обстоятельный разговор никогда бы не получился. До Пенсильвании же – два часа на машине.

Я достаю блокнот и проверяю список вопросов. Уже первый из них: «Чем привлекла успешного московского художника многоэтажная Америка?» – кажется мне сейчас надуманно-традиционным. Все, что я знаю о Василии Кафанове, подсказывает мне, что вопрос выбран неверно. Я достаю из сумки альбом с репродукциями его картин, всматриваюсь в них, потом перевожу взгляд на нагромождение серого камня, мелькающее за окном... А ведь ответ на этот вопрос я знаю и сам! Из всех городов Василию Кафанову суждено было оказаться именно в Нью-Йорке, в этом «великом и страшном», по выражению другого американского иммигранта – Эдуарда Лимонова, городе. Кафанов состоит из противоречий. И картины его, полные диковинных существ, таинственных алхимических предметов и ярких красок, смотрятся здесь вполне уместно. Вместить Кафанова способен только Нью-Йорк – город, безжалостный ко всем, кроме своих завоевателей – сильных личностей и настоящих талантов.

А таким людям бесполезно задавать банальные вопросы о творческих планах и секретах мастерства. В последний раз брезгливо просмотрев заготовленный список, я без сожаления опускаю свой блокнот в желтый мусорный пакетик с надписью «Сохраним Нью-Йорк в чистоте».

Картина за окном автобуса постепенно меняется. Унылые и мрачные пригородные кварталы уступают место тому Нью-Йорку, который мы знаем по фильмам и открыткам, – городу, ставшему в двадцатом веке меккой художников и музыкантов, бизнесменов и политиков, финансистов, прожигателей жизни и просто искателей приключений, городу, который никогда не спит. Бурлящие огни, небоскребы, огромное количество вечно спешащих людей. Серый цвет пригородов меняется на яркие, огромные, словно кафановские «Рыбобашни», центральные улицы Манхэттена. Полицейский вертолет, зависший высоко в небе, слегка напоминает цветастый полосатый парашютик – тоже неизменный атрибут многих его картин.

Вот и заветный перекресток. Василий уже ждет в машине. Быстро, чтобы не создать пробку в бесконечном транспортном потоке, я сажусь, положив сумку туда, где должно быть заднее сиденье. Вместо него – лопата для уборки снега. Твердо решаю раньше времени вопросов не задавать, и мы, проехав в тоннеле под Гудзоном, выезжаем за пределы города, взяв курс на запад.

Два часа пробегают незаметно. Если бы не стемнело, то пейзаж за окном сменился бы с каменно-серого на ослепительно-белый цвет нетронутого снега. Метрополия осталась далеко позади. Сейчас фары выхватывают из черноты узкую, аккуратно расчищенную дорогу между метровых сугробов посреди сосен – совсем как в средней полосе России, только едем мы по извилистому горному серпантину. Едем в деревушку, облюбованную русскими эмигрантами из Нью-Йорка за нетронутую снежную природу, а может, еще и за то, что расположена она неподалеку от города Москва, штат Пенсильвания. Подмосковье, одним словом. А изначальное англоязычное название поселка Big Bass Lake давно уже переделано местными шутниками в «деревню Большая Окуневка, что под Москвой».

Деревянная двухэтажная дача вполне уместно смотрелась бы и в Переделкино. Тараня сугроб, машина останавливается у крыльца. Мы заходим внутрь. Пока хозяин колдует у камина, я оглядываюсь вокруг. Как и всякий талантливый творческий человек, Кафанов не ограничен живописью. Отовсюду на меня смотрят причудливые существа, воплощенные в камень, дерево, фарфор... Тут же лежат заготовки для будущих деревянных скульптур – идеально отполированные куски корня эвкалипта, легкие, словно пенопласт. Мебель, как я выяснил чуть позже, тоже творение кафановских рук: километровой длины деревянный стол мореных досок сработан настолько добротно, что, будь он круглым, вполне мог прийтись по вкусу королю Артуру или Андрею Боголюбскому.

Сейчас на этом столе – походная закуска и огромная, в инее, бутылка водки. «Эффект присутствия в России» достигнут на все сто! Как же я буду потом задавать свои вопросы? Впрочем, блокнот ведь остался в мусорном пакете в автобусе...

КАФАНОВ И СИМВОЛИЗМ

– Позвольте в первую очередь удовлетворить дилетантское любопытство. Не хотелось слушать умные разъяснения искусствоведов, лучше из первых рук. Все эти аллегории в Ваших работах, символы... Откуда и почему парашюты? Башни? Рыбы? Алхимия?

– Все это из детства. И башни, и рыбы, и парашюты. Мы жили в коммуналке, в одной комнате всей семьей. Из окна была видна старая колокольня, с нее прыгали парашютисты. Точно такой же, как у них, только красный, парашютик висел у нас на елке... И мне очень хотелось завести рыбок в аквариуме. Я изводил родителей день и ночь, но его в нашей тесной комнатке просто некуда было поставить. Наконец мама купила мне пару рыбок, я посадил их в трехлитровую банку. Это продолжалось примерно месяц, а в один прекрасный день я пришел домой из садика и обнаружил, что они исчезли. Бабушка моя объявила мне, что они улетели в форточку. Вот, наверное, оттуда возникла вся эта идея рыб, летящих в воздухе. Потом я дорисовал на одной из рыб маленькую церковь. Не знаю, почему. Был Советский Союз, отделение церкви от государства, изображения храмов партия не приветствовала, так что тема довольно экзотическая по тем временам. Потом стал венчать этих рыб, как короной, башнями. Но это уже много позже, перед самым отъездом. Хорошо помню самую первую Рыбобашню.

– А где она сейчас? У Вас ее нет? Не сохранилась?

– У меня ее нет, но, надеюсь, она сохранилась. Ее купила Мишель Пфайффер. Она и Шон Коннери приезжали в Москву снимать фильм, «Русский Дом», кажется. Мои знакомые привели ее ко мне в мастерскую. У нее тогда был друг, звали его Фишер Стивенс, то есть «Рыбак Стивенс». Она купила «Рыбобашню» для него.

– А сколько всего «Рыбобашен» в вашей коллекции?

– Не знаю точно, но это целая серия. Выходили даже каталоги с одними только «Башнями».

– И на каждой – парашютик.

– Не на каждой, конечно, но на многих. Все это – память о детстве, о бабушке. Бабушка была непростая дама. В молодости красавица, выходила замуж за писателя – Павла Карабана, моего дедушку, – думала, по всему миру будут разъезжать, а вместо этого десять лет ему в ГУЛАГ посылки посылала.

– Но дедушка благополучно освободился?

– Да, его сестра спасла. Она была чуть ли не самой первой женщиной-лауреатом Сталинской Премии, даже помогла вернуться потом в Москву.

– А алхимия откуда?

– А в мир алхимии меня ввел Билли Корган. Очень интересный и неординарный человек. Но это отдельная история. Я тогда жил и творил исключительно в Нью-Йорке...

КАФАНОВ И НЬЮ-ЙОРК

– Отсюда до города – 2 часа. Не далековато от «Большого Яблока»?

– Зато здесь гораздо меньше людей. Приятнее климат. Зимой в Нью-Йорке невыносимо, особенно у океана. А тут такая природа – настроение работать. Я стараюсь экспериментировать с новыми материалами и стилями, а здесь, видите – сосны, снег девственный, горный ручей, звери всякие ходят. Не только белки и олени, но даже и косолапый иногда. Творческая атмосфера!

– Как Вы считаете, Нью-Йорк – Ваш теперь город?

– Не знаю. Москва-то уж точно не мой. Там другая жизнь. Я не был там семнадцать лет, приехал и города не узнал. Я не жалею о том, что уехал, только о том, что надо было ездить чаще.

– А как вас Москва встретила?

– Огромное количество милиционеров, военных – это странно и неприятно. Бюрократии, по-моему, больше, чем в Советском Союзе. Меня два дня продержали на таможне, несмотря на то, что у меня были все необходимые бумаги, да и вообще – я вез картины на выставку, не на продажу, с обязательным вывозом. Временно ввозил, так сказать, художественные ценности. Все равно не хотели пускать.

– Не знали, кто Вы такой?

– Ну как же не знали, когда они все бумаги мои вдоль и поперек изучили...

– И чем же все кончилось?

– А кончилось просто: мои знакомые позвонили кому-то, кто-то еще кому-то, кто-то дал сигнал начальнику таможни, и мне в тот же момент – милости просим. Претензии разом отпали. Только тяжелый осадок остался – все проблемы по-прежнему решаются не по закону, а по звонку.

– Молодому поколению все это, наверное, показалось бы в диковинку...

– Молодое поколение в Москве тоже теперь совсем другое. Мы вот сидели

в кафе как-то, а за соседним столиком – двое молодых ребят, лет по восемнадцать-девятнадцать. Прекрасно одеты, хорошо и благополучно выглядят. И Вы знаете, о чем они говорили?

– Ну, о чем... О музыке, о кино? О футболе? О девушках?

– Ничего подобного! О колбасе.

– Ну, мы в голодные студенческие годы тоже мечтали о колбасе...

– Нет, у них разговор был о колбасных заводах. Представляете, в восемнадцать лет сидеть и совершенно серьезно обсуждать экономические тонкости производства копченой колбасы! Мы в этом возрасте совсем другими были. Может, денег у нас и не было и одевались мы не с иголочки, но уж точно производством колбасы голову себе не забивали. Многое приобретя, новое поколение что-то и потеряло.

– А какими были вы?

КАФАНОВ И МАМОНОВ

– Когда-то Петя Мамонов работал в нашем подъезде лифтером. В те годы это была тоже неплохая профессия. Он хоть и выглядит, как пьяный мужик, но из хорошей интеллигентной семьи, мама – литературовед, переводчик со шведского языка. Мы все хипповали, собирались на Маяковке.

– Не у магазина «Мелодия»? Там в свое время нелегально собирались меломаны, менялись западными пластинками. Идеологически неприемлемое занятие.

– Нет, прямо у памятника. Ничего политического нам тогда и в голову не приходило. Стреляли у прохожих деньги на вино. Стояли у магазина: «Девушка, нам двадцати копеек не хватает». На сейшены ездили, группы тогда играли, сейчас всенародно известные. Сейшены хоть и нелегальные, но человек по пятьсот приходило. Часто нас гоняли. Я несколько раз убегал, но иногда ловили все-таки. Я обычно выходил из дома с пятачком – суровая бабушка внимательно за этим следила – но на метро мне хватало, и возвращался дня через два-три. Веселое было время! И никаких наркотиков, никаких таблеток, даже марихуаны не было.

– А что же было?

– Портвейн. Дешевое вино. Мы слышали, что кто-то там баловался наркотой, но нам это не нужно было.

– А как бабушка встречала после двухдневного отсутствия?

– Кидала в меня всякие предметы. Они меня и в армию потом упекли за это.

– Специально?

– Не совсем. У семьи моей были амбиции – хотели, чтобы я поступил в медицинский. Даже нанимали мне учителей по химии, но те сказали, что при всем желании ничего сделать со мной не могут. В жизни ни одной задачки по химии не решил. Я поступал в библиотечный, выбрал самый, как я думал, простой институт, где меньше всего конкурс, но даже туда не добрал каких-то баллов. Пошел в типографию газеты «Правда», устроился учеником электрика, работал на полставки. С восьми до двух. Тогда такой закон был – если меньше восемнадцати лет, то весь день работать нельзя. Меня вполне устраивало. Болтались мы каждый день между «Националем» и Маяковкой, в кафе «Метелица» тоже, хотя денег не было. Дружили с ребятами из посольства Чехословакии – такая страна существовала когда-то, помните? Это как раз совпало с событиями 1968 года, нас гоняли особенно сильно. Однажды поймали в компании каких-то фарцовщиков, бежал я от стражей порядка от Садового аж до памятника Юрию Долгорукому. Поймали, скрутили, запихнули в автобус.

– А Вас-то за что?

– А ни за что. За компанию. «Мы знаем, с кем ты пил вчера и с кем будешь пить завтра». Вот такое обвинение. Тем не менее, жизнь могли подпортить серьезно. Сообщили на работу, меня вызывали в комсомольскую организацию «Правды» на проработку. «В фашистской организации состоишь? Что вас объединяет?» А если бы учился где-нибудь, точно бы выгнали из института. Хотя ничего криминального мы не совершали. Разве стакан из автомата позаимствовать иногда. Невинное было время! Время, когда фарцовщики и наркоманы (по тем меркам, естественно) готовились к экзаменам в Библиотеке имени Ленина. Мы оказались где-то вне системы, что ли. Политических шагов не делали, учить коммунистическую науку не стремились. Семья моя не могла вынести такого антиобщественного образа жизни, и когда пришла повестка, хлопотать об отсрочке не стали. И вот я загремел на Дальний Восток. У меня тогда подружка была, внучка маршала, я ей писал, чтобы перевели меня поближе.

– Ну и как, получилось?

– Нет. Потом я узнал, что вмешалась бабушка, познакомилась с ее мамой, сама просила оставить меня там. «Пусть послужит подальше, ему это на пользу пойдет». В итоге она оказалась права.

КАФАНОВ И СОВЕТСКАЯ АРМИЯ

– А служба какая была?

– За дизелями следил. Потом, когда стали известны мои художественные таланты, стал рисовать стенгазеты. Стал большим газетчиком, писал стихи, подписывал свои карикатуры: «Рядовой Петров остался без штанов», «Рядовой Иванов накурился сигарет и свалился в туалет». Как Вам такие нетленные строки?

– Великолепно! Когда выйдет сборник поэзии?

– Не-ет, чукча не писатель, чукча читатель.

– С дедовщиной в армии не сталкивались?

– У нас ее почти не было. Только словесное: «Вешайтесь, духи!» и прочее. Деды общались между собой, молодые – между собой. Деды однажды напились с молодым лейтенантом, вытащили пулемет, стали палить по пустому дому, тот сгорел начисто. Дело было на Курилах, остров почти необитаемый, потушить не успели. А так – скукота смертная. В учебке по крайней мере была библиотека хорошая, я, бывало, вставал за пять минут до подъема, брал книжку – и в канцелярию, якобы стенгазету выпускать. Иногда удавалось благополучно избегать зарядок и построений. А на острове делать было нечего. Развлечений всех – одни только фильмы, да и те мы смотрели по сотне раз, пока не поменяемся с каким-нибудь проходящим кораблем.

КАФАНОВ И ТЕКСТИЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО (И СНОВА МАМОНОВ)

– После армии поступить было гораздо проще. Я пришел на подготовительный курс МТИ – Московского текстильного института, художественный факультет. На вступительный экзамен принес акварель, наклеенную на бумажку, знаете, как в детском садике. А там все уже маслом пишут, большими кистями. Ничего, я потом тоже начал. Мама была рада, что наконец-то делом занялся.

– На Маяковке больше не собирались?

– Нет, не до того было. Но потом, после армии уже, встретил Мамонова опять. Сосед пригласил на концерт Гребенщикова, куда-то к черту на кулички. Поехали. И вот на концерте сидит Петя, которого я не видел года три. Концерт кончился, все стали расходиться, а Петя вдруг мне говорит: «Вась, подожди!» Схватил гитару и начал петь мне свои творения, «Муха – источник заразы» и все такое. Мне очень понравилось. Мы поехали к Сашке Липницкому… У Липницкого отчим был переводчиком Брежнева, а папа – известным гомеопатом в Москве, на дни рождения чуть ли не все Политбюро приходило. Точно могу сказать – не будь Липницкого, Петя Мамонов наверняка бы умер от голода или спился. И не было бы великой группы «Звуки Му». А так – первые концерты в нашем ЖЭКе проходили. Потом на Крымской набережной, в Доме Художника...

– Вы поддерживаете отношения?

– Уже нет. Дороги наши разошлись. Он непрост в общении. Хоть и бывает иногда в Америке, мы ни разу не виделись. Вот Саша Липницкий однажды пришел ко мне на выставку. А Мамонов... его искусство слишком далеко от меня. Вот у меня лежит этот новый фильм «Остров», я не уверен, что хочу его

смотреть. Мне показывали видео, где Мамонов орет, визжит... Американцам, наверное, оно нравится. А я такие типажи видел постоянно, я от них устал.

КАФАНОВ, ШАГАЛ И «СОЮЗМУЛЬТФИЛЬМ»

– Про Вашу встречу с Марком Шагалом ходит много легенд. Как же было на самом деле?

– Все это сильно преувеличено. Он был Великим Художником, я – обыкновенным студентом. Это потом газеты объявили меня чуть ли не его учеником, а на самом деле мы просто встретились на выставке и поговорили, когда он приезжал в СССР в 1973 году. А другой встречи в Советском Союзе и быть не могло. Он же был «предатель Родины». Странно, что ему вообще удалось приехать. Так что ни о каких «учениках» и речи не было.

– Вы работали на «Союзмультфильме». Кем? Художником-мультипликатором?

– Нет, режиссером. Оканчивал Высшие Режиссерские Курсы. Со мной учились Микоян, Кайдановский. Читали лекции Хитрук, Александров, Гумилев, Бестужев-Лада, Рязанов. Мы смотрели фильмы и делали курсовые работы.

– Расскажите, пожалуйста, что же делает режиссер на съемках мультфильма. Ведь он не может объяснить нарисованному персонажу, куда повернуть голову и какое выражение лица сделать...

– Нет, но он объясняет это художникам. Или сам рисует. Режиссер мультфильма обязан сам суметь нарисовать любой персонаж, любую сцену. Кроме того, он выбирает ракурс, фон, темп и все такое.

– Ваша необычная техника – масло, на нем акрил и сверху тушь – как-то связана с мультипликацией? Или это исключительно Ваше изобретение?

– Полностью мое, хотя изобретением это не назовешь. Скорее, почерк, по которому меня узнают. Своего рода фирменный знак.

– А почему такое сочетание?

– Акриловые краски быстро сохнут, а затем я вырисовываю детали тушью. После знакомства с Билли Корганом очень увлекся также гравюрами и вообще вырезанием по дереву.

– А кстати, как вы вообще познакомились?

КАФАНОВ И КОРГАН

– Однажды они с Леной (Елена Емчук – американская художница-авангардистка, родом из Киева, долгое время подруга Билли Коргана – Д.А.) пришли ко мне в студию, выбрали пару картин. Через год он позвонил, предложил контракт на обложку альбома "MACHINA/the machines of God". Затем предложил мне поработать над сценическим оформлением концертов.

– Что за человек Билли Корган? Как Вам понравилось работать с ним?

– Билли – человек очень целеустремленный. Прекрасно знает, чего хочет. Когда он мне объяснял всю концепцию диска, всю историю главного героя, единственное, что мне оставалось, – это лишь перенести эти идеи на холст. Так что только визуальное воплощение мое. В то же время он абсолютно лишен какой-либо «звездной болезни», очень приятный и простой в общении человек. Помню, я впервые услышал песни с нового альбома у него дома, он пригласил всех друзей, и меня в том числе, и играл их на гитаре. Музыка – его страсть. Мы очень хорошо сошлись и просто на личном уровне, и на почве искусства. То, что он выражает своей музыкой и стихами, чем-то перекликается с моими работами. Он меня и познакомил с алхимией. Вообще, для Билли гораздо важнее общность мышления с музыкантами, креативность, а не техника игры. Он и меня все донимал, умею ли я играть на каком-нибудь инструменте, предлагал поиграть в группе.

– Я слышал, что Вы даже татуировки им придумали?

– Это только Джимми Чемберлен, барабанщик – тот похулиганистей, хотел татуировку в моем стиле. Билли же человек другого склада.

– Вам нравится их музыка? Какие у Вас музыкальные предпочтения?

– Smashing Pumpkins мне нравятся, но тут трудно быть объективным, все-таки это часть моей жизни. Не будь я с ними знаком, вряд ли заинтересовался бы. Я больше тяготею к старому, классическому року – Битлз, Дорз. В машине у меня спутниковое радио, постоянно настроенное на канал динозавров рока, его и слушаю. Когда работаю, люблю, чтобы играла классическая музыка или джаз.

– Музыка помогает попасть в творческое настроение?

– Нет, она – только фон. Я никогда не ищу настроения, чтобы рисовать. Для меня искусство – неотъемлемая часть жизни, необходимый процесс, как дыхание или сон. Я ношу с собой блокнот и карандаш и рисую везде, где только у меня появляется свободная минута – в аэропорту, например, или просто у телевизора.

Поленья в камине, превратившись в мерцающие багровые угольки, вместо недавнего кузнечного жара, источают уютное домашнее тепло. Бутыль уже давно опустела, а меня все тянет поговорить. Где-то за моей спиной по-деревенски степенно тикают напольные («дедушкины», как их называют в Америке) часы. Боюсь смотреть на них, зная, что уже далеко за полночь. Мне-то что – мне за руль не садиться, я прилетел сюда на самолете, затем ехал кафановским пассажиром, а Василию завтра (то есть уже сегодня) везти нас обратно в Нью-Йорк. Понимая, что пора и честь знать, все же пытаюсь эксплуатировать деликатность хозяина каким-нибудь последним вопросом. Но вопросы множатся в голове, не позволяя выбрать один.

– Василий, я привез сюда "MACHINA/the mashines of God". Можно автограф?

Нью-Йорк – Пенсильвания, март 2007

Елена МОВЧАН

Передо мной стояла высокая, стройная женщина, седая, с живыми, веселыми, лучистыми глазами. Ее манера общения была проста и естественна, она излучала свет, спокойствие и доброжелательность.

РУССКАЯ ГРАФИНЮШКА

Жизнь и судьба переводчицы

Мэри Хобсон

Фото Дениса Латышева

В течение жизни мы встречаемся со многими людьми, и порой встречи, которые поначалу представляются нам случайными, оказываются вдруг значительными и очень важными, меняющими наши устоявшиеся представления. Такой стала для меня встреча с англичанкой Мэри Хобсон, переводчицей русской литературы: она дала мне наглядный пример того, насколько непредсказуем жизненный путь человека, как многое зависит от него самого и что нет предела его возможностям, если он задумал и твердо решил сделать крутой поворот на этом пути. Тогда не существует никаких ограничений – ни возрастных, ни материальных, ни физических.

Наша встреча состоялась в конце 90-х годов. Моя хорошая знакомая, переводчица с английского и исследователь творчества Шекспира Марина Литвинова попросила принять у себя на месяц ее подругу из Лондона. У Марины в то время не было такой возможности, у меня была. Англоязычный мир был для меня закрытым, английского языка я не знаю, так что знакомство это представлялось мне эпизодом, ничего в моей жизни не значащим. Сразу скажу, что я ошибалась: знакомство наше перешло в дружеские отношения, и Мэри не один раз приезжала ко мне. А тогда я спросила только, как же я буду с ней общаться, ведь я не знаю английского. «Она прекрасно говорит по-русски, – сказала Марина. – Она перевела «Горе от ума». – «Горе от ума»? Да оно же непереводимо». – «А она сумела, притом блестяще, получила за свой перевод не одну премию. И сейчас как раз поедет в Хмелиту, где родился Грибоедов, на празднование…» (Что за мероприятие было тогда в Хмелите – не помню.)

И вот она приехала. Передо мной стояла высокая, стройная женщина, седая, с живыми, веселыми, лучистыми глазами. Ее манера общения была проста и естественна, она излучала свет, спокойствие и доброжелательность. Я поселила ее в комнате, из которой недавно уехал мой сын и в которой царил ужасный хаос, поскольку он тогда занимался рок-музыкой и там все еще стояла ударная установка, а по полу змеились электрические провода. Я, конечно, попыталась навести хотя бы относительный порядок к приезду гостьи, но ощущение бедлама все равно оставалось. Она восхитилась этим безобразием, а на следующее утро, когда я заглянула в комнату, в ней все было каким-то образом упорядочено: письменный стол, еще вчера совсем невидный, так как был загнан в угол за ненадобностью, теперь стоял перед окном, на нем лежали книги, словари, тетради, блокноты, карандаши и ручки – в общем, вполне цивилизованный рабочий кабинет. Мэри сказала, что здесь ей будет очень хорошо работаться и что сейчас она переводит Пушкина – стихотворения и поэму «Тазит». Естественно, разговор пошел о Пушкине, о том, возможно ли перевести его так, чтобы дать иноязычному читателю почувствовать его гениальность. Позже московская подруга Мэри Алла Латышева (с которой она познакомилась в Институте иностранных языков – но об этом ниже) говорила мне, что английское собрание сочинений Пушкина предваряет такое обращение к читателям: «Вы, наверное, очень удивитесь, но в России Пушкин более популярен, чем Достоевский и Чехов». Такова разница между переводами поэзии и прозы.

Надо признаться, что разговаривать с Мэри оказалось совсем не просто. Она постоянно ищет самое точное слово для выражения своей мысли и не терпит приблизительности, поэтому собеседнику приходится работать вместе с ней, подбирая синонимы, подыскивая слова, которые соответствовали бы смыслу ее высказывания. Это нелегко, но интересно, тем более что она, как ребенок, радуется точно найденному слову.

Возвратившись из Хмелиты, Мэри с восторгом рассказывала о том, как проходили торжества, какие интересные были доклады и сообщения, с юмором – о том, как ее чествовали, а еще – о заключительном вечере, на котором были танцы, и как она там отплясывала. В то время ей было без малого 70 лет. Тогда она рассказала мне историю своей жизни и показала семейные фотографии.

История эта никак не предвещала того, что Мэри Хобсон станет филологом-русистом и переводчиком русской классики. Она родилась в Лондоне, окончила Лондонскую академию музыки. Рано вышла замуж за театрального художника, и вскоре в ее жизни произошла трагедия: ее молодой муж тяжело заболел, и с тех пор по сей день он прикован к инвалидному креслу. Мэри осталась практически одна с четырьмя маленькими детьми. Она показывала мне свои молодые фотографии: тоненькая, хрупкая. Ощущение легкости и полета. Как она справлялась с навалившимися на нее бедами и тяготами – не представляю. Спасала, по-видимому, какая-то внутренняя сила и еще – талант, который требовал воплощения. Она начала писать прозу – вышли три ее книги.

Дети росли, становились самостоятельными, у них появились семьи, у нее – внуки. И вот однажды, читая Толстого, Мэри внезапно ощутила острое и неодолимое желание прочитать его по-русски. Ей было тогда 56 лет, но она не считала это препятствием. Она узнала, что Лондонский университет набирает студентов для изучения русского языка, причем первые четыре года они будут заниматься в Лондоне, а последний, пятый – в Москве. Это было именно то, что надо, и в 62 года Мэри Хобсон становится студенткой, и ее совершенно не смущает, что ее сокурсники годятся ей даже не в дети – во внуки. Она быстро осваивает основы языка, ее практика – это чтение русской классики. В первые годы обу-

В Лондонском университете. На церемонии присуждения степени доктора филологии

чения она прочла и Толстого, и Достоевского. «Это было очень счастливое время», – говорит она. В том, как внимательно читала она русскую классику, как прекрасно знает ее, я убеждалась неоднократно. Как-то раз она сильно меня посрамила. Мэри – увлеченная театралка, и когда она приезжает в Москву, мы с ней обязательно совершаем несколько походов в театр. Однажды мы собирались в наш любимый Театр на Юго-Западе на «Трех сестер». Она тогда жила у меня и попросила дать ей Чехова, чтобы перечитать пьесу. Я, уже видевшая спектакль, стала предупреждать ее, что постановка несколько осовременена и чтобы она не ждала, что дамы будут в туалетах конца Х1Х – начала ХХ века и Маша будет носить траур по своей молодости. «Но это другая Маша носит траур, – заметила она, – из «Чайки». Вот так. А ведь я видела столько «Трех сестер» и «Чаек»…

Итак, в Москву Мэри Хобсон ехала с достаточно серьезной подготовкой. Ей не хватало прежде всего непосредственного общения на языке, языковой среды. Это и должна была дать ей Москва. И дала в полной мере – благодаря, помимо всего прочего, необыкновенной общительности и живому интересу к жизни, присущему Мэри. Можно представить себе, какое недоумение вызвало появление в Институте иностранных языков столь немолодой студентки. Алла Латышева, в то время совсем юная преподавательница Иняза, ныне кандидат филологических наук, доцент Православного университета, рассказывала мне, что никто из педагогов не воспринял Мэри как студентку, думали, что она – «сопровождающее лицо». Каково же было всеобщее удивление… Мэри очень много занималась, делала колоссальные успехи и уже тогда начала переводить. И сразу – Пушкина.

Переводила «для себя». А в это время в Лондоне готовилось Собрание сочинений поэта, и она показала свои переводы из ранней лирики. Переводы понравились, но поскольку работа над изданием шла к концу, ей предложили перевести несколько поздних стихотворений, «Тазита» и «Графа Нулина» для последних томов. Эти ее переводы вошли в собрание сочинений и получили высокую оценку – в 1999 году к 200-летию поэта Мэри Хобсон была награждена золотой Пушкинской медалью. Торжественное вручение состоялось в Париже. А Мэри уже не могла расстаться с Пушкиным. Она начала переводить «Евгения Онегина». Первая глава в ее переводе была напечатана в московском журнале «Мир перевода» в 2002 г. А в прошлом году там же вышла вторая глава. Специалисты говорят, что перевод блестящий. Лондонские издательства предлагают ей заключить договор на отдельное издание «Онегина». На это Мэри отвечает: «Вы что, полагаете, я буду жить вечно?». В нынешнем году ей исполняется 80. Но ведь когда в жизни есть такой стимул, когда она наполнена чем-то очень важным и значительным, тогда и силы прибавляются.

Мэри читала мне отрывки из своих переводов «Евгения Онегина», и хоть я, не зная языка, не могу оценить точность передачи смысла и верность рифмы, но в них звучала пушкинская музыка – это я слышала отчетливо.

«Создать равнозначный перевод любого поэта на другой язык – в принципе невозможно, – говорит Мэри Хобсон. – Все равно как если бы в музыке Моцарта начать менять авторские ноты на свое усмотрение. Даже в самых лучших переводах можно лишь до определенной степени передать мелодику стиха. В некоторых строфах – подыскать близкое по смыслу значение. Я четыре года занималась музыкой, окончила Лондонскую академию музыки. Мне это помогает передать мелодику стиха. Но… увы, до конца передать гениальность Пушкина, мне кажется, невозможно».

Перевести в другой язык, в иной звуковой ряд музыку поэтического текста – задача, конечно, тоже не из легких. Но как воспроизвести совсем иной образ мышления, как воссоздать реальный мир России начала XIX века, каким он показан в грибоедовском «Горе от ума»? Как перевести стихи, половина из которых, как предрекал Пушкин, вошла в пословицы? Мэри Хобсон взялась за столь тяжкий труд именно потому, что уже имевшийся английский перевод грибоедовской комедии совершенно не соответствовал тому, что она увидела, вычитала и почувствовала в русском тексте. Тот перевод был сделан по подстрочнику, но не только в этом дело. Надо было окунуться в стихию живого русского языка, проникнуть в его особенности, познать его тонкости, пожить в мире пусть не фамусовской, но реальной Москвы, чтобы перенести все это в свой родной язык и отыскать в нем соответствия и аналоги тому, что стало близким и осязаемым. Но это только начальная стадия работы. Для того чтобы проникнуть в глубины этого столь непростого произведения, нужно было проделать

большую научно-исследовательскую работу. Мэри понимает, что тут невозможна самодеятельность, и решает поступать в аспирантуру. Но если на первом этапе обучения ей повезло и ее студенческие годы были оплачены государством, то следующий этап она должна была обеспечить сама. Мэри Хобсон идет в муниципалитет своего района и предлагает свои услуги в качестве журналиста и писателя и получает заказ: сделать несколько интервью с представителями цветного населения для фотоальбома «Черная история». Она берется за работу, делает интервью, пишет тексты к фотографиям. Альбом выходит в свет, а Мэри благодаря полученному гонорару изучает жизнь и творчество Грибоедова, его эпоху и все, что с ним связано. Результатом этой работы стал не только ее перевод «Горя от ума», но и диссертация «Горе от ума» в контексте жизни и творчества Грибоедова». Она защитила ее в Лондонском университете, и в 2000 году ей была присвоена степень доктора филологии. Кстати, Мэри выучила и музыкальные произведения Грибоедова и прекрасно исполняет на фортепиано его вальсы – не будем забывать о ее первом образовании. А в прошлом году она привезла в Москву весьма внушительного объема книгу, которая вышла в лондонском издательстве и включает в себя ее перевод «Горя от ума» с комментариями и диссертацию. Сейчас Мэри готовит новую книгу – письма Грибоедова, тоже, естественно, с комментариями. Их она переводит, отложив на время «Евгения Онегина». Но к нему она обязательно вернется – эти два Александра Сергеевича не отпускают ее.

Мэри понимает, что читать мне свой перевод «Горя от ума» бесполезно – все равно не пойму, но хочет, чтобы я оценила ритмическое соответствие оригиналу. Решаем так: я читаю по-

На встрече с преподавателями и студентами в Пушкинской аудитории МГУ

русски последний монолог Чацкого, потом она – по-английски. Я, как старательная отличница, декламирую: «Не образумлюсь, виноват…» Дохожу до заключительного четверостишия. «Прочь из Москвы…» «Нет, – перебивает Мэри: – «Вон из Москвы». Не смею спорить, это бессмысленно: «Горе от ума» она знает наизусть. В этом я убедилась, когда мы с ней смотрели постановку Малого театра: ее губы все время беззвучно шевелились, произнося текст вместе с актерами. Затем читает она, и я не только слышу грибоедовский ритм, но и ощущаю грибоедовскую энергию, заключенную в этом монологе. Она рассказывает, как трудно далось ей это последнее четверостишие, как сложно было подобрать рифму к заключительному: «Карету мне, карету!».

Я слушаю ее и думаю, что это все-таки трудности формы, а вот как она смогла проникнуть в суть. И, кажется, нахожу разгадку.

«Мэри, – говорю я, – а вы в прошлой жизни были русской». Она смеется. Убежденная материалистка, она не верит в эти «глупости». А я верю и настаиваю: «Вы – настоящая русская графинюшка. Помните, как Толстой, описывая танец Наташи Ростовой, удивлялся, откуда у этой графинюшки такое знание, такая глубинная народность? А вы в прошлой жизни жили в Москве в начале Х1Х века, и все это сохранилось в вашей прадавней памяти». Она возражает, говорит, что любит Англию и не хотела бы жить нигде, кроме Англии, что любит английскую литературу; вытаскивает из сумочки томик сонетов Шекспира, говорит, что никогда с ним не расстается. «Но одно совершенно не исключает другого, – не отстаю я. – Любовь к давней родине сохранилась в вашей душе, а потом вдруг прорвалась и заставила вас учить русский язык и переводить именно эту литературу – того времени. И вообще, недаром же вы так любите зиму, морозы, снег». Тут уж ей крыть нечем.

Действительно, Мэри буквально рвется в Россию именно зимой. Ближе к ее началу она, когда останавливалась у меня, всегда звонила и говорила, как соскучилась, как мечтает увидеть снег, что ей снится этот неповторимый звук – утром, под моим окном. «Вжик-вжик», – воспроизводит его. Я не сразу догадываюсь, что это звук от лопаты дворника, разгребающего снег рано утром. У меня на третьем этаже он хорошо слышен, только мы-то его не замечаем. А ей вот снится. И любит она настоящую русскую зиму, «с ее холодною красою», с трескучими морозами. Причем ей мало наших, московских, и она отправляется в Иркутск, к своей подруге Ирине Луковой, с которой познакомилась в тот московский студенческий год. Возвращается оттуда помолодевшая и счастливая, рассказывает, как выступала там перед студентами, какие были встречи. А еще – про то, как прекрасна настоящая русская баня. Даже нынешней хлипкой зимой Мэри умудрилась приехать в Москву как раз тогда, когда начались у нас кратковременные морозы, и сполна получила свою любимую русскую зиму. Но это о душе, а теперь – о деле.

Приезды Мэри Хобсон в Россию связаны не только с пушкинскими и грибоедовскими датами. В течение нескольких лет она приезжает в Москву по приглашению Русского учебного центра, который организует ее встречи с преподавателями и студентами филфака МГУ и со старшими школьниками, изучающими английский язык. Беседы с детьми проводятся на английском. Я не бывала на этих встречах опять же по причине незнания языка, но Алла Латышева рассказывала мне, что проходят они необыкновенно живо и увлекательно. Кроме того, говорит она, дети никогда, ни на одной из организованных Центром встреч, не слышали такого красивого английского, и добавляет: «Ее язык поистине королевский». Для преподавателей Мэри проводит что-то вроде мастер-классов с разбором ее переводов. На одной из таких встреч на кафедре сравнительного литературове-

дения МГУ Мэри должна была прочесть лекцию о Грибоедове и рассказать о работе над переводом «Горя от ума». Свой рассказ она иллюстрировала чтением отрывков. Преподаватели были потрясены, и тогда она прочла еще несколько своих переводов из ранней лирики Пушкина. Один из преподавателей изумленно спросил: «Как это у вас получается? Ведь у Пушкина такой богатый словарь». В ответ Мэри вынула из сумочки своего заветного Шекспира.

Когда Мэри приезжает в Москву, ее еженедельник заполняется до отказа. Встречи каждый день. С самыми разными людьми: с коллегами из Союза переводчиков России, членом которого она является, со своими старинными друзьями по Инязу, с Сергеем Юрским, с которым она познакомилась на праздновании 200-летия со дня рождения Грибоедова и с тех пор, приезжая в Москву, обязательно бывает на его спектаклях. В нынешнем году в списке тех, с кем она встречалась, оказались новые имена – Умута Кемельбекова и Ян Вильям Сиверц ван Рейзема, учредители и руководители Фонда содействия развитию культуры, науки и образования «Новое тысячелетие». Они решили снять фильм о Мэри: записывали ее, ездили вместе с ней на встречи со студентами Университета, ходили по Москве и беседовали. Сейчас фильм монтируется, и авторы хотят показать его телеканалу «Культура». Мэри совершенно не волнует, выйдет он на экран или нет, главное для нее то, что она его получит и сможет показать детям и внукам. А мне кажется, что было бы очень правильно, если бы фильм показали. Потому что не так уж много на свете таких людей, как Мэри Хобсон, кто смог бы, подобно ей, в весьма почтенном возрасте начать новую жизнь – жизнь, полную открытий и счастливого труда, – и при этом делать дело, необходимое не только ей самой, но и всем людям культуры. И еще потому, что она так любит Россию.

Лилия КАРАСЬ-ЧИЧИБАБИНА

Бедный Размик

Путешествие поэта

Бориса Чичибабина

в Армению

Три проникновенных псалма Борис Алексеевич посвятил Армении после первого посещения, о котором я попыталась рассказать. А четвертый псалом, как бы заключительный, – трагический, просветленный, не лишенный юмора, появился после вторичного пребывания в Ереване.

В августе 1979 г. в доме Генриха Алтуняна мы познакомились с двумя молодыми, симпатичными женщинами, приехавшими из Армении. Звали их Каринэ и Сусанна. Борис Алексеевич Чичибабин во время войны служил в Закавказье. О своих впечатлениях он написал ряд стихотворений, наполненных молодым азартом и любовью к тем местам. Но в Армении побывать так и не пришлось. Каринэ и Сусанна в один голос стали приглашать приехать к ним в Ереван. Генрих тоже присоединился к ним, сказав, что страну надо обязательно увидеть.

В декабре 1980 года был арестован Генрих Алтунян и осужден на «полную катушку»: 7+5, т. е. 7 лет лагерей и 5 лет ссылки (за хранение «Архипелага ГУЛАГа», за связь с украинскими националистами и т. д.). Все друзья, и мы в том числе, очень переживали за него, и, чтобы хоть как-то «приблизиться», решили побывать в его любимой Армении.

Чтобы попасть в Армению, нужно проехать Черноморское побережье, и, естественно, появилась мысль, а не остаться ли в этом раю: покупаться в море, позагорать – ведь это наш единственный отпуск. За окном мелькали мандариновые деревья с оранжевыми плодами, загорелые отдыхающие, сверкало море и светило солнышко… Но Борис никогда не был склонен к авантюрным решениям. Утром мы проснулись и увидели совсем другой пейзаж: было пасмурно, и за окном простиралась пустынная каменная земля. Это была Армения, и все, что мы видели накануне, померкло перед первозданной суровостью.

Попытка самостоятельно устроиться в гостиницу удалась, что по советским временам было большой удачей. Еще в Харькове нас научили, как это нужно сделать: выстоять очередь из таких же, как мы, приезжих, и, если повезет, получить направление в одну из гостиниц. Прежде чем устроиться, мы позвонили Каринэ и напомнили о себе. Она обрадовалась звонку и попросила, чтобы мы оставались на месте – она сейчас отпросится с работы и прибежит к нам. Еще издалека я приметила Каринэ. Невысокая, с короткой стрижкой густых черных волос, с приветливым, милым лицом она очень располагала к себе. Выяснив про гостиницу, Каринэ энергично запротестовала, приведя убедительные доводы: «Как вы будете питаться, с кем будете общаться, кто вас будет опекать?». Мы в самом деле призадумались. Издалека все казалось проще. Все-таки, Армения совсем незнакомая страна, и хорошо, чтобы рядом были люди, неравнодушные к нашей судьбе. После некоторого колебания мы приняли предложение Каринэ остановиться в доме, где она жила с родителями. И хотя гостиница была расположена в центре, а дом далековато от него – решение оказалось верным, и неизвестно, смогли бы мы так хорошо узнать и полюбить Армению, если бы не семья Степанянов. Нам выделили большую, светлую комнату. Чувство, что мы приехали в гости к старым, добрым друзьям не покидало нас во время пребывания в Армении. Сказать, что это был гостеприимный дом – почти ничего не сказать. Нам объяснили, что у армян так принято: гость в доме – праздник в доме. Какую вкусную еду готовила хозяйка дома Амалия! Это были разнообразные армянские блюда из овощей и мяса, всевозможные салаты, и обязательно водка. Вообще Чичебабину представлялось, что в Армении пьют коньяк, но оказалось, что предпочитают водку. По вечерам, когда спадала жара, во дворе устраивалось чае- или кофепитие, иногда готовили шашлык или что-нибудь в этом роде. Дом был частным, двухэтажным, и все, жившие в нем, состояли в родственных отношениях. Глава семьи, Степан Степанян, занимал какую-то большую должность в профсоюзах Армении, в то время как Каринэ, его дочь, и Сусанна, ее сестра, дружили с диссидентами. Именно в это время Сусанна отсутствовала, так как навещала своего друга, сидевшего в лагере.

Но самое главное, что в доме были замечательные книги по истории Армении, альбомы по искусству и архитектуре, дающие представление об удивительных Храмах, о древней духовной культуре. Вместе с Каринэ и Араиком – ее младшим братом, впоследствии ставшим зятем Генриха Алтуняна, мы часто рассматривали альбомы, читали стихи на армянском и русском языках. И хотя Борис был знаком с армянской поэзией и прозой – открывал много нового. В будние дни мы были предоставлены сами себе и совершали ближние и дальние маршруты по советам Каринэ. Мы обошли почти все музеи, включая музей современного искусства, – такого, пожалуй, не могло быть ни в одном городе бывшего Союза, уникальную галерею детского рисунка, долго поднимались и молча сидели на каменных ступенях памятника жертвам геноцида, слушая музыку Комитаса. Однажды, гуляя по Еревану, встретились случайно с Юлием Даниэлем и его женой Ирой Уваровой – они жили в той самой гостинице, куда нас направляли. Очень обрадовались неожиданной встрече: отпраздновали ее сначала у них в номере, потом в каком-то ресторанчике. Ира приехала по своим искусствоведческим делам, а Юлик вместе с ней за компанию. Борис хорошо знал Юлика и Ларису Богораз, прежнюю жену Даниэля, жил у них в начале 60-х в Москве, готовил к изданию первый сборник стихов.

Благодаря Каринэ, подрабатывающей в выходные дни внештатным экскурсоводом в Ереванском туристическом бюро, мы смогли увидеть Эчмиадзин, Гегард, Звартноц, Гарни. Наконец, нам посчастливилось попасть с экскурсией на Севан, который в тот солнечный день был сказочно красивым. Над синей зеркальной гладью озера, на горе возвышались две почти игрушечные церквушки: одна чуть выше другой. И над всем обозримым простором синее

– синее, без единого облачка небо. С высоты горы открывался великолепный вид. Мы обратили внимание, что слева на берегу, если стать лицом к озеру, возвышаются какие-то высокие корпуса. Каринэ объяснила, что это профсоюзный дом отдыха. И тут возникла мысль: а нельзя ли нам в нем пожить? Мы намечали посмотреть Армению, а оставшиеся дни все-таки провести у моря. Мелькнула мысль: нельзя ли море заменить Севаном? Не хотелось верить, что мы видим его в первый и последний раз. Вот тут нам помог так называемый блат. Когда мы приехали домой, Каринэ рассказала о нашем желании отцу, и он сумел достать путевки в дом отдыха, который мы приметили издалека.

Хорошо было, когда нас возили по стране в экскурсионном автобусе, где мы были почетными гостями, и в доме Степанянов мы чувствовали себя комфортно. А теперь, когда мы остались одни среди пассажиров в поезде, где звучала только армянская речь, почувствовали себя одиноко. И погода испортилась – поезд продвигался сквозь сетку мелкого дождичка. Выйдя из вагона, мы начали оглядываться: кого бы расспросить, как добраться до дома отдыха, который был виден уже со станции. Вдруг из маленького «Запорожца» выглянул человек, и, указывая на машину, произнес: «Садысь». Мы даже оглянулись: к нам ли он обращается, и постарались сделать вид, что не расслышали. Но незнакомец вышел из машины и повторил приглашение. Мы объяснили, куда нам ехать, и удивились, когда он уверенно сказал: «Знаю». Буквально через пять минут мы подъехали к дому отдыха. Я достала деньги, чтобы расплатиться, но незнакомец сделал рукой отталкивающий жест, сопроводив его восклицанием: «Их!» Когда мы уже отошли от машины, он прокричал нам вслед: «Завтра приеду – будем жарить шашлык».

Гостиничный номер выглядел вполне прилично. Надо сказать, что в течение всего времени пребывания в этом заведении нас сопровождали вопросительные взгляды. Казалось, что русских отдыхающих здесь никогда не было, хотя среди обслуживающего персонала были русские женщины. Приехали мы утром, и, вкусив дневное питание, поняли, что в этом отношении нам придется туго. Хотя Борис был непритязательным в еде, нас это огорчило, тем более что ничего съестного мы не привезли с собой. Нам не оставалось ничего, как надеяться на посещение кафе возле горы.

На следующий день, после так называемого завтрака, мы собрались навестить кафе, полюбоваться церквушками, и заодно избежать встречи с вчерашним незнакомцем. Оказалась, что дорога от дома отдыха до места, куда привозят экскурсии, довольно длинная. Мы решили идти по берегу озера, но не всегда это удавалось, приходилось подниматься и идти по шоссе. Навстречу то и дело мчались автомобили, и мы были вынуждены отступать на самую кромку дороги, чтобы не попасть под колеса. Мы поняли, что будет сложно совершать такие переходы. И там нас ожидало разочарование: кафе не работало – еле уговорили приготовить по чашечке кофе. Когда вернулись, дежурная сообщила: «Вас целый час ожидал Размик с машиной, и, не дождавшись, уехал». Оказывается, нашего вчерашнего «знакомого» зовут Размик, и его здесь знают! Шкала доверия к Размику выросла, но мы были рады, что он уехал. Не успели привести себя в порядок, как раздался стук в дверь – на пороге стоял Размик. Чувствовалось, что он немного обижен. «Почему не обождали? Шашлык уже поздно делать». По-русски он говорил плохо, но понимал почти все. Оказалось, что машина с «левой» рыбой стоит на дороге только до 10 часов. Рыбный шашлык был для нас новинкой, но мы согласились совершить эту операцию завтра. «Куда поедем сейчас?» – спросил Размик. Мы не знали, что отвечать. Вдруг меня осенило: «Боря, мы обещали позвонить Степанянам и сообщить, как доехали. Может быть, попросить Размика довести нас до работающего телефонного автомата, а заодно где-нибудь купить фруктов». Мы уже пытались дозвониться с «горы», но ни один автомат не работал. Размик все понял, и мы поехали в город. Проехали гору с церквушками (на машине все было быстро, а как намучились пешком!), и вскоре въехали в небольшой городок Севан. С почты удалось дозвониться в Ереван, а затем заехали на рынок. И тут началось непредвиденное: что бы я ни хотела купить, – Размик опережал меня, переговариваясь с продавцами по-армянски. Нам было очень неловко, и я постаралась уменьшить аппетит до минимума. На обратном пути он остановился возле какой-то забегаловки и вернулся с бутылкой водки и несколькими порциями люля-кебаба. Мы молча переглянулись. Машина проехала территорию дома отдыха и съехала по склону оврага. «Размик, что ты собираешься делать, у нас скоро обед», – сказал Борис. «Их!» – был ответ Размика. Он аккуратно разложил еду, достал два стакана и налил водку. Нам оставалось только произнести тост за знакомство. Выпили, и Размик спросил, как нас зовут (что мы из Харькова, он уже знал), чем мы занимаемся. Про Бориса я сказала, что он поэт, но не была уверена, что он понял меня. Потом наступил мой черед расспрашивать, и тут я дала волю своему любопытству. «Размик, почему ты не на работе?». «Их, уже всю картошку в колхозе собрали. Вон мой трактор стоит». И махнул рукой в сторону виднеющихся вдали построек. «А где ты живешь? Жена у тебя есть, дети?». Он снова кивнул в ту же сторону: «Село – Цовагюх. Вон мой дом. Жена есть – Амалия. Детей десять. Старший сын уже армию отслужил, жениться собирается». И по-детски рассмеялся. Мы переглянулись. Сколько же ему лет? Наверно, за сорок. Сам он был коренастый, среднего роста, лицо смуглое, скулы обветрены, глаза и волосы черные – восточный человек. Вопросы я, конечно, за-

давала не подряд, а между принимаемыми порциями водки. Все раскраснелись, расслабились…

Назавтра, как было договорено, купили рыбу и поехали в отдаленный конец озера. Рыба была великолепная, большие куски белого «рыбного» мяса Размик нанизал на шампуры, намазал томатной пастой и специями и оставил пропитываться. Затем разжег небольшой костерок и начал поджаривать рыбу, переворачивая шампуры. Я помогала разделывать рыбу, и Размик, воспользовавшись нашей общей работой, начал расспрашивать о Борисе, обо мне, есть ли у нас дети и т. д. Борис же, оставаясь не у дел, мог спокойно наслаждаться тишиной, смотреть на озеро, и, как всегда, о чем-то думать. Шашлык получился вкусный, мы благодарили Размика, но при этом чувствовали себя неловко. По-видимому, этот совсем небогатый крестьянин, управившись с колхозной работой, хотел какого-то праздника («Размик хочет праздник», – говорили мы, оставшись наедине). Может быть, общения? Но на бытовые темы Борис не умел поддерживать разговор, о стихах же не могло быть и речи, хотя «Оду русской водке» по моей просьбе он, все-таки, прочитал. Неизвестно, понял ли что-нибудь Размик? Когда мы подъехали к дому отдыха, я сказала, что Борису надо поработать, и что у нас есть кое-какие дела. Он проводил нас до двери комнаты, что-то прокричал дежурной и удалился. Мы вздохнули с некоторым облегчением, а Борис спросил: «Не обиделся ли Размик?»

Мы захватили несколько книг, посвященных армянским Храмам. По нашему представлению, недалеко от Севана должен был находиться храм Агарцын. В давние времена это был монастырь, стоящий в глухом лесу, над каким-то живописным ущельем. Во мне проснулся туристический азарт, и я начала уговаривать Бориса, что надо обязательно там побывать. Конечно, очень заманчиво было попросить об этом Размика. Борис категорически отверг мое предложение.

Прошло несколько дней, и Размик появился снова. «Куда поедем?» – спросил он. Я не помню, куда мы направились, может быть, пить кофе возле горы, но помню, что начала его расспрашивать, есть ли поблизости какая-нибудь церковь. Он утвердительно кивнул, и повез нас через свое село в какую-то отдаленную местность, где среди холмов стояла маленькая церковь. Она была совершенно простой внутри, только стояла подставка с песком для свечек, а снаружи на подходе к ней развешены разноцветные лоскутки. Что-то языческое было в этом. Для нас церковь не представляла особого интереса, но чувствовалось, что Размик дорожит ею. Я спросила, знает ли он, где находится храм Агарцын. Он задумался и ответил, что спросит. «Вот бы там побывать!» Борис слегка прикрикнул на меня – на этом разговор кончился. Размик довез нас до дома отдыха, и мы расстались.

На следующий день или через день приезжает Размик и говорит, что его жена приглашает нас в гости, и ехать нужно прямо сейчас. Отказываться было неудобно. Мы попросили его сначала заехать в магазин, чтобы не прийти с пустыми руками. Возле дома нас встречала Амалия с отрядом ребятишек, примерно, от 4 до 12 лет. (Такое совпадение: ее звали как нашу хозяйку в Ереване.) Когда мы сели за стол, дети выстроились в один ряд и не сводили с нас глаз. Амалия что-то сказала им, и они отошли от стола, но продолжали смотреть на нас, как на диковинку. Стол стоял на застекленной веранде, тянувшейся по всей длине дома, с нее можно было попасть во внутренние комнаты. Обувь мы сняли, еще поднявшись по ступенькам, перед тем, как пройти на веранду. Стол был застелен белой скатертью, пол тщательно вымыт. Мне запомнился момент, когда кошка ухитрилась стащить на пол шашлык. Вместо того чтобы отобрать его или хотя бы прикрикнуть, Размик залился радостным смехом… Когда прощались, Размик неожиданно сказал: «Починю машину, и поедем в Агарцын, Амалия тоже поедет с нами за шиповником и кизилом». Мы стали отказываться от поездки, но было поздно – они уже все решили между собой. Надо было переночевать у них, чтобы выехать

ранним утром и засветло вернуться. Помню, что мы спали на кровати с высоченной периной и множеством подушек – точно как у гоголевской Коробочки!

Дорога оказалась дальней: ехали через Дилижан, откуда открывалась потрясающая картина на темно-зеленый лесной массив, расположенный в котловине. Чем ближе к Агарцыну, по обеим сторонам дороги начали появляться холмы с кустами шиповника и кизиловыми деревьями. Амалия с легкостью козочки взбиралась по крутым откосам и собирала плоды. Наконец, мы подъехали к Агарцыну, выбрались из машины, и замерли от красоты Храма и открывшейся панорамы. Он стоял на площадке, расположенной ниже уровня дороги, и, когда мы спустились к нему, перед нами открылся вид на глубокое лесистое ущелье, где росли могучие деревья, и не было видно ни конца, ни края этому лесу. По преданию, на дне ущелья должен был находиться родник, откуда монахи добывали себе воду. Может быть, сейчас уже восстановили Храм и служебные помещения, но тогда все было в запустении. Но все равно можно было переходить из одного отсека Храма в другой и рассматривать потолок, стены, где сохранились какие-то орнаменты. Кажется, там была лестница, и, поднявшись по ней, через пустые оконца можно было увидеть окружающий мир.

Затемно мы добрались до Цовагюха, высадили Амалию, а затем Размик доставил нас к дому отдыха. Мы не переставали благодарить его за прекрасное путешествие.

Оставалось несколько дней до конца нашего пребывания на Севане. Размик давно не появлялся, нам кто-то сообщил, что он чинит машину. Тем временем, мы совершили героическое деяние: собрали ягоды облепихи, которой много росло на берегу Севана. По-моему, кроме нас с Борисом никто этим не занимался, так как дело довольно кропотливое и даже болезненное: все время натыкаешься на облепиховые колючки. Зато, когда мы вернулись в Ереван, из нее был сделан вкусный и полезный витамин, который увезли в Харьков. Мы записались на автобус, отвозивший отдыхающих в Ереван. Вдруг появился Размик и сказал, что в Ереван он повезет нас сам. Мы стали протестовать, ссылаясь на то, что его машина еле дышит. Размик был непреклонен, даже пошел куда-то и вернул нам деньги за автобус. Попрощавшись с Севаном, бросив копеечки в воду, как поступают, прощаясь с морем, поехали с Размиком в Ереван на железнодорожный вокзал, откуда могли самостоятельно добраться до Степанянов. Но он нас так просто не отпустил: решил покормить, беспокоясь, что мы проголодались… Почему он опекал нас, видит Бог, осталось загадкой. Расставание было грустным и неловким – мы чувствовали себя в долгу перед ним.

Несколько дней, которые нам было суждено прожить в Ереване, были самыми насыщенными и суетными. Провожали нас Каринэ, Сусанна и Араик. И вдруг, когда мы уже собирались войти в вагон, появились Размик и Амалия! Боже мой, из какой дали они приехали, чтобы проводить нас! Они подбежали к вагону, протягивая на ходу какие-то свертки, произнося вперемешку армянские и русские слова. Мы были

Псалом Армении

Ну что тебе Грузия? Хмель да кураж,
Приманка для бардов опальных
Да вес в кожуре апельсиновый пляж
С луной в обезьяновых пальмах.

Я мог бы, пожалуй, довериться здесь
Плетучим абхазским повозкам,
Но жирность природы, но жителей спесь
А ну их к монахам афонским!...

А сбоку Армения – Божья любовь,
В горах сораспятая Богом,
Где боль его плещет в травинке любой,
Где малое помнит о многом.

Судьбой моей правит не тост тамады –
Обитель трудов неустанных
Контрастом тем пальмам, а рос там один
Колючий пустынный кустарник.

И камень валялся, и пламень сиял,
И Ноем в кизиловом зное,
Ни разу не видев, я сразу узнал
Обещанное и родное.

О, где бы я ни был, душа моя там,
В краю потаенном и грозном,
Где, брат непригретый, бродил Мандельштам
И душу вынашивал Гроссман.

Там плоть и материя щедро царят,
Там женственность не деревянна,
Там беловечный плывет Арарат
Близ алчущих глаз Еревана.

Там можно обжечься о розовый туф
И, как по делам не спеши мы,
На место ожога минуту подув,
Часами смотреть на вершины.

Там брата Севана светла синева,
Где вера свой парус расправит,
А что за слова! Не Саят ли Нова
Влюбленность и праведность славит?

Там в гору, все в гору мой путь не тяжел,
Причастием к вечности полнясь,
Не брезгуя бытом, на пиршестве сел
Библейская пишется повесть.

Там жизнь мировая согласна с мирской.
И дальнее плачет о близком.
И радости праздник пронизан тоской
И жертвенной кровью обрызган.

Там я, удостоенный вести благой,
Там я, просветленный и тихий,
Узнал, что такое добро и покой
У желтых костров облепихи.

Не быть мне от времени навеселе,
И родина мне не защита –
Я верен по гроб камнегрудой земле
Орешника и геноцида.

И сладостен сердцу отказ от правот,
И дух, что горел и метался,
В любви и раскаянье к небу плывет
С певучей мольбой Комитаса.

Что жизнь наша, брат? Туесок для сует –
И не было б доли унылей,
Но вышней трагедии правда и свет
Ее, как ребенка, омыли.

1982

тронуты до слез… Увидев провожающих нас друзей, Амалия что-то сказала Каринэ, кивая в нашу сторону. Каринэ перевела: она говорит, что вы очень приличные люди! Вот с какой репутацией мы покидали Армению!

Но это было еще не все! Где-то в середине декабря получаем телеграмму от Размика, что он приезжает в Харьков. Мы были немного удивлены и встревожены: чем мы можем порадовать Размика в Харькове? К тому же, из текста телеграммы невозможно было понять, когда именно он приезжает: или это число выезда из Еревана, или приезда в Харьков. Два дня мы вдвоем встречали ереванский поезд, но все безрезультатно. Приходил он довольно поздно, около 23-х часов, а наступили уже настоящие холода. На третий день Борис пошел один, и, слава Богу, возвратился с Размиком. Деревянный чемодан, с которым приехал Размик, по-видимому, был семейной реликвией. Когда он его открыл, там оказались грецкие орехи, немного гранат, какие-то сушеные фрукты, несколько бутылок армянского коньяка, облепиховое варенье, приготовленное Амалией. Который раз нам было неловко перед Размиком! Но самое главное, – мы не знали, как с ним общаться. Расспросили о детях, об Амалии, о хозяйстве. Он отвечал однозначно, или вообще только кивал головой. Прожил Размик у нас неделю. Борис переживал, что не может ничем отплатить Размику за его доброе отношение к нам. В один из дней мы пошли с ним в гости к нашим друзьям Ладензонам. Остроумный Борис Яковлевич очень старался развеселить Размика, но ничего у него не получалось. Когда по телевизору впервые показывали «Дядюшкин сон», мы позвали Размика посмотреть кино, но он махнул рукой: «Их, уже видел!» Нам оставалось только незаметно улыбаться… Был момент, когда я застала его в комнате чуть не плачущим. Я перепугалась и спросила: «Что случилось?», он ответил, что скучает по Амалии.

Мы тепло относились к нему, жалели, и в тоже время чувствовали свою несостоятельность порадовать его. Кончилось тем, что перед отъездом он повел нас в пивной ресторан, расположенный в нашем районе. Оказалось, он здесь не впервые: с ним здоровались. Приезд Размика в Харьков так и остался для нас загадкой. В конце недели он уехал, и с тех пор мы его не видели. Наверное, он и по сей день живет в своем селе Цовагюх вместе с Амалией и детьми. Всякий раз, когда я пыталась рассказывать о Размике, Борис хмурился и просил прекратить: ему было стыдно вспоминать, что так и не смог ничем отплатить человеку за его доброе отношение. Но я все-таки решилась написать, потому что без Размика Армения осталась бы в памяти не такой живой.

В бывшем Советском Союзе существовали замечательные туристические маршруты, обеспечивающие не очень состоятельных граждан возможностью проведения интересных отпусков. В 1985 году мы приобрели путевки по маршруту Ереван – Батуми. Начинался маршрут с Еревана, и мы оповестили Степанянов о нашем пребывании в Ереване, и они пригласили нас в гости, и по обыкновению устроили настоящий пир. Еще раз по маршруту посетили Агарцын, и сохранилась фотография, где мы вместе с туристической группой на фоне Храма. По дороге мы проезжали Цовагюх, Дилижан, и, конечно, сердечно вспоминали нашего доброго Размика. Если бы он знал, что мы так близко от его дома…

Еще несколько слов об Армении из письма Бориса Чичибабина Генриху Алтуняну (Генрих в то время находился в заключении): «…Армению я не просто полюбил, она вошла в мою душу, стала частью моей души. Я полюбил ее, даже не полюбил, а узнал ее, узнал, что всегда вот это любил, вот это должен был увидеть, вот здесь должен был родиться и жить, с первого взгляда, когда рано утром посмотрел в окно вагона…».

Анастасия ЕФРЕМОВА

ЯХТА ПО ИМЕНИ «ПОБЕДА»

Первый Международный театральный фестиваль «Соотечественники» в Саранске

«НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ...»

Драматическая баллада
Алексей Дударев

Алексей Ануфриевич Дударев – известный белорусский драматург, заслуженный деятель искусств Республики Беларусь, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола Беларуси, лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь, лауреат премии Союзного государства в области литературы и искусства.

Режиссер-постановщик — Марина ДУДАРЕВА
Художник-постановщик — Анна МЕТЛИЦКАЯ
Композитор — Владимир КОНДРУСЕВИЧ

Начало Белорусской наступательной операции. 1944 год. Фронтовик – разведчик капитан Михасев получает под свое командование спецразведгруппу из четырех бойцов для выполнения особо важного задания.

Встреча с бойцами группы повергает Михасева в ужас. Перед ним – четыре девочки, четыре вчерашние школьницы. Это они должны пройти необычную подготовку, это они должны быть заброшены в тыл врага и… погибнуть. Жертвоприношение войне…

Капитан Михасев уходит с девчатами на спецзадание как отец с четырьмя дочерьми.

При всем трагизме ситуации спектакль светлый, романтичный, чистый.

Спектакль "Не покидай меня..." внес заметный вклад в освещение военной темы. Средствами современного реалистического театра и яркой эмоциональной игрой актеры театра убедительно повествуют о трагизме войны.

На XII Минском международном кинофестивале "Листопад-2005" артистка театра М.Денисова стала победителем в номинации "за лучшую женскую роль" (спектакль "Не покидай меня...").

В апреле 2006 г. артистки театра Ю.Бажутова, М.Денисова, А.Южакова, Е.Жукович были удостоены ежегодного приза Союза театральных деятелей РБ "Крыштальная кветка" за яркий и талантливый дебют (спектакль "Не покидай меня...").

В октябре 2006 г. в рамках проведения VIII Телевизионно-театрального фестиваля Союзного Государства "Фестиваль Фестивалей", посвященного 10-й годовщине Дня единения народов Беларуси и России состоялся показ спектакля "Не покидай меня...". Всем работникам театра были вручены почетные грамоты за участие в фестивале за подписями Министра культуры Республики Беларусь, Министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, народного артиста СССР А.В.Баталова.

В спектакле заняты
Игорь ФИЛЬЧЕНКОВ, Виктор МОЛЧАН, Юлия БАЖУТОВА, Марина ДЕНИСОВА, Евгения ЖУКОВИЧ, Елена РОДАК-ГОРОДНИЦКАЯ, Елена ДОЛИВЕЛЯ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА — ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ АЛЕКСЕЙ ДУДАРЕВ

Первый международный театральный фестиваль в столице Мордовии Саранске, собственно, не первый. Первый состоялся в прошлом году и еще не носил гордое имя «Соотечественники». Сначала захотели, потом попробовали. И уже убедившись, что руководство может, а публика хочет, объявили и приступили к серьезной организации и подготовке. Пригласили семь русских театров из самых разных стран и подготовились, надо сказать, отлично. Взялись всем миром. Объединив усилия с Центром поддержки русского театра за рубежом, убедили всех, кого было можно. Активное участие принял МИД РФ. Финансовые трудности преодолевали сообща. Руководство республики в лице главы Николая Ивановича Меркушкина, министр культуры Петр Николаевич Тултаев, директор театра Сергей Федорович Игонькин и главный режиссер Андрей Николаевич Ермолин сами были главными участниками, реализовав особый талант – талант организаторов праздника. «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Наше плавание – членов жюри – началось на Казанском вокзале в уютном купе фирменного поезда. Чистота, приветливая проводница, за окном весна, впереди фестиваль. Славно все начиналось и все улучшалось по нарастающей. Светлый, радушный город. Современная гостиница с прекрасными номерами. Тут не экономят на метраже и комфорте. А утром, когда я рано выходила на завтрак, горничная из самого дальнего конца коридора спешила, чтобы просто поздороваться, пожелать доброго утра. На сразу ставшей «нашей» машине подъехали к театру и аж выпрямились: перед зданием именно что реяли и очень гордо флаги стран-участников фестиваля. Такие же маленькие флажки стояли на столе в комнате, где проходили пресс-конференции, обсуждения, встречи со студентами, камерные фуршеты. Камерные, потому что большие фуршеты на всех-всех-всех потом случались в большом фойе. А эта комната, кажется, называлась «депутатской». И кстати, не могу не похвалиться, один из маленьких флажков (а именно Датский) я изготовила собственными руками и очень гордо всем об этом сообщала. Хорошо, что он совсем не сложный, так что мастерства хватило. Тоже элемент праздника: когда-то мастерила что-то для детей на Новый год. Эти флажки тоже немножко реяли, и все вспомнили, что на прошлом фестивале (подготовительном) председатель нашего жюри Наталья Старосельская высказала пожелание, чтобы флажков становилось все больше. Все к тому и идет. Мордовия, Латвия, Казахстан, Дания, Украина, Приднестровье, Белоруссия, Эстония. Привезли постановки по произведениям Максима Горького, Яна Райниса, Степана Лобозерова, Владимира Малягина, Родиона Федене-

ва, Константина Паустовского, Алексея Казанцева, Яана Тятте, Алексея Дударева. Спектакли до такой степени разные, ну такие разные, что это можно принять за организаторскую сверхзадачу.

По мраморной лестнице, по ковровой дорожке, по паркету входим в прекрасный театральный зал, рассаживаемся в канонические красные бархатные кресла. Торжественное открытие, речи, цветы. Отметим мужество главного режиссера саранского театра Андрея Ермолина, решившегося выйти на открытие с премьерой, чуть ли не с самым первым показом на зрителе. Взяв пьесу Горького «Последние», режиссер, кажется, решил обойтись без подсказок автора. Спектакль называется «Отец», что, впрочем, соответствует ранней авторской трактовке. Такое название несколько сужает рамки и локализует проблему. (Горький потом передумал.) Сцена оформлена радикально в стиле «хай-тек»: черные блестящие стены, серебристо-белые полотнища, белые пластиковые стулья. Ничего от понятия «дом, где живет семья». Ничего от того времени, от времени вообще, на все времена. Правда, на авансцене притулился старинный самовар в окружении потрепанных кукол. В начале стройная женщина в белом брючном костюме с затянутым галстуком (Софья – з.а. РФ и РМ З.Павлова) подойдет и возьмет в руки куколку, сразу задаст настроение, но.. Забыли, больше не обратят на кусочек детства и дома никакого внимания. В глубине стоит холодильник, на стенке которого висит календарь с фотографией Горького, Яков (н.а. РМ В.Акашкин) ходит с толстой книжкой «Мать», одеты почти все в красное и белое, прямо с подиума. Бесконечные ребусы. Почему все, вплоть до няньки, одеты так, а Петр (А.Свешников) просто в джинсах и свитере? Он – другой? Люба и ее, как выяснилось, биологический отец Яков в одежде из одинаковой ткани по поводу родства? А многометровый шлейф вязания за нянькой не иначе пуповина (подсказал мне коллега)? Все общаются на истерике на уровне идей. Но где та важная мысль, что не так страшны строю революционеры, как то, что дворяне идут в жандармы? Последние дворяне. Ведь Иван Коломийцев (н.а. РМ Н.Большаков) не всегда был жандармом. Он гулял, пил, беспутничал, растратил состояние, покалечил дочь, но все прощала преданная Софья. Почему же так ее трогают, скажем так, должностные преступления? Горбатую дочь простила, а арест постороннего человека всю ее «глубоко перепахал»? Потому что последнее, что может сделать дворянин – это пойти в жандармы. Хочу процитировать любимую Веронику Долину: «Будь, бродяга, последний бражник, все пропей с головы до ног, но не будь ни тюремщик, ни стражник – это все – палачи, сынок». В этом строгом белом костюме с безжалостно затянутым галстуком Софья безупречно держит спину – ни лишних движений, ни мимики. Но чувствуется постоянное сильнейшее напряжение: держаться, не сорваться. Ничто не может и не должно вывести ее из себя, даже зрелище упавшего в обморок сына. Только в сцене с госпожой Соколовой она почему-то оживляется, несколько меняет рисунок. В ней виден активный женский интерес, некоторое коварство. Возможно, потому что эта госпожа действительно очень странна. Она без возраста и без отношения к роли. Пришла просить, а скорее требовать оправдания сына в легкомысленно-веселеньком наряде – шляпка, обильно украшенная цветами, пелеринка. То ли идейная революционерка, воспитавшая достойного сына, то ли несчастная растерянная мать, а по виду чуть ли не соперница Софьи.

Иван Коломийцев, неверный муж, беспутный отец, коррумпированный чиновник настолько очевиден в этих всех качествах с самого начала, что ему остается лишь сгущать краски. Артист Большаков, безусловно, владеет «эффектом присутствия», у него завораживающий тембр голоса, и, хотя персонаж лишен даже отрицательного обаяния, он все равно держит внимание зала.

Достойную нишу в стилистике и оформлении нашел себе Лещ в тонком и точном исполнении А.Тимина. В нем ни сомнений, ни терзаний, сложившийся тип современного негодяя. Даже и не выглядит негодяем, хотя ничуть не маскируется. Немногословный, но убедительный. Оберегает душевный комфорт. Со вкусом выпивает и закусывает лещом из холодильника. Даже и не сразу понимаешь, что он элементарно убивает Якова своим лечением – ведь это чудовище выбрало самую гуманную профессию врача и с ней очень комфортно идет по жизни.

Самым цельным и, если так можно выразиться, перспективным получился образ горбуньи Любы (К.Качмазова). Она яркая, смелая, жадная до жизни, хоть именно ее жизнь состоит, казалось бы, из одних страданий. Окружающие постоянно вяло пеняют на ее жестокость, но ее ничем не проймешь, не остановишь. Закаленная с детства своим увечьем, она уже сильнее их всех, ничего не боится. И вдруг обрела отца! Да еще богатого. Любит ли она его? Вряд ли. Нужны ли ей деньги? Да не особенно. Гораздо важнее свобода, возможность говорить и действовать. И она, без сомнения, эту возможность использует. И, вероятнее всего, не на благо семьи. Прекрасная зрелая актерская работа. Если бы на фестивале были номинации, у нее были бы все шансы получить «Лучшую женскую роль», по моему мнению.

Спектакль можно сравнить с ребенком, у которого при правильном воспитании есть все шансы вырасти в хорошего человека. Хорошо, что он поставлен не приглашенным режиссером, и у Андрея Ермолина и его прекрасной труппы будет возможность еще разобраться в непростом течении этой пьесы. Стоит, мне кажется, слегка приглушить нарочитую комедийность Александра, дать возможность Софье хоть сколько-нибудь развить так тонко намеченную вначале (на авансцене с куклами) печально-ли-

«Отец»

рическую линию. Словом, еще поработать в процессе жизни спектакля, и тогда он полностью оправдает уже завоеванный у зрителя успех.

Организован наш фестиваль замечательно удобно и разумно. После спектакля мы не мчимся в мыле, толком и не поразмыслив, на обсуждение. Обсуждение – наутро. Актеры отдохнули, критики подумали. И первое потрясение: на обсуждение пришел министр культуры. А потом он ходил на каждый спектакль. А потом без его темпераментных выступлений не проходил ни один актерский клуб. Вы много видели таких министров? Вообще видели? Я – нет. Невозможно передать, как приятны такой человеческий интерес и участие, при понимании того, что «по-министерски» сделал Петр Николаевич для фестиваля.

После обсуждения у нас было время посетить прекрасный современный музей великого Эрьзи и новый православный собор неслыханной красоты. Там я увидела очень интересную икону Богоматери, выписанную не по православным канонам, а по законам портретной живописи. Удивительно живое и милое женское лицо. Большого таланта мастер писал ее, жаль, не удалось узнать имени этого художника, очень хотелось бы увидеть и другие его работы.

Ощущение чего-то милого, в целом, осталось от спектакля «Вей, ветерок» Я.Райниса из Даугавпилса.

Простая история несчастной любви. Почти притча, почти песня. Беззащитность этой простоты вначале кажется стилем спектакля. Хотя чисто по-зрительски хотелось бы национального колорита в постановке латышской классики. Девушки-мукомолки в простых белых одеждах играют с водой. Пасторальная картинка. Но все уже как-то нерадостно, уже грядет трагический исход. И вся пасторальность и сказочность закончатся при появлении пришлых чужаков-лодочников, пьяных, громкоголосых. И сразу разрушится

хрупкая гармония. Этот принц огромного роста, в черном кожаном плаще, порывистый и грубый при всей своей силе богатырской, при всей страсти необузданной, не сможет взять любимую с собой. Она погибнет, прибалтийская Снегурочка, от этих напастей. Не растает, так утонет, лишь только прикоснувшись к любовному огню. И прибалтийский Мизгирь не на веслах, не под парусами, а уж скорей на «Харлее-Дэвидсоне» умчится отсюда в другую жизнь.

Увидев занавес перед спектаклем Казахстанского театра «Семейный портрет с посторонним» С.Лобозерова, я сразу выдала ему кредит доверия. И не ошиблась. Кроме любимого занавеса, все уходящего и уходящего в прошлое, имела место достаточно подробная и очень симпатичная сценография, которую венчали чудесные силуэты трех котов. И никто всерьез не опасался, что котят утопят. Потому что люди на сцене были добры. Спектакль увлек сразу прекрасной игрой заслуженно популярного артиста В.Толоконникова в роли Тимохи (он же Шариков, он же Хоттабыч). И потекла ситуационная комедия из жизни российской глубинки. Не лубочная, не символистская, а точная и чистая реалистическая традиционная постановка, свежая, хотя далеко не премьерная, насыщенная оправданной импровизацией хорошего вкуса и высокой актерской культурой. При достаточно гармоничном ансамбле молодые исполнители были не так интересны, как старшие. Это логично, впрочем. Но они очень удачно справились и не ушли в схематичность. За привычным недовольством и резкостью Тани (О.Ландина) есть и нежная любовь к родным, и любопытство к жизни, Виктор (С.Уфимцев), голодный, замерзший, недоспавший, запутавшийся в предложенной интриге, постоянно помнит о жене и маленьком ребенке. Возможно, чрезмерно активен и не всегда последователен Михаил (Ю.Болдырев), но молодая влюбленность, она бесшабашная – не до логики – и запутал всех ни с чего, и как распутать не ведает.

В центре событий беззлобно мается временно беспомощный Тимоха. Сломал ногу по пьянке, как крылья сокол опалил. А праздника хочется! Эта его наивная уверенность в праве на праздник постепенно передается всем. Привычно поругиваясь, хозяйственная жена Катерина (В.Зинченко) хлопочет о застолье и подарке. Уморительно колоритная бабка строго следит за правильной последовательностью тостов. Она сама собой назначена хранить традиции. Похоже, и придумала их сама, чтобы было интересней. С радостью и удивлением узнаем под гримом стройную блондинку Татьяну Байченко, которая на вчерашнем актерском клубе так лихо пела романсы под гитару. Любуемся, с какой радостью артистка отдается возрастной роли, просто купается в ней. Из диалогов, мизансцен (роскошный песенный дуэт бабки и внучки), оценок поступков складывается щемящая желанная картина идеальной семьи, где все друг друга крепко любят. Жена и муж, дети и родители, бабка и внучка. Даже свекровь со снохой, пребывая много лет в традиционной домашней войне, сроднены накрепко общей любовью. В самое сердце проникает монолог Тимофея о счастье и тепле внутри семьи, о горечи одиночества тех, кто этого лишен. Только большой артист может так негромко, неназидательно, простыми словами заставить вдруг, как впервые осознать, в общем-то, прописные истины. Напомнить, что это действительно истины.

Уже на обсуждении мы узнали от артистов, что многие из них – третье поколение русских, переселившихся в Казахстан. Оказывается, они даже боялись каких-нибудь неточностей в этой связи. Честь и хвала их семьям и руководству театра, конечно, за такую любовь к родному языку и такое чувство «русского», что позволило состояться этому замечательному спектаклю.

В следующем спектакле театра «Диалог» из Дании вопрос языка не стоял, так как его руководитель Татьяна Дербенева хорошо всем известна как актриса знаменитого московского «Ленкома». Волею судеб она живет в Копенгагене. Вместо заявленного спектакля по пьесе В.Малягина «Суд человеческий. Императрица Дагмар» театр смог привезти лишь фрагмент этой постановки. Причем, Татьяне пришлось выступить в роли императрицы, чего она раньше не делала. Даже из фрагмента можно было судить о несовершенстве драматургии, некоторой даже неряшливости. Выручает тема модная сегодня. Конечно, нам очень интересна эта удивительная женщина («Иные берега» публиковали ее письма в 4 номере), но не глазами и не в окружении нереально выписанных и непрофессионально сыгранных персонажей. Впрочем, также непрофессионально судить о спектакле по наскоро сделанному отрывку. И критики и зрители были достойно вознаграждены представленным тем же театром рассказом К.Паустовского «Корзина с еловыми шишками», решенным в обидно позабытом жанре литературного театра. Эта работа посвящена юбилею Грига, о котором и идет речь в маленьком и изысканном моноспектакле. Зал, пришедший посмотреть на действо «из жизни императрицы», слушал историю простой девушки Дагни, как завороженный.

В рамках этого же вечера прозвучали стихи Анны Ахматовой. Может быть, не очень точно подобранные, может быть, напрасно отчасти спетые под музыку, но прозвучали и были услышаны. И за все это и еще за огромный непростой труд пропаганды (неточное грубое слово) русской культуры в далекой Скандинавии большое спасибо и уважение Татьяне Дербеневой и русскому театру «Диалог».

Спектакль «Сумерки богов (Александр Вертинский и Вера Холодная)» Одесского русского драматического театра по пьесе Р.Феденева в постановке Евгения Лавренчука устроил меня абсолют-

«Сумерки богов»

но как участник фестиваля. Еще один «другой» цвет в палитре. Но возникло множество вопросов. Драматурга Феденева я, к сожалению, знаю только по одной вполне реалистичной пьесе «Снеги пали», которая широко ставилась в советское время. Вопросы к режиссуре. Внимательно прочитала аннотацию в программке. 24-летний режиссер – «ученик культового маэстро режиссуры Романа Виктюка» (Маэстро, вы не утратили чувство юмора, надеюсь?) На его счету 15 постановок. И, наконец, из слов самого Е.Лавренчука: «Этот спектакль – о сумасшедших и для сумасшедших». Выспренно, но неточно. Спектакль, скорее, для людей мало осведомленных. Для тех, кто в силу возраста и других причин никогда не видел спектаклей самого маэстро Виктюка. Для тех, кто по печальной нынешней культурной зашоренности, вряд ли знает что-нибудь о Вертинском, кроме двух-трех песенок, и кто вовсе не слыхал ничего о человеке по фамилии Нижинский. Зачем было выносить в подзаголовок красивые фамилии? Потому что Вера Холодная – одесситка? Еще раз процитирую режиссера: «Поэзия сегодня загнана в гетто библиотек». Что это? Неточно подобранный термин? Как несправедливо и жестоко.

Сцена с акцентированной машинерией с трех сторон окружена колючей проволокой, та в свою очередь местами увита синими розами. Впереди простыня-экран. Во время действия с колосников по-гастрольному с накладками сыплется некая субстанция, символизирующая кокаин – очень неаппетитная (что правильно, конечно же), не «серебряная пыль». Звучит «Смейся, паяц» 2 раза. И другие музыкальные и видео фрагменты – по два и более раз, как анекдот милиционеру рассказывают.

На герое костюм такого кроя, что может быть, конечно, и костюмом Пьеро, но и Петрушки тоже, а заодно и смирительной рубашкой. Проволока, каталка, костюм, белый медицинский халат героини дают основание предполагать пространство психиатрической больницы. Не был сумасшедшим Вертинский. И наркоманом не был. Речь в спектакле идет о предэмиграционном периоде его жизни. Кокаин тогда был употребляем повсеместно людьми искусства. Свободно продавался в аптеках без рецепта, о чем нам подробно рассказали со сцены. Кстати, кокаин не вызывает физиологической зависимости. А что такое настоящая наркозависимость сегодня (увы) знает чуть ли каждый школьник. Разумеется, и в кокаине нет ничего хорошего, но его употребление в то время не может идти ни в какое сравнение с тем,

что мы называем сегодня наркоманией. Александр Вертинский прожил долгую непростую жизнь, всегда оставаясь трезвым, ироничным, достаточно четко ориентированным человеком. Об этом много написано, и живы еще те, кто знал его лично (его жена и дочери, например). Судьба героя дягилевских «Русских сезонов» Вацлава Нижинского, напротив, была весьма печальна. Об этом тоже хорошо известно. В Москве в театре на Малой Бронной шел на эту тему спектакль в постановке А.Житинкина. Много лет назад привозился спектакль со знаменитым танцовщиком Хорхе Донном в главной роли «Нижинский, сумасшедший божий клоун». Я помню, встретила на том спектакле маэстро Виктюка. Так вот вся стилистика «Сумерек богов» (виктюковская стилистика) и вся история – она про несчастного «летающего» танцовщика Нижинского. Понятого, принятого всем миром, но потерявшегося в сумерках своей души и потерявшего ее. Что за странная задача соединить в одну две столь разные личности? А скорее, даже подменить одну другой? Когда в третий или четвертый раз зазвучала песня про посланных на смерть мальчиков, сопровождаемая одним и тем же видеорядом, я с неуместным для такой печальной темы раздражением подумала о спектакле первыми словами из этой песни: «Я не знаю, зачем и кому это нужно…». Во всяком случае, этот спектакль не оставил равнодушным никого в зале. Мы очень интересно обсудили его со студентами. Да! Студенты – это еще одна замечательная составляющая нашего саранского фестиваля. Будущие артисты и режиссеры были активнейшими участниками всего действа. Они посещали все спектакли, делали замечательные капустники, показывали отрывки и сочиняли песенки для каждого приехавшего театра (разузнав заранее все, что можно: историю, фамилии и т.д.). Я обязательно приведу в финале хоть несколько строчек из хранящихся у меня текстов. Они активно и жадно старались каждую минуту общаться с гостями: спрашивали, советовались. Такие чудесные ребята! Думается, что фестиваль вообще и именно своим разнообразием открыл им новые грани будущей профессии и, кажется, еще больше укрепил в правильности ее выбора.

Спектакль Тираспольского театра «Старый дом» по пьесе А.Казанцева поставлен крепко и традиционно. Достаточно давняя, но от этого не менее современная пьеса, можно сказать неоклассика, рассказывает о простых и вечных человеческих проблемах, об отцах и детях, о любви и измене, скоротечности жизни. Постановщик В.Гунин кропотливо и бережно выстраивает историю каждого из многочисленных персонажей, пусть и второстепенных. Из тщательно проработанных мизансцен складывается интересная картина. Возможно, в наше быстрое время, отравленное «клиповым мышлением», зрителю непросто воспринять такое длинное действие. Но за счет чего сократить? Разве что отказаться от второго финала, которого нет в пьесе, и зачем он нужен был режиссеру я, честно говоря, не поняла.

Таллиннский русский театр со спектаклем «Счастливых будней!», как и полагается, порадовал «заграничным» шармом. Вроде и играли в узнанном членами жюри интерьере нашей комнаты для обсуждений. Но там это были просто зеленые диваны, а на сцене вдруг оказалась изысканная фисташкового оттенка обстановка богатого дома. А уж с какими чемоданами и сумками героиня приехала из Парижа! А какие на ней были сапоги! Женщины в зале вздыхали от зависти. И не только к сапогам и сумкам. Какой муж у этой блондинки! Красивый, умный, элегантный, любящий и ее и детей. Только на сцене и увидишь. Чего ж ей не хватает при всем этом изобилии? Тут начинаются всякие несуразицы, которые нет смысла разбирать и пересказывать, ибо речь идет об откровенной антрепризе. У антрепризы свои законы. Главное – чтобы не скучно. Что с того, что спектакль не отличишь от телесериала? Зритель привык, зритель любит сериалы, зритель любит про любовь. Зритель был доволен. Театровед промолчит великодушно. Актеры хороши собой, хорошо одеты и хорошо играют, принимая заданные условия. Обязательно хочется добавить, что на актерском клубе исполнитель главной роли Александр Ивашкевич продемонстрировал еще одну грань своего несомненного таланта и под аккомпанемент министра культуры виртуозно исполнил чечетку. Или, как теперь принято говорить, стэп. Это было тем более замечательно, что он несколько оставался в образе своего героя. Так что именно «стэп» от настоящего иностранца. Репертуар Таллиннского русского театра весьма разнообразен. Нетрудно представить, что знакомые теперь артисты Лариса Саванкова, Любовь Агапова, Олег Рогачев и уже упомянутый Александр Ивашкевич прекрасно выглядят в самых разных ролях. Надо сказать, что такой очаровательный пустячок сделать тоже весьма непросто.

Завершал фестивальную программу Драматический театр Белорусской армии спектаклем по пьесе А.Дударева «Не покидай меня…». (Пьеса была опубликована в пятом номере нашего журнала). Днем перед спектаклем состоялась встреча драматурга с горожанами. Зал был полон, много молодежи. Алексей Ануфриевич был, как обычно, слегка хмур, что не помешало встрече пройти очень энергично: на многие недежурные вопросы из зала писатель отвечал серьезно и искренне. А в конце сказал, что будет счастлив, если темы его пьес устареют. Не устарели.

Женщина на войне неоднократно воспета и оплакана. А здесь не женщины, а девочки еще. На сцене школьницы, ученический глобус. Фабула проста и пронзительна: боевой капитан Михасев должен пройти с четырьмя девчонками спецподготовку для выполнения особого задания в тылу врага. И шансов выжить при выполнении этого задания у

«Семейный портрет с посторонним»

них нет. Спектакль очень живой и динамичный. Тут и почти детективная интрига, и масса юмора. Зрелищно и изобретательно показан процесс тренировок, действительно очень специальных. Почти до самого конца неизвестна суть предстоящего задания. Конечно, сначала у сурового капитана происходят конфликты с капризными девчонками. И постепенно, вместе с ним мы узнаем их, таких разных и таких невозможно молодых и симпатичных. Подготовка сложная, устают, засыпают. А хочется петь и танцевать. А смертельное задание как раз и заключается в подготовке концерта для оккупантов вместо приглашенных немцами актрис. И спеть и станцевать надо мастерски. Вот в этом мне видится слабое место спектакля. Артистки обладают необходимой для данной задачи музыкальностью, но не очень работает сама музыка и собственно номер, который они готовят. Предвоенные и военные годы неразрывно связаны в нашем восприятии с очень определенным и богатейшим музыкальным рядом. От всего этого режиссер отказался в пользу оригинальной мелодии, песни, как будто написанной одной из девушек. Сама по себе песня, наверное, неплоха, но явно не шлягер. Равно как и акробатически-танцевальный номер, насыщенный современной хореографией от балета «Тодес» и модным задымлением, что никак не ассоциируется с сороковыми годами. Подобное зрелище, безусловно, ошеломило бы немцев. Поэтому номер и трактуется совершенно отстраненно, претендуя на уже иную, вневременную символичность. Это перегружает и отяжеляет достаточно цельный рисунок спектакля. Пообщаться с участниками не удалось, так как это был последний вечер. Вечер поздравлений и расставаний. Студенты и для этого вечера сочинили песню

Еще немножко, еще чуть-чуть
Наш фестиваль, останься с нами.
Хотя б денечек еще побудь,
Не разлучай ты нас с друзьями.

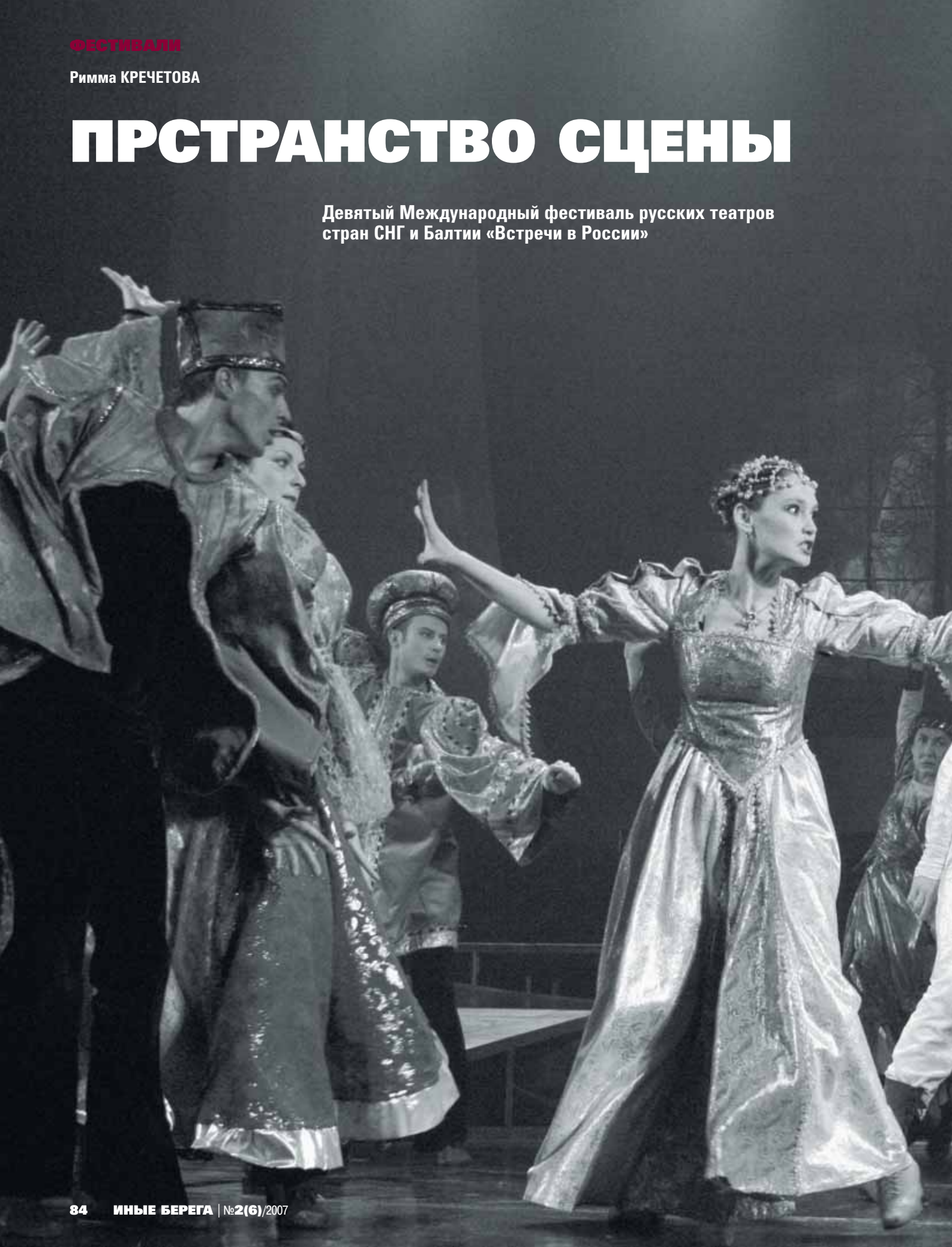
Все участники вышли на сцену, всех засыпали цветами. Глава Республики Мордовия Николай Иванович Меркушкин торжественно заверил, что фестиваль будет жить. Неожиданно последовали награждения: Алексей Дударев был удостоен Государственной премии Мордовии, Наталья Старосельская стала лауреатом премии главы Республики. Все участники получили часы с символикой республики.

Все-таки наша яхта называлась «Победа».

Римма КРЕЧЕТОВА

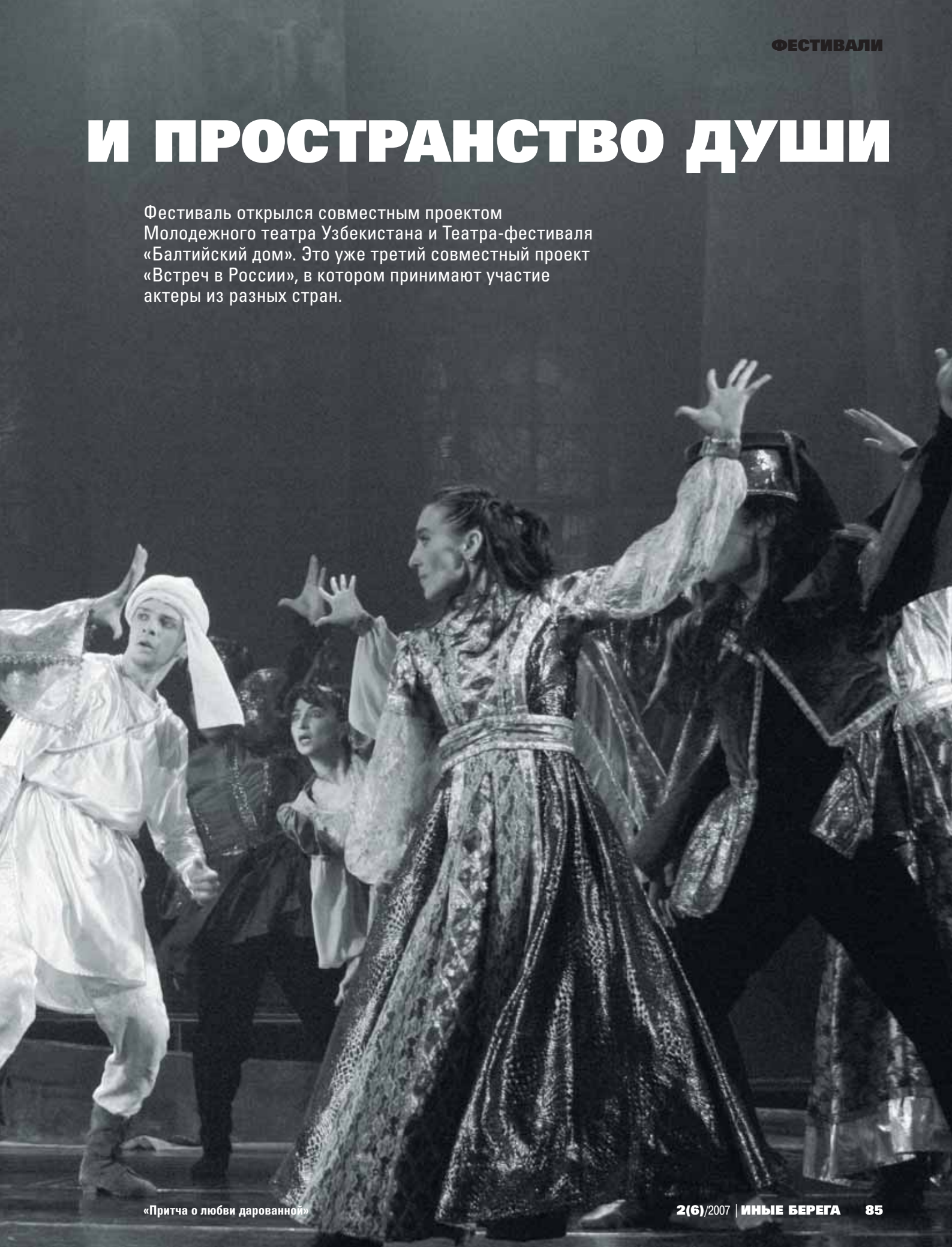
ПРСТРАНСТВО СЦЕНЫ

Девятый Международный фестиваль русских театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России»



И ПРОСТРАНСТВО ДУШИ

Фестиваль открылся совместным проектом Молодежного театра Узбекистана и Театра-фестиваля «Балтийский дом». Это уже третий совместный проект «Встреч в России», в котором принимают участие актеры из разных стран.



«Притча о любви дарованной»

Международный фестиваль русских театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России» (уже девятый, а кажется, что все началось только вчера) закончился. Зрители Петербурга посмотрели двенадцать спектаклей, вырванных на короткое фестивальное мгновенье из привычного их театрального бытия внутри иных национальных культур. Здесь они попали в другой художественный контекст. В зале их ждала другая публика. А ее, надо сказать, с каждым годом становится больше и больше. И аплодисменты в финале звучат все продолжительнее и громче. Значит, «Встречи в России» сумели сформировать устойчивый зрительский интерес к русским театрам, работающим в отрыве от материка русской культуры на огромном постсоветском пространстве. Добиться этого в перенасыщенном художественными событиями городе (между прочим, параллельно со «Встречами в России» в Петербурге проходили еще два театральных фестиваля) было очень не просто. Как непросто и театрам преодолевать финансовые и иные барьеры, чтобы оказаться здесь. Но возможность сыграть на сцене одной из российских столиц, «сверить» собственные часы по общероссийскому времени, оказаться в кругу русскоязычных театров других стран – стоит этих усилий. Не случайно у фестиваля появились «старожилы», театры, старающиеся не пропустить ни одной весны. Не случайно, что почти каждый год появляются на нем «новички». И как разумно, что «Встречи в России» – это именно встречи (со зрителями, друг с другом, с критикой), а не борьба за творческий «чин», присуждаемый пусть и самым «уважаемым жюри». Ведь известно: «чины людьми даются, а люди могут обмануться».

Впрочем, «обмануться» легко. Современный театральный процесс пестрее пестрого, он лишен определенного вектора, движется сразу во всех мыслимых и даже в не мыслимых направлениях. Потому так велик и естествен разброс критических мнений, что проявилось и на обсуждениях спектаклей этого фестиваля. Мнения высказывались часто прямо противоположные. Однако, вступая друг с другом в полемику, они не переходили в войну. Терпимость к иной точке зрения – одна из достойных традиций «Встреч в России». Стоит ли добавлять, все написанное ниже, – отражение фестивальных спектаклей в моем «отдельно взятом» профессиональном сознании. Сугубо личное высказывание, у которого были серьезные оппоненты.

Итак.

Фестиваль открылся совместным проектом Молодежного театра Узбекистана и Театра-фестиваля «Балтийский дом». Это уже третий совместный проект «Встреч в России», в котором принимают участие актеры из разных стран. Началось все 2005 году с молодежного спектакля, посвященного юбилею Победы. В прошлом году в рамках проекта работали над пьесой Горького «На дне». На этот раз Наби Абдурахманов, художественный руководитель Молодежного театра из Ташкента, рискнул силами двух коллективов осуществить постановку (вернее, представить ее эскиз) «Притчи о любви дарованной», созданной по мотивам поэмы Алишера Навои «Язык птиц». Получилось мудрое, современное, по-восточному многоцветное зрелище, жанр которого не смог определить даже сам постановщик: не пантомима, не модерн-балет, не пластический спектакль... Подошло лишь наиболее общее понятие – движение. И правда, движение (всяческое) – подлинный язык этого спектакля. Танец, говорящая пластика актерских тел, колыхание тканей, игра красок и света, развитие и столкновение музыкальных образов… Плотная динамичная сценическая среда, яркая, временами перенасыщенная визуальными и звуковыми акцентами. Сюжет спектакля – странствие мусульманского шейха, отправившегося на поиски истинной веры, истинного Бога через многоликий человеческий мир верований, традиций, повседневных обычаев. Это тоже движение: как перемещение в пространстве и как восхождение к смыслу. Шейх, встретив на пути множество разных религий, наконец, попадает в католический Рим. И здесь его настигает любовь к христианке. Прекрасная Дева (Васса Васильева) отвечает ему взаимностью, но заставляет пройти через сложные для мусульманина испытания. Весь людской мир, все религиозные конфессии ополчаются против влюбленных. Поразительно, пять веков назад Навои не только задумался над глубиной этой трагической коллизии, но и нашел для нее высшее решение. Шейх и Дева погибли, но вознесены Божественной волей, потому что Бог – един для всех, и дарованная им любовь не знает религиозных запретов, она неподвластна суду догматиков.

Второй спектакль Наби Абдурахманова, показанный на фестивале, знаменитый мюзикл «Скрипач на крыше», который был им поставлен в Узбекском молодежном театре. И хотя повесть Шолом-Алейхема и поэму Алишера Навои разделяет половина тысячелетия, обе работы Наби объединяет одна, актуальная для современного мира тема всечеловеческого единства, противостоящего слепой национальной или религиозной вражде.

Выбрав мюзикл, режиссер при всей сегодняшней своей увлеченности музыкально-пластическими красками, не смог ограничить себя его рамками. Его потянуло к глубокому, философски насыщенному, пронизанному юмором и печалью тексту Шолом-Алейхема. Судьба семьи молочника Тевье представилась ему как притча о человеке, живущем между реальным миром и Богом, постоянно взыскующим к Создателю о несправедливости этого ми-

«Кесарь»

ра. И он вывел героя на авансцену, заставил его «впрямую» общаться то с автором повести, то с Богом, быть то участником событий, то их рассказчиком и комментатором, то – стихийным народным философом, пытающимся обнаружить логику и смысл неласкового к нему и к его народу жизнеустройства. Жанровая природа мюзикла оказалась размытой прозаическими включениями, но и прекрасные текстовые вставки, перебиваемые пением и танцами, не стали единой плотью спектакля. Популярный сегодня сценический «микс» в данном случае не оправдал ожиданий. Вызванное условиями гастрольного показа техническое несовершенство фонограммы (поют, к сожалению, под нее), формальность включения танцевальных номеров (сама по себе их хореография интересна), преувеличенность роли «скрипача», превращенного во второе «я» Тевье и назойливо (хотя бессловесно) вторгающегося в события – все это подчеркнуло художественную неустойчивость, несбалансированность целого. Похоже, как конструктор спектакля Наби проиграл. Но, безусловно, во всяком случае, для меня, в самом главном, в человеческом, нравственном посыле, он выиграл. Ему удалось почувствовать и передать в спектакле не только саму жизненную историю, рассказанную писателем, но и поднять из ее глубин то духовное и интеллектуальное напряжение, которое как раз и делает человека «мерой вещей». Спектакль, двигаясь вслед за сюжетом по горизонтали, то и дело пытается, вместе с мыслью и словом Тевье, устремиться по вертикали, туда, где про-

сто жизнь превращается в Бытие. Образ Тевье – удача спектакля. Это сценически свободная, смелая работа актера А.Халмурзаева, который сумел передать жесткость и страсть своего героя в разговорах с Богом, но при этом сохранил житейскую мягкость, мудрость, бесконечность его терпения …

«Танцы во время праздника урожая» Б.Фрила, показанные Русским театром из Таллинна, наверное, можно было бы отнести к удачам фестиваля. Приглашенный из Москвы режиссер М.Фейгин соединил в спектакле внешнюю зрелищность и психологическую серьезность. Обыденную жизнь пяти сестер из маленького ирландского местечка, как бы увиденную глазами писателя, попытавшегося воскресить на бумаге детские свои впечатления, он прослеживает в ее повседневных подробностях. Это не правда быта, а правда поведения, что-то вроде «топографической карты» родственных отношений, где между пятью разными знаками прихотливо проложены дороги и тропки. Пять актрис, каждая в своей жанровой нише (их вполне можно распределить по разным эстетическим «зонам» – от Чехова до Беккета, от Стриндберга до сегодняшних мыльных опер) играют подробно, серьезно, создавая реальную атмосферу очень странной семьи. Следить за их отношениями интересно, как интересно наблюдать и за режиссерскими усилиями придать спектаклю современную «странность», которая вывела бы его за пределы однозначности семейной истории. Странный Отец Джек, закутанный в женскую шаль, жутким видением появляется на мгновенье из-за дверей. Странный парень Джерри, отец Майкла, всякий раз приезжает на велосипеде с высунутым языком и придурковатой миной. Странно преувеличенная болезненность, неполноценность сестры Роуз. Странно сдвинуты во времени некоторые эпизоды пьесы – ведь это не реально происходящая история, она развертывается в воспоминаниях Майкла. Все это внешние признаки современного сценического мышления. И они могут убедить, если отрешиться от пьесы и рассматривать спектакль Фейгина, как зрелище, от нее не слишком зависящее. Если же обратиться к тексту, то выяснится, что постановщик избрал путь самый простой, отсекающий в тексте, быть может, самое важное. Фрил не писал пьесы о пяти женщинах-сестрах, которым не удается найти мужчину. Их история – это основа для более сложного и многозначного узора, в котором переплелось многое, гораздо более значимое для ирландского, а вместе с ним и мирового сознания. Драматург создает своеобразный контрапункт, где все имеет свое место и свой подспудный смысл. Миссионерский подвиг Отца Джека, прожившего долгие годы среди африканских племен, а теперь потерявшего память, оказавшегося в пустоте, одиночестве старости. Его размышления в миг просветления о примитивной, но по-своему гармонично устроенной жизни в Африке, и о жизни здесь, среди всех благ цивилизации. Вроде бы внезапное решение Джерри отправиться на войну в Испанию. Сама фигура Майкла, участника и наблюдателя одновременно. Легкая пелена времени, придающая происходящему тревожность и зыбкость воспоминаний. Все это выводит события за пределы дома сестер в существующий за его стенами мир, и не в последнюю очередь – в важный для Фрила социум, где свобода ограничена предрассудками, в которые переродились традиции, а еще – в мир эпического сознания, которое так сильно и так притягательно в произведениях ирландских писателей. Да, режиссер интересно решил поставленную перед собой и театром задачу. Но он схитрил в момент ее постановки. Вместо предложенного драматургом уравнения из высшей математики он предпочел не выходить за пределы четырех арифметических действий. А жаль, ведь могло получиться.

Впрочем, в современном театре подобное уклонение от сложного – вовсе не единичный случай, а скорее вошедшая в моду режиссерская стратегия. Сегодня смешно оспаривать право постановщика на подобное поведение. Кто теперь ставит пьесу? Все ставят свой (а бывает, что и чужой) режиссерский замысел, не обращая внимания на робкое похрустывание литературных костей.

Казалось бы, между «Танцами на празднике урожая» Б.Фрила в Эстонии и «Кесарем» Л.Шанта в Армении дистанция огромного размера. Дворцовые события далекого прошлого и лишь слегка удаленная от нас во времени жизнь маленького ирландского местечка… Жестокая борьба за власть и незаметное существование в обыденном мире… Но, как и Фейгин, постановщик спектакля в Русском драматическом театре им. К.С.Станиславского (Ереван) А.Григорян, тоже счел необходимым избавиться от «лишнего» в пьесе, отнесся к понравившемуся ему тексту как нетерпеливый завоеватель, которому все хочется переделать по-своему. В «Кесаре» режиссеру интересна политика дворцового переворота. Логика подковерной борьбы, которая вдруг становится явной и определяет ход истории. Однако ему важен и внутренний сюжет пьесы, прослеживающий характер перемен в личности человека, добившегося высшей власти. Но вывод ясен еще до начала спектакля: мы видим на сцене трон властителя с короткими ножками, к тому же приопущенный в яму, которая, очевидно, обозначает могилу. Власть – это падение, это гибель. Метафора, после которой актерам остается только вдохнуть в нее жизнь. Итог их сценического существования уже подведен, и он однозначен. Но ведь про пагубное влияние власти на личность властителя было столько уже сыграно на всех сценах мира, что кроме этого,

«Правда хорошо, а счастье – лучше»

ставшего аксиомой вывода, хотелось бы понять, увидеть что-то еще. И пьеса, судя по тем ее недоискорененным режиссером «лишним» моментам, давала такую возможность. Ведь тема власти в тексте Шанта поднимается из пространства исторических сражений за трон в иные нравственно духовные сферы. Туда, где совсем другой отсчет ценностей. Возникает вопрос – а куда подниматься дальше? Неужели высшая власть над людьми и странами – положенный человеку предел? Если проигнорировать этот вопрос, как это произошло у Григоряна в спектакле, то многое становится непонятным. Например, появление Святого и роль Ханны в судьбе Никифора Фокоса, внезапный отказ Огана Гургена от трона, только что добытого кровью и предательством. Актуальность спектакля, режиссерское желание (объяснимое, конечно же) высказаться на острые темы сегодняшнего дня, а не углубляться в диспут о природе души и пределе ее терпения к творимому злу, стали слишком жесткой рамкой, ограничившей пространство картины. Но ведь есть в спектакле моменты, где проступает его возможный, но пока еще не достигнутый масштаб. Прежде всего, это последняя сцена Никифора Фокоса, когда он за минуту до гибели раздумывает над подметным письмом. Актер Ф.Давтян проводит ее на высочайшем уровне сегодняшнего искусства трагедийной игры, с удивительной психологической глубиной и внутренней силой, каким-то гипнотизирующим художественным покоем. На наших глазах колеблется чаша судьбы его героя, и в момент колебания открывается беззащитная человеческая сущность Фокоса, непроницаемые доспехи властителя будто спадают с него. Эта сцена – камертон спектакля, к которому постановщику стоило бы прислушаться. Публицистика в исторических костюмах – хорошо. Но человек во всем своем объеме, с метаниями и страстями, с поиском высших смыслов и погоней за низшими целями, с бессмертной душой и бренным телом, живущими порой во вражде друг с другом – разве это не лучше?

Четыре спектакля на фестивале было сыграно по произведениям русской классики.

Островский, как это ни странно, редкий гость на «Встречах в России». Но в этот раз нашему наирусскоязычнейшему автору повезло. «Правду хорошо, а счастье – лучше» показал Приднестровский театр драмы и комедии им. Н.С.Аронецкой из Тирасполя, впервые приглашенный на фестиваль. «Без вины виноватых» сыграл Русский театр драмы Киргизской республики, третий

год подряд приезжающий в Петербург.

В разное социальное (значит – и театральное) время разные пьесы Островского появляются на афишах. Сегодня лучшие хрестоматийные тексты Александра Николаевича будто «устали» от бесконечных режиссерских трактовок и сценических трансформаций, как устает металл под воздействием долгих нагрузок. Их начали оттеснять произведения, стоящие как бы во втором ряду в его творчестве. Не случайно «Правда хорошо, а счастье – лучше» – теперь одна из наиболее репертуарных его пьес. Впрочем, и по интонации горькой, иронической покорности, и по сюжетной близости к привычным нынче сериальным коллизиям, она, очевидно, совпала со временем. Для В.Гунина, поставившего спектакль в Тирасполе, важен не мотив жизни по правде, связанный с образом Платона, но перипетии двух любовных историй. Именно двух, потому что не только полудетский роман Поликсены и Платона, но и былая запретная страсть Мавры Тарасовны занимает театр. И это интересно. И позволяет актрисе А.Равло сыграть не просто властную хозяйку, держащую в страхе весь дом, этакую домостроевскую тиранку из темного царства, а женщину по-своему сложную, в которой до сих пор не умерло ее грешное прошлое. И уже в самом начале в ней есть что-то спрятанное. Ведь она знала запретную любовь, вероломство, шантаж, постоянный страх возможной расплаты… Есть в этой преуспевающей матроне тайное своеволие, способность к стихийным решениям и поступкам, роднящие ее с упрямой Поликсеной. При такой трактовке усложняется и финал пьесы, внезапный выход из конфликта, казавшегося непреодолимым, приобретает другое звучание. Появление Грознова, внешне заставляющего Мавру Тарасовну покориться силе, по сути своей освобождает ее не от страшной клятвы, а от прежней искусственной, замкнутой в самой себе жизни.

Попытался режиссер немного иначе взглянуть и на самого Грознова. И в него внедрить тайную печаль, удивление собственными жестокими поступками времен бездумной солдатской молодости. Теперь это человек окончательно одинокий. И его задумчивые рассказы о былом, и неожиданно обнаруживающиеся рваные носки, и смиренное желание получить место «ундера», чтобы жить среди людей – от всего этого веет вроде бы совсем не островской тоской. Эта тоска вдруг входит в спектакль и с нянькой Филицатой (О.Кушнер), слушающей тишину усадьбы (мгновение поистине чеховское), с абсолютной замкнутостью в себе постоянно мрачного садовника Глеба Меркулыча (В.Клименко), изначально всем раздраженного, испытывающего отвращение даже к результату собственной деятельности – нагло украденным яблокам.

Режиссер не стремится подчинить спектакль одному настроению, ограничить всех каким-то одним способом игры. Рядом с психологически проработанными кусками возникает откровенная клоунада. Барабошев (И.Таран) и Мухояров (Г.Чекан) – как два коверных. Они и одеты-то соответствующе. Правда внутренних состояний тут должна выразиться через точность трюка. Однако ни режиссеру, ни актерам не хватило куража, этого великого циркового «ап!». И вместо чисто исполненного трюка вышел какой-то неуверенный полутрюк. Не получилось и решающее объяснение Поликсены и Платона. Наивная неопытность двух еще очень молодых существ превратилась в пошловатую сцену из третьесортной оперетки, была экзальтированно и фальшиво наиграна. А ведь ничто в поведении этих персонажей не предполагало такого беззастенчивого наигрыша. Получается, что одни моменты роли не связываются с другими, будто режиссер мыслит не образами, а отдельными сценами, обустраивает каждую независимо от прочих. Соединяя разное, применяя контрастные краски, он не использует контраст как структурный принцип, а просто прилепляет одно к другому, предлагая сюжету принять на себя роль цемента. В результате спектакль, в котором многое заявлено и сыграно интересно, будто не доведен до конца. К тому же в итоге на зрителей обрушивается финал с банальным пластическим оживлением, обычным в современном театре: так продлевается время аплодисментов.

«Без вины виноватые» в Русском театре из Бишкека, поставленные режиссером А.Петуховым, – спектакль, прежде всего опирающийся на актера. Это человеческая история, по жанру явно тяготеющая к мелодраме, она максимально приближена к зрителю, который сидит тут же на сцене, а потому способен разглядеть даже хорошо замаскированную исполнительскую ложь. Художник Г.Белкин прекрасно справился с огромным временным разрывом между первой сценой пьесы и ее основным течением, поместив начало спектакля в глубину пустого зрительного зала. Уходящие вверх ряды зачехленных кресел, словно волны протекших лет, отделяющие нас от молодости Кручининой. Где-то там, вдалеке, затерялись неудавшаяся любовь, смерть сына, крушение всей ее жизни. И вот перед нами уже не юная неопытная девушка, а знаменитая актриса. И ее «взрослая» судьба будет открываться зрителям, плавно переходя из эпизода в эпизод, которые отделены один от другого лишь тихим скольжением двух полукруглых экранов да вкрадчивой переменой деталей обстановки рабочими сцены, индифферентными ко всему, кроме выполнения своей задачи. Эти «черные люди» Кабуки вполне прижились в закулисно-гостиничном мире российской провинции. Надо сразу сказать, что мир этот показан в спектакле внешне хотя и достаточно склочным, но внутренне – в самой его глубине – совестливым. Это

«Правда хорошо, а счастье – лучше»

как бы по Воланду: люди как люди, и сострадание порой стучится в их души. Здесь нет холодных интриганов, из темных побуждений творящих зло ближним. Коринкина, самая отчаянная соперница Кручининой, совершенно искренне, до слез не понимает, почему и публика, и знатоки так восхищаются игрой приезжей звезды. Тут не карьера актрисы рушится, а понимание профессии, мировоззрение женщины, прежде уверенной в себе, лишается опоры. Это поистине творческая и женская трагедия, со стороны кажущаяся ужасно смешной. Актриса Т.Стрельцова играет эту сцену с искренней наивностью отчаяния и с беззащитным комизмом.

Не оказалось в спектакле и тех, кому место только в буфете. Конечно, в Миловзорове артист Д. Балбекин несколько преувеличивает инфантильную избалованность, капризную пустоту и эгоизм своего героя. Зато, как диктует театральная традиция, вечно пьяный и буйный Шмага в исполнении В.Скорописи оказывается человеком достаточно тихим, преисполненным чувства собственного достоинства. Он впервые появляется перед Кручининой не как собутыльник Незнамова, а как его настоящий друг, как борец за попранную справедливость. Он больше резонер, чем дебошир. И есть в нем даже какая-то робость. При этом обидчив он ничуть не меньше Незнамова. Бескорыстного добра ни от кого не видел. Новое и дорогое пальто – подарок Кручининой – для него словно королевская мантия, которую он не снимает, и не позволяет другим даже случайно к ней прикоснуться (а вдруг испачкают). Смешно? Да, смешно. Но и больно, потому что за этим – целая жизнь, судьба человека, снисходительно и жалостливо окрещенного нашей классической литературой человеком «маленьким». Но вряд ли внутри самого себя он согласился бы с такой сочувственно-уничижительной кличкой. Внутри себя и он – человек, которому не чуждо ничто человеческое …

Режиссер, заглянув за кулисы (а ряд сцен происходит как бы в репетиционный перерыв, и потому все персонажи – в сценических костюмах) не захотел развлекать современного зрителя театральными нравами далекой эпохи. Он увидел в персонажах Островского товарищей по искусству

«Танцы во время праздника урожая»

и по судьбе, испытал чувство профессиональной и человеческой солидарности. Совершенно удивительной оказалась сцена перед финалом, когда мать и сын, наконец, находят друг друга. Словно зрители греческой трагедии в состоянии катарсиса, все присутствующие окружили обнявшихся Кручинину и Незнамова. Они потрясены, и это – очищающее потрясение. Интрига – коварный плод ума – опровергнута глубиной человеческих чувств, опрокинута силой перенесенных страданий. И надо сказать, что актриса Л. Проходова, играющая Кручинину, умеет передать всю меру и неотступность материнского горя. Неизжитое, утаенное от посторонних глаз, оно тем не менее постоянно присутствует в ее душе, подсознании, оно делает ее беззащитней и тоньше, а еще – терпимее, внимательней к людям. В ней нет и тени превосходства над провинциальными своими коллегами. Она даже как-то тушуется среди них, покорно сносит дерзости и бестактности. Попав в город своей молодости, она оказывается в плену воспоминаний и предчувствий, ее постоянный внутренний непокой здесь становится все мучительней. Актриса играет тонко, передавая состояния сложные, самой Кручининой не до конца понятные. Она интуитивно тянется к Незнамову, прощая ему его дерзость, его вызывающее раздражение. Она угадывает в нем человека, как и она, глубоко страдающего. Только ее страдание сделало мягче, его же, наоборот, сделало резким, постоянно готовым к отпору. И – бесконечно одиноким. Высокий, угловатый, явно умный, этот Незнамов (его играет Д.Ложников) меньше всего похож на захудалого провинциального актера, которого держат в труппе из-за дешевизны его услуг. В нем есть что-то от шиллеровского героя, но это не закулисная маска, а подлинное его естество. По данным своим он мог бы играть главные роли, но из-за характера, вернее из-за на других непохожести – едва уживается в труппе… Как персонаж романтический он чужой среди окружающих. И непонятным образом его что-то тянет к Кручининой. Быть может, впервые он кому-то поверил. И потому так грубо, болезненно прорвется разочарование…

Однако спектакль не всегда поднимается до заданной театром самому себе психологической точности и глубины. Во второй его половине, когда Кручинина узнает о том, что сын ее жив, Проходова начинает играть грубее, тайная тревога уступает место открытому горю, а оно выражается достаточно простыми внешними средствами. Мешает актрисе, возможно, и то, что линия новых отношений Кручининой с Муровым плохо простроена. Мурова играет сам режиссер, и роль эта

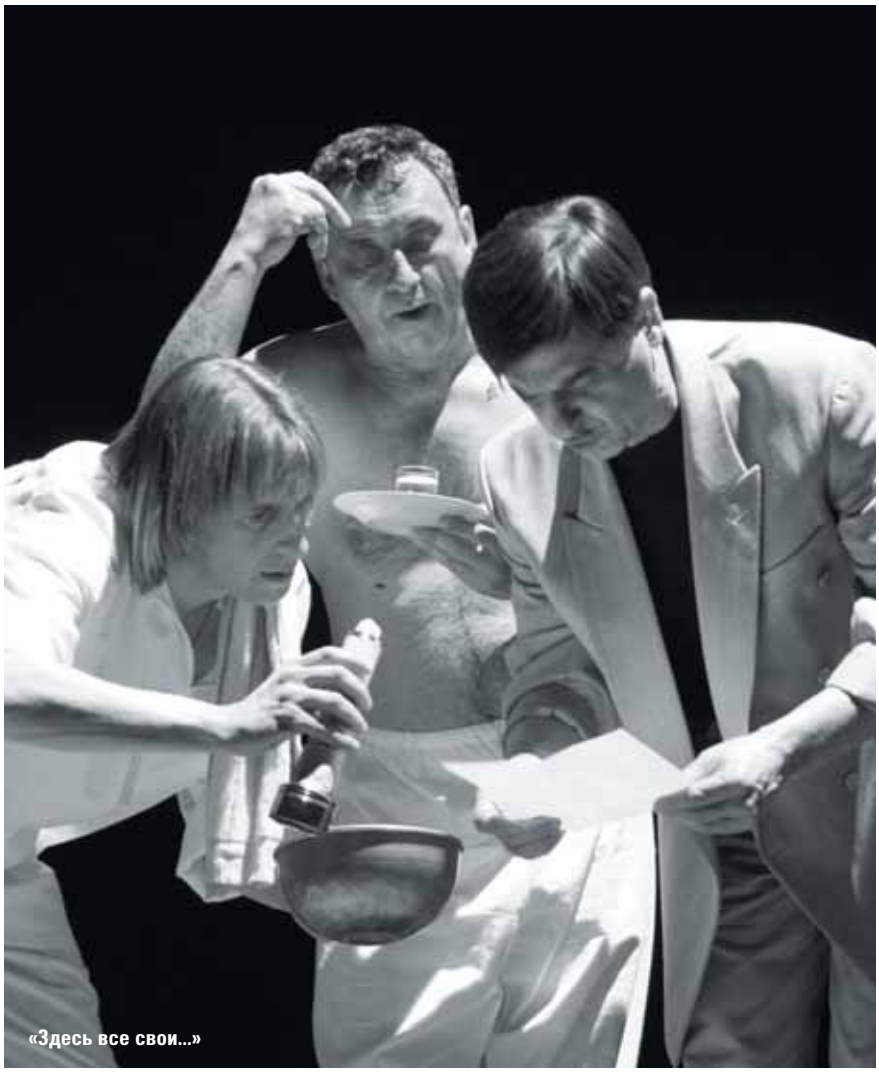
«Без вины виноватые»

определенно его. Но очевидно для себя ему не хватило времени и – взгляда со стороны…

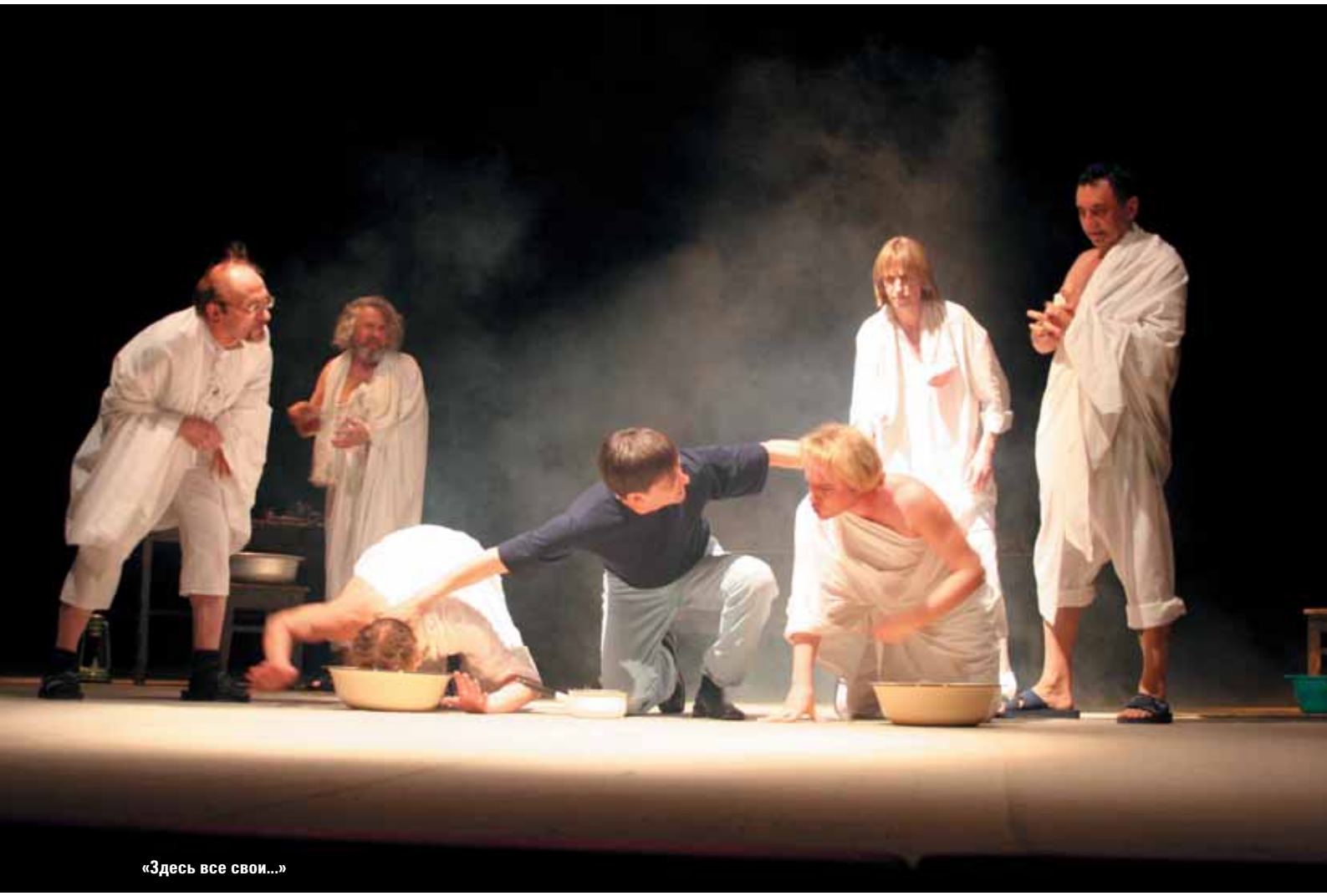
Русский драматический театр Литвы привез на фестиваль «Журавля», пьесу П.Шерешевского по ранним рассказам Чехова. Поставил спектакль Г.Цхвирава, режиссер в России достаточно известный и, безусловно, – опытный. Но никакой опыт, оказывается, не способен защитить от искушения пойти дорогой нехоженой, хотя заранее известно, что ничего хорошего на этой дороге не ждет. Потому по ней и не ходят. Мысль поставить спектакль по ранним рассказам Чехова – сама по себе заманчивая и вовсе не новая. Был у Николая Акимова спектакль, назывался «Пестрые рассказы». В его основе никакой целостной пьесы не было, каждый рассказ был законченной сценической миниатюрой. Режиссер и актеры проходили через разные обстоятельства, возникала целая галерея характеров, поражавших своим разнообразием. Это был остроумный спектакль, в котором театр продемонстрировал понимание природы чеховского юмора, чувство стиля и формы каждого из рассказов. Был спектакль и у Юрия Любимова, назывался «Жалобная книга». Его вещную среду придумал Давид Боровский. Он сделал настоящую железнодорожную насыпь, положил настоящие рельсы и посадил зрителей на чемоданы. Такая вот гиперреалистическая игра. Как всегда на Таганке, литературной основой была продуманная композиция, которая, сохраняя самостоятельность рассказов, объединяла их в единую смысловую структуру, где смешное вступало в соприкосновение с трагическим. Шерешевский и Цхирава пошли третьим путем (впрочем, в декорациях литовского спектакля воскресает старая идея Боровского: железная дорога, рельсы, семафор, чемоданы, дрезина, только выглядит это слишком бутафорски и подается серьезно). Они решили связать разные чеховские рассказы… единым героем. Пропустить сквозь калейдоскоп чеховских ситуаций одного и того же человека. Будто это с ним происходят события, которые у Чехова произошли с людьми совершенно разными по характеру, темпераменту, образованию, роду занятий, привычкам и пристрастиям. Так осуществилась мечта Агафьи Тихоновны, чтобы к лицу одного жениха приставить что-то от лица жениха другого. В результате спектакль явил странное и монотонное зрелище. Не помогли и структурные подпорки, сооруженные из рассказа «В зоопарке», мрачный текст которого время от времени произносит некто, названный Управляющим. Изначальная форма разрушена, новая не возникла даже на уровне простого сюжета. В центре – герой, которого на самом деле не существует. Это даже не Гомункулус, хотя тоже выведен драматургом в пробирке, а существо совершенно мифическое. И серьезный актер Сергей Зиновьев совершенно серьезно, истово вынужден пробираться сквозь все эти разноприродные наслоения, убеждая себя, что проходит с персонажем его жизненный путь. Каким полным должно быть насланное на авторов затмение, чтобы отнять у них понимание самой простой истины: рассказы Чехова (а ранние – особенно), кроме своего особенного, выхваченного из многоликой жизни героя имеют еще и особую законченность формы, свой особенный ритм, свою природу юмора, лежащий в основе специальный, штучный комический парадокс. И чем короче рассказ, тем жестче и неразрушимей его литературная форма. Зачем же было их превращать в изначальное тесто якобы необработанной жизни? Чтобы, хорошо перемешав, испечь собственную сверхбулку?

И, наконец, в финале статьи – несколько слов о спектакле Русского драматического театра им. М.Горького из Астаны (Казахстан) «Здесь все свои…» по мотивам гоголевского «Ревизора». Спектаклю этому уже пять лет, а играют его так, будто поставлен он режиссером Юрием Ханинга-Бекназаром только вчера.

На авансцену выходят два актера с большой клетчатой сумкой, в которой «челноки» обычно перевозят товар. Достают из нее потрепанную книжицу. Это – текст «Ревизора». Начинают читать. Скороговоркой, скучая. «Я пригласил вас, господа…». Действительно скучно, потому что повторялось со школьных дней тысячу раз, и невольно «затрепалось» в сознании. Читать невозможно. Тогда – надо играть. Только игра может привычное превратить в незнаемое. И они входят в игру. С. Матвеев тут же становится Городничим, Р. Чехонадский появится позже как Хлестаков. Первая встреча с чиновниками – в бане, практически – в пекле. Персонажи, закутанные в простыни, возникают из облаков пара, как наваждение, как материализация гоголевской фантазии. Они – порождение игры, их возможно (вполне по Гоголю) и не существует. Ситуацию с ревизором-инкогнито обсуждают легко, препираются весело. Знаменитый страх, который обычно тут ищется режиссерами, напрочь отсутствует. Кого им бояться, ведь «здесь все свои». И губернатор никого не боится, и они его – тоже. Ведь знают друг о друге всю подноготную, кто сколько берет, чем берет и.т.д. Знают и ход дел в государстве. Откуда тут взяться страху? Времена не те. Подумаешь, ревизор. Дело житейское. Эта сцена сразу снимает с пьесы хрестоматийный налет, превращает ее классический текст в текст вполне злободневный. Но удивительно, что при этом не происходит потери объема, упрощения, уплощения ситуации и характеров. И тогда понимаешь, что истинным героем спектакля становится лучшее, что бывает в театре – свободная, увлеченная, порой на грани актерского хулиганства игра. Пьеса проносится, будто внезапно налетевший из инфернальных нездешностей вихрь. Вот все возникло, закрутилось, исчезло. Было – не было? И если было, то что? Тут все возможно. Можно станцевать монолог, а Городничий может взять гитару и допеть свою реплику. Не выговорилось, зато сплясалось и спелось. Может появиться приветствующая власть толпа, а может – толпа протестующая. Все дело в лозунгах. И одна за другой возникают знаменитые гоголевские сцены. Вот сцена вранья, вот – дача взяток («подержите», говорит Земляника, отдавая деньги Хлестакову, и тот «держит»), вот объяснение в любви сразу маме и дочке. И почти в каждой из них театр находит свой способ опростить, приблизить происходящее к сегодняшним социальным, психологическим, интонационным реалиям, и в то же время поднять его на уровень окончательных обобщений. Но чем дальше ввинчивается в сюжет «Ревизора» затеянная двумя бродячими (и как выясняется – очень хорошими) актерами игра, тем все ощутимей ее трагический смысл. Невидимые миру слезы, действительно, проступают сквозь смех. В поведении Хлестакова появляется какая-то растерянность. Это не растерянность столичной «фитюльки», осознавшей как далеко случайная интрижка его затянула, а растущее понимание, что и за «свиными рылами» – живые люди. Игра получается слиш-



«Здесь все свои...»



«Здесь все свои...»

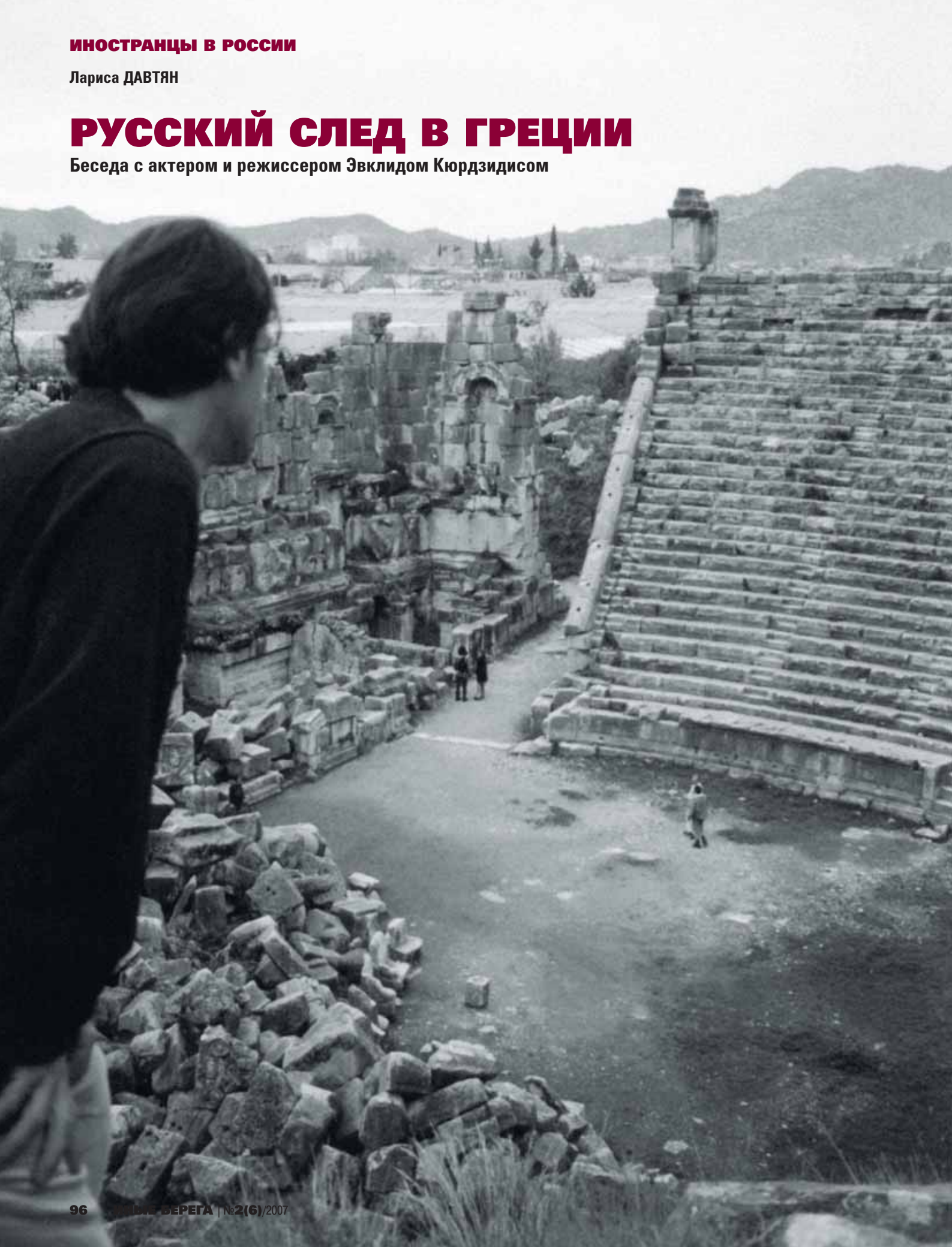
ком жестокой. И она вдруг перестает быть игрой. Наступает момент прощания. Никаких надежд и иллюзий. Все знают, что не увидятся больше. Стоят, как в воду опущенные. Игра закончилась. Наступило отрезвление. На сцене сгущается воздух трагедии, «которым можно дышать только с болью». И Хлестаков, уходя в затемненную глубину, неожиданным, резким, отчаянным и одновременно брезгливым жестом, выбрасывает вверх и назад пачку полученных от чиновников денег. Это не жест персонажа, но жест актера, выходящего из игры, которая сделалась слишком опасной. Спектакль заканчивается без знаменитой немой сцены, в которой застывают все персонажи, услышав о прибытии настоящего ревизора. У театра – совсем иной Ревизор. Когда два уставших, прошедших через Большую Игру актера снова оказываются в одиночестве на авансцене и укладывают свою клетчатую сумку, раздается звонок мобильного телефона. Звонит… Гоголь. И тот, кто был Городничим, спешит уверить писателя, что все сцены финала сыграны. «Да, Николай Васильевич, это есть… И это есть…» Он читает опущенные куски текста, как провинившийся перед великим автором актер, с одной стороны, обманывая Гоголя, как его Городничий обманул трех губернаторов, а с другой, все-таки заканчивает пьесу гоголевским текстом, пусть уже и после игры. Не стану утверждать, что в спектакле все замечательно. Нет, в нем есть и сцены надуманные, как разговор Марии Антоновны и Анны Андреевны в общей ванне – такая вот «рифма» с баней мужчин, есть просто пошлые, как та, где жена заставляет Городничего выполнить свои семейные обязанности. Есть длинноты, естественные спады слишком резво взятого темпа… Но одно безусловно – это живой, коммуникабельный, радующий актерской игрой спектакль, вовлекающий зрителя в свою особенную атмосферу. Не ради ли этих, живых, сиюминутных ощущений зрителя и существует театр, вроде бы оттесняемый сегодня новыми видами искусства, но так и не оттесненный?..

P.S. На нынешних «Встречах в России» было сыграно еще четыре спектакля. Но они шли в параллель, и я их, к сожалению, посмотреть не смогла. Пришлось выбирать. Поэтому – о них в этой статье нет ни слова.

Лариса ДАВТЯН

РУССКИЙ СЛЕД В ГРЕЦИИ

Беседа с актером и режиссером Эвклидом Кюрдзидисом



Эвклид Кюрдзидис – пожалуй, единственный чистокровный грек в московской театрально-кинематографической среде. Сам он себя называет «русским греком, но выросшим в греческих традициях». Он родился в Цалкинском районе Грузии, где издавна существовала одна из первых греческих общин на территории бывшего Советского Союза. Когда ему было четыре года, семья переехала в Ставропольский край. Оттуда 14-летний Эвклид пустился, как он говорит, «в путешествие по этой жизни», самостоятельно направившись в Днепропетровск поступать в театральное училище. После училища, отслужив два года в армии, был принят в труппу Пятигорского театра. А к тому времени, когда в начале 90-х его родители, старшая сестра и два младших брата принимали решение о переезде на историческую родину и воссоединении со своими родственниками, Эвклид успел оказаться в Москве и влюбиться в нее с первого взгляда. Город буквально потряс, и у него не было сомнений, что он хочет остаться только здесь. Но было понятно, что здесь ему необходимо повысить свое профессиональное образование. И в 25 лет – «стариком» по актерским меркам – он поступил во ВГИК на курс к Анатолию Ромашину.

За десятилетие, прошедшее после окончания ВГИКа, творческая биография артиста обрела не только многонациональную галерею персонажей с колоритными речевыми особенностями, но и внушительную географию гастрольных, фестивальных, съемочных маршрутов. Видимо, в наибольшей степени этому способствовало участие в таких поколесивших по миру спектаклях, как «Гамлет» Петера Штайна, «Ladies` Night. Только для женщин» Виктора Шамирова, в фильме Алексея Балабанова «Война». Стоит отметить, что, добившись полного отсутствия акцента, он органично существует в любой русскоязычной роли. В последнее время актерская востребованность Кюрдзидиса набирает все большие и большие обороты, но как только у него находится пауза, он летит хотя бы на три дня к своим в Грецию. Он готов в подробностях рассказывать о многочисленных родственниках – ведь греки свое родство знают до седьмого колена. Трудно представить, как при столь трепетном отношении к родным он решился остаться в Москве один без своих близких. Но, похоже, авантюрный нрав, открытость натуры, природная доброжелательность вырабатывают устойчивый иммунитет к сложностям жизненной драматургии.

– Эвклид, так на каком языке в детстве вы учились говорить?

– В нашей семье всегда разговаривали на греческом языке, слушали греческую музыку и сами ее исполняли, так как со стороны мамы почти все музыканты. А русский язык, я помню, мне

плохо давался. И в школе первые три класса у меня по русскому были единицы. Это потом для меня русский стал первым, а греческий перешел на второе место. Зато уже в восьмом классе у меня стали списывать диктанты, и я даже сочинения писал на пятерки. Язык подтянул, но говор все равно был. От говора очень сложно избавиться.

– А эти проблемы с произношением вас не смущали, когда вы решили стать артистом?

– Во-первых, я с детства знал, что буду артистом. Поэтому я шел поступать – и все. Не задумываясь ни о чем. Это потом уже в театральном училище стали говорить, что, мол, ты будешь играть в русском театре. А я действительно не понимал разницы, ведь мы-то жили тогда одной единой большой русской семьей – Советским Союзом. А последний говор у меня «выбили» во ВГИКе. Мне даже запрещали ездить домой, чтобы я не попадал в родную языковую среду. А сейчас, как это ни парадоксально, русские греки, переехав в Грецию, общаются на русском. Конечно, они говорят и на греческом. Но все-таки старшее поколение ощущает двойственность состояния: ведь и там был дом, и хотя здесь вроде бы хорошо – историческая родина, но там – часть жизни прожита. Молодежь-то быстро адаптировалась, этой двойственности у молодых нет. Но! – у них есть русский язык там, он-то и объединяет греков-переселенцев. Как прежде в Союзе греки жили общиной, сохраняя свой язык, традиции, фольклор (иногда даже утраченный самими эллинами, как, к примеру, танец пьяного моряка – зеймбекико), так, оказавшись в Греции, они продолжают жить по привычным для них русским традициям. Даже Рождество празднуют, как в России, 7 января, хотя в Греции его отмечают по-европейски. Да и сложившаяся там норма общения европейская – когда ты не можешь говорить и спрашивать о личном. Конечно, и у нас в семье это было заложено. Но при всем этом ты можешь прийти к другу, и сесть на кухне, и до утра говорить. И вот такое общение – самое дорогое наследие, оставшееся от России, русские греки туда принесли. У местных эллинов между собой так не принято, им достаточно: «Как дела?» – «Хорошо. Спасибо. А у тебя?» И все. Помню, какое удивление произвел мой вопрос, когда я у знакомой афинянки спросил: «Почему у тебя глаза грустные?»

– Но, похоже, сама русская речь на греческих улицах уже отнюдь не удивительное явление?

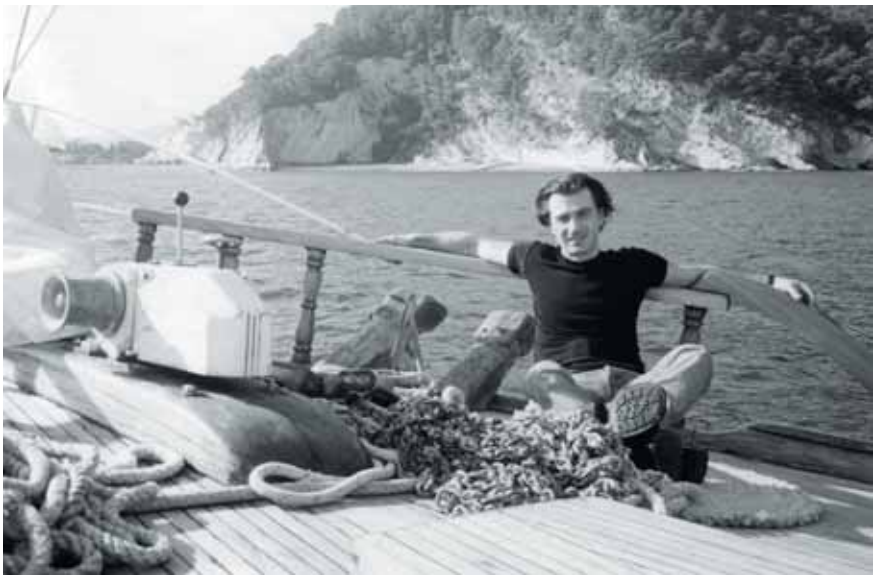
– Действительно. Ведь когда открылись границы, в Грецию переехало более 300 тысяч греков, а всего в ней живет семь миллионов – пол-Москвы. За счет русских греков Греция укрепила свои границы, предоставляя там бесплатное жилье. Естественно, многие этим воспользовались. А когда я бываю у своих в Салониках, то очень много русской речи слышу. Можно сказать, что русский язык здесь на губах и с ним нет проблем у обслуживающего персонала. Более того, в Афинах и Салониках есть «Новости» на русском языке, которые показываются по государственному телеканалу. Есть еще канал, где показывают советские фильмы. Конечно же, это все организовали русские греки. Они всячески стараются не терять связь с Россией. У них постоянно возникают идеи каких-то симпозиумов, конференций, благотворительных акций в помощь греческим диаспорам. А вообще, если кто-то из русских попадет в Салоники и ему будет тоскливо и грустно без русского человека, я любому советую, пусть идет смело на площадь Аристотелоса (Аристотеля – Л.Д.). Там можно встретить русскоязычного собеседника любого уровня. Эту площадь теперь в народе даже называют «Русской площадью».

– А столь мощный русскоязычный «десант» как воспринимается коренным населением? Ведь вполне понятно, что у местных жителей этот процесс вряд ли вызвал абсолютное благодушие.

– Конечно же, у эллинов возникло немало поводов для переживаний, когда в Грецию хлынул поток пресловутой «совковости» не только в смысле быта, но самое страшное – в виде криминала. Но тем не менее, понимая, что пережили греки в эмиграции, все-таки они были снисходительны. А что касается отношения к русскому языку, могу привести пример, которым я был потрясен. Прошлым летом я познакомился с семьей потомственных афинян, которые выучили русский язык из любви к русскому искусству. Среди них – Лица Скарцату. Из любви к русской опере, русской музыке, русской поэзии она выучила русский язык. А с другой стороны, я знаю в Греции многих русских, которые приехали туда не по каким-то меркантильным причинам, а именно из-за пристрастия к греческой культуре. И на всю жизнь остались в Греции, выучили язык, создали семьи. Кстати, в Греции есть остров Сирос, к берегам которого, по преданию, давным-давно причаливал русский флот. Раньше остров был круглым, а потом его часть ушла под воду, и сейчас он остался в виде месяца. Но до сих пор Сирос славится самыми красивыми гречанками – они голубоглазые и даже блондинки.

– Ну, прямо-таки своеобразный символ русско-греческого взаимопроникновения. Чувствуется, что для вас самого ценно и трогательно всякое проявление русского следа в Греции.

– Вот один из таких моментов меня ожидал, когда я пришел в Афинах в Театральный музей и увидел там афиши от Товстоногова до Фоменко с их автографами. В общем, всех наших театральных мэтров, приезжавших в Грецию на гастроли. И после этого уже не странно читать на своем сайте вопросы от моих греческих поклонников, которые спрашивают не только о тех спектаклях, в которых играю я, а вообще почему к ним не привозят русский театр. А еще я неожиданно познакомился с молодым артистом, который



не говорит по-русски, но мечтает учиться в русском театральном вузе, притом что сам уже играет в труппе у Терзопулоса. А получилось так, что я был на его «Персах» в знаменитом древнегреческом театре Эпидавросе под Афинами. (Кстати, туда Петер Штайн привозил свою «Орестею» с московскими артистами.) После спектакля ко мне подошла одна женщина, услышав мой греческий с сумасшедшим акцентом, спросила, откуда я, а когда узнала, что из Москвы, стала умолять, чтобы я подождал ее сына, который сейчас был на сцене. Он бредит Россией, Чеховым, мечтает попасть на его могилу. И главное – мечтает играть в русской труппе. Хотя наверняка прекрасно знает, что в Греции, если ты артист, музыкант или художник, ты уже какой-то особенный человек.

– По-моему, если молодой человек попал под магию Чехова, Антон Павлович его уже не отпустит. А на вас, Эвклид, кто-нибудь из русских писателей оказывал подобное магическое воздействие?

– У меня такое случилось с Гоголем, когда я прочитал гораздо позже других его произведений «Старосветских помещиков». Это было лет пятнадцать назад. Я был потрясен его таким русским-русским языком – таким вкусным, с такими нюансами. Это мое самое любимое произведение. Помню, когда читал его, я ощущал как актер все: запах, вкус, цвет, время, ритм … Мне очень нравятся маленькие рассказы Набокова. А еще – Достоевский. Когда я читаю Достоевского, я понимаю, что я читаю Библию. И не понимаю, когда говорят, что его тяжело читать, что это так мрачно, – это такая неправда. Прежде всего – это такие глубины человеческой души! А это так интересно! Очень люблю стихи Гумилева. Ну и, конечно же, Пушкин. Мне ведь посчастливилось играть его брата в спектакле «Левушка Пушкин» в Пятигорском театре. Он тоже необыкновенно талантливая личность. Кстати, в Салониках я знаю одного грека, который наизусть читает «Евгения Онегина» в оригинале.

– Вы назвали Гоголя, Достоевского, Набокова. А это ведь те писатели, которым судьба уготовила тот или иной срок пребывания вне России. Быть может, это случайное совпадение в вашем восприятии, а может, и нет. Но наверняка, будучи на гастролях в разных странах, вы сталкиваетесь с тамошними переселенцами из бывшего Советского Союза и невольно сопоставляете их жизнь с перипетиями собственной семьи.

– Действительно, это для меня особый интерес. Я всегда люблю общаться с теми, кто приехал на свою историческую родину. А среди них ведь есть и те, кто уехал из России после революции, да и совсем недавние переселенцы. Когда я слушаю их истории, я поражаюсь, как всё похоже. И проблемы одни и те же – они внутренне все страдают по русской широте общения, щедрости, бесшабашности. Для меня не удивительно получать письма из Греции, но вдруг ко мне стали писать из Германии – русские немцы, из Израиля – русские евреи.

– А на каких языках вам пишут письма?

– На русском, в основном. Но бывают и на греческом. Я на греческом не могу писать, но читаю. А год назад ко мне пришло письмо от одного греческого священника из монастыря под Салониками. Он в свои сорок с лишним лет начал изучать русский, но пока стесняется на нем общаться. Письмо было по-гречески. Я понял его суть, кроме каких-то нюансов в новогреческих словах, которых я не знаю. Ему я ответил на русском, а потом уже он с чьей-то помощью стал мне тоже писать на русском. А обратился он с просьбой прислать ему книги на русском языке об истории русского православия. В письме был конкретный список примерно из тридцати книг и адрес магазина в Кремле, где я их могу купить. И когда я ему с этим помог, он мне признался, что, хотя и решил обратиться к московскому греку, на которого вышел через Интернет, но все же удивился, когда я на него так отреагировал. «Ты ведь актер. А актеры – такие звезды, которым всегда некогда». Но с ним мы пока еще не виделись. Так что мы ждем нашей встречи в мой очередной приезд в Грецию.

P.S. Быть может, не так уж случайно, что со своей просьбой священник из Греции обратился в Москву к артисту. Ведь в Греции актеры особо почитаемы, а значит – обязаны следовать своей созидательной миссии.

Надежда БОГДАНОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО БИБЛИИ

Впечатления от поездки в Израиль

Единственная из написанных за всю историю человечества книг, удостоившаяся названия «книги книг» – это Библия. Наверно потому что все остальные книжные жанры (эпопея, роман, рассказ, новелла, притча, стихотворение, мелодрама и даже детектив) вышли из Библии, ее текст насквозь пропитал всю последующую литературу цитатами и реминисценциями, как духовными, так и сюжетными.

В каждой исповедующей христианство стране Библия – компас, по которому сверяется нравственный вектор государственного развития, даже если дело иногда и ограничивается декларациями. Не будь непреложных законов, выраженных в Нагорной проповеди, история человечества была бы иной. Две тысячи лет назад усилиями Сына человеческого, уроженца земли Израиля, раз и навсегда была обозначена точка опоры, получив которую люди смогли жить, твердо ориентируясь в понятиях добра и зла, что далеко не так просто, как кажется. «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар», – известные слова Архимеда. Здесь имеется в виду физическое усилие, точки опоры для которого не существует. А для морального – пожалуйста. Руководствуясь идеями христианства, можно при желании перевернуть свой внутренний мир, насытив его добром и светом.

Израиль – музей Библии. И музей человека, давшего новое дыхание человечеству, то есть Иисуса Христа. Можно быть верующим, агностиком или атеистом, но глубинную доброту простейших заветов Христа невозможно не признавать или игнорировать. Был, объяснил, научил.

Галилея, Иудея, Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Иордан, Тиверия, Геннисарет, Капернаум, Кесария, Мертвое море, Иерихон – все названия, которыми пестрит Библия, в Израиле просто географические понятия и дорожные указатели. Уже только поэтому Израиль можно назвать самой уникальной страной на земле, а путешествие по ней – захватывающим и полным удивительных открытий.

ПОГРУЖЕНИЕ В БЫТ

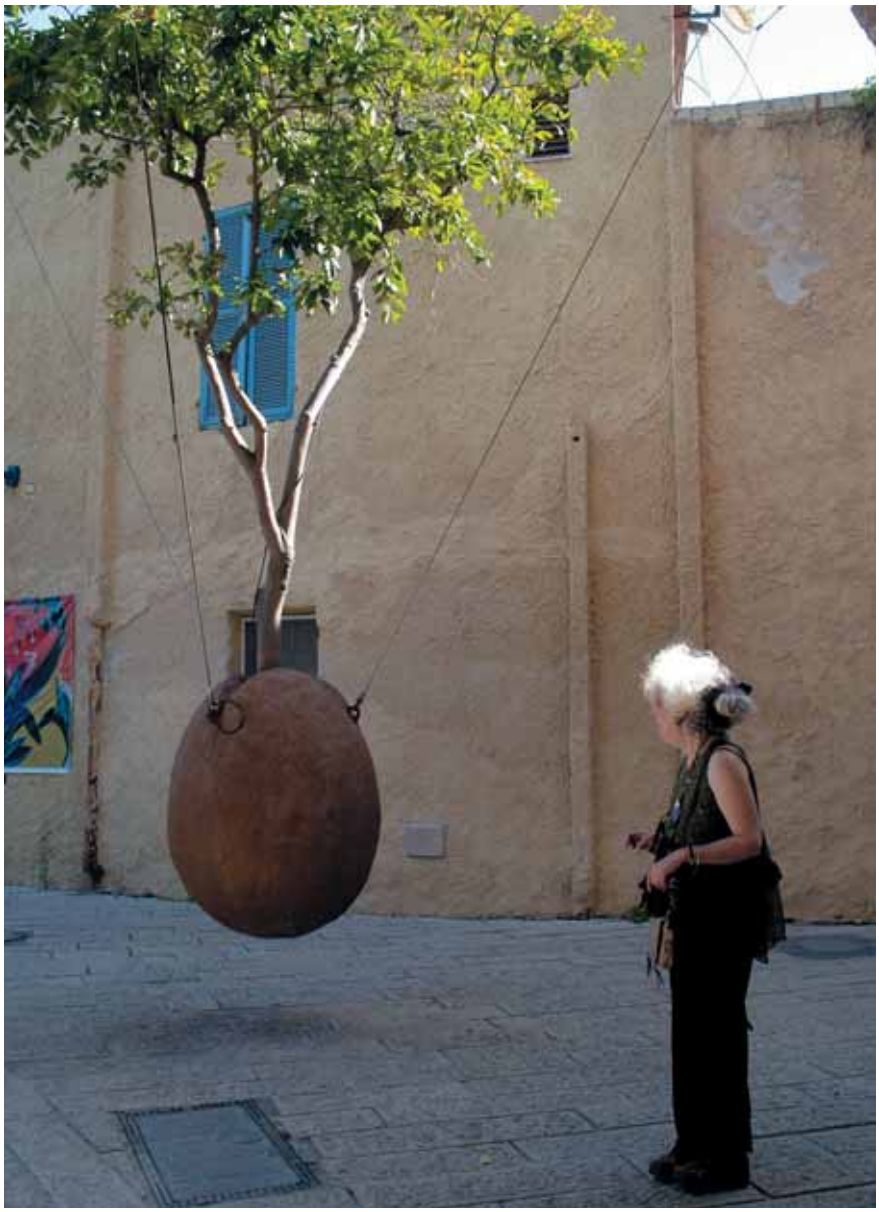
Современность существует в Израиле в тесном соседстве с древностью, и, прежде чем попасть «внутрь» Библии, вы, «спешившись» с самолета в роскошном новом аэропорту Бен-Гурион, оказываетесь в «пятьдесят первом штате» США, как иногда называют страну ее жители. Они благодарны американцам, вложившим огромные средства в строительство городов, дорог, инфраструктуры. В очень короткий срок (государство Израиль заново основано в 1948 году) пустыня на берегу Средиземного моря превратилась в цветущий оазис. В стране много филиалов американских фирм и предприятий, их сразу можно узнать по небоскребам из стекла и бетона: IBM, INTEL, MICROSOFT.

От портового Тель-Авива веером разбегаются десятка два небольших городков, получивших в сумме название Большого Тель-Авива. Это Рамат-Ган, Бат-Ям, Раанана, Герцлия, Петах-Тиква, Нетания, Кфар-Саба и т.д. Цены тут выше, чем в более отдаленных районах и те, кто живет здесь, гордятся своим адресом. В стране рыночной экономики, конечно, престижнее выглядит тот, кто «больше стоит». Дорого, даже по израильским меркам, где средняя зарплата колеблется вокруг цифры в 1000 долларов, жить и в больших городах – Иерусалиме, Хайфе, Эйлате.

Полоса суши, занимаемая Израилем, очень небольшая (20 тыс. кв. км, половина из которых пустыня), чем и пользуются туроператоры, прекрасно наладившие свой бизнес. Каждое утро на автобусном вокзале Тель-Авива собираются экскурсанты со всех концов страны: их доставляют сюда на своем транспорте представители турфирм. Сюда же путешественников привозят по вечерам, снова пересаживают на автобусы в зависимости от направления, и развозят по домам. Если есть возможность поехать в Израиль по приглашению, то это гораздо дешевле и интереснее, чем по путевке. Количество и выбор экскурсий будут зависеть только от вас, а в промежутках между ними вы насмотритесь на жизнь «олимов» (так называют выходцев из России), побродите по улицам, рынкам и магазинам. Русский язык здесь знает если не каждый встречный, то каждый третий наверняка.

Автобусная сеть прошивает страну вдоль и поперек, так что в течение дня нетрудно добраться даже из сухопутного городка к морю, покупаться и позагорать. Mediterranean Sea в этих местах очень соленое, поэтому по всему пляжу стоят души. Не ополоснешься – соль разъест кожу. Правда, подача воды из душей автоматически прекращается через минуту. В бережном отношении к пресной воде просматривается менталитет жителей пустыни, пусть даже застроенной и благоустроенной. Подогрев воды в квартирах осуществляется с помощью электровыключателя, и все это не так уж дешево стоит. В поселках воду греет солнце: на крышах расположены простые конструкции (этой идее не одна сотня лет), собирающие и преобразующие его энергию.

Главная цель, стоящая перед строителями в Израиле – уберечь дома от



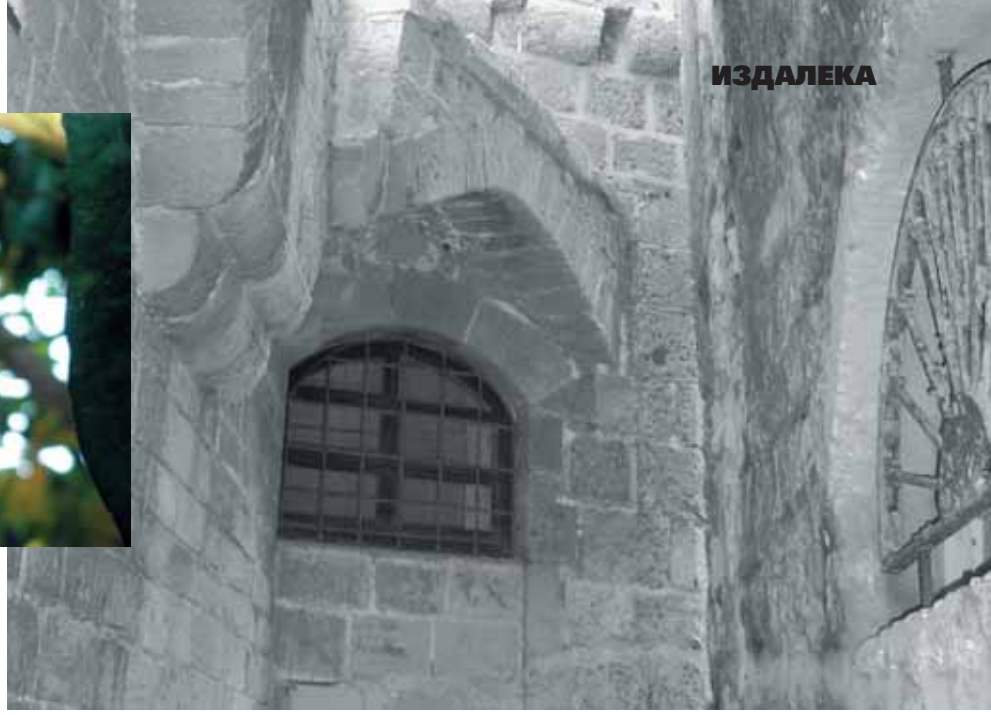
солнца. Оно здесь беспощадное и дает небольшую передышку только несколько зимних месяцев. Поэтому подъезды и квартиры выложены прохладной плиткой, стены толстые, окна небольшие, стекла часто матовые, а в рамы встроены жалюзи. Климат – на первом месте в списке жалоб олим на свою жизнь. В семье, где довелось гостить автору этих строк, сошлись три поколения – 80, 45 и 20 лет. Их отношение к стране характерно для интеллектуальной части эмиграции. Самой старшей, матери семейства, пережившей холокост, в Израиле нравится: прекрасное медицинское обслуживание, огромный выбор еды, одежды, свобода высказываний. Среднее поколение запечатлело свое годами выстраданное «фе» в кратком и точном стихотворении: «Художник нам изобразил глубокий обморок олимов, когда пейсатых пилигримов евреям русским Бог явил. Явил он также нам хамсин, иврит, Хамас и сектор Газа, и жизнь накрылась медным тазом, а обещали – золотым» (Р.Турунова).

Юная поросль совершенно адаптировалась к условиям, в которых выросла, ценит свободный, неспешный ритм жизни, комфортный сервис и с трудом понимает родителей, ностальгирующих по русскому языку, культуре и литературе. Еще несколько поколений – и население Израиля переплавится в некую новую общность, хотя большинству «русских» евреев этого совсем не хочется.

Хамсин – обжигающий ветер из пустыни. В дни, когда дует хамсин, не только трудно выходить на улицу, но и нервы у людей напряжены. Еще в древности существовал закон, запрещающий наказывать за убийство, совершенное во время хамсина: считалось, что в момент этого природного катаклизма человек за себя не отвечает. Иврит вызывает у наших русских интеллектуалов неприятие как язык «искусственный» и примитивный, далекий от арамейского, на котором написана Библия. Равно как и литература, созданная на иврите, юмор, не поднимающийся «выше пояса» и исключительно бытовые темы разговоров аборигенов: еда и деньги. Брак между русской и израильтянином считается мезальянсом. «Толстой! Булгаков! Пастернак! – с восточным темпераментом восклицают образованные русские евреи. Они здесь попросту не могли бы родиться!»

«К жаре и «трехбуквенному» языку (в нем нет даже прилагательных!) добавьте еще и террористов!» – подводят трагический итог недовольные, составляющие, как говорят, примерно десять процентов эмиграции. Молодежь примыкает к остальным девяноста, философски относящихся к климату (есть же кондиционеры!), ивриту (хочешь – читай русские книги!) и терактам (а где сейчас спокойно?).

На слух приезжего иврит замысловат, но бытовой минимум осваивается быстро, и вот уже путешественник бодро говорит, входя в один из крошечных магазинчиков, выстроившихся вдоль центральной улицы каждого городка: «Ша-



лом! Слиха, камо зе оле? То да, геверет!» (Здравствуйте! Простите, сколько это стоит? Спасибо, госпожа!) Она – геверет, он – адони. Один шекель – 6-7 рублей. То да раба – большое спасибо. Ядид – друг, едида – подруга, едидим – друзья, ахава – любовь, мишпаха – семья: чужие слова, понятия, цены быстро растворяются в сознании, присваиваются, и почему-то все это очень нравится. Нравится и то, что на улицах и во дворах растут мандариновые деревья, плоды падают в траву, и на них не обращают внимания, даже дети не рвут и не собирают. Цитрусовые – самая дешевая еда в Израиле. На рынке килограмм мандаринов или апельсинов стоит от полутора до двух шекелей. Но самое большое удовольствие сорвать в саду апельсин с ветки. Его тонкая кожица пахнет солнцем и легко отделяется от мякоти. А вкус долек, кажется, совсем не такой, как в России: ведь к нам фрукты везли на самолетах и грузовиках, в тесных ящиках. Апельсин с ветки – это сладкий, солнечный глоток свежести, его не едят, скорее пьют.

А пальмы! Их десятки сортов, они группируются в рощи и стоят отдельно, поражая величественными силуэтами. Кактусы, агавы, алоэ, целые заросли кустов и деревьев с яркими сиреневыми, карминовыми, оранжевыми, желтыми, розовыми, алыми цветами составляют часть обычного пейзажа в городе, на дорогах, в маленьких поселках. Девять из десяти деревьев – посажены людьми. Ко многим клумбам подведена дренажная система, позволяющая постоянно увлажнять корни. Интересно растут бананы. Это целые рощи вдоль дорог. Гроздья еще на ветках упакованы в синие целлофановые пакеты. Так их потом и снимают.

Хумус – самое распространенное национальное блюдо в Израиле. С ним знакомят пассажиров еще в самолете. Это необыкновенно вкусный паштет из бобовых, который готовят с разными добавками: орехами, оливками, фисташками. Первая покупка в «кошерном» израильском магазине – конечно, коробка хумуса. Потом, правда, выясняется, что съесть ее даже всей «мишпахой» трудно – очень сытное и жирное блюдо. Зато за обедом можно получить удовольствие от остроумия собеседников, то и дело бросающих что-то вроде – «хумус-сапиенс» или – «сегодня в доме Шарон покати» (Шарон – бывший премьер-министр Израиля), «курочка-ребе», «этапочки» (этап + тапочки) и т.д.

В Советском Союзе главные улицы городов неизменно называли именами Ленина и Карла Маркса; по аналогии центральные улицы в Израиле часто носят имена Вайцмана и Ротшильда. Вайцман – первый президент страны, ну а Ротшильд вложил немало миллиардов в ее процветание. Дни недели здесь не имеют других обозначений, кроме числительных: йом ришон, йом шени – то есть первый день (творения), второй, третий, и так до седьмого – это шаббат – суббота. Воскресенье – первый день недели и первый рабочий день. С вечера пятницы до позднего вечера субботы магазины не работают. Это время молитвы, семейных обедов и отдыха. Жизнь возобновляется в ночь на воскресенье. Она вообще здесь сдвинута в сторону ночного времени, так как днем жарко. Молодежь отправляется гулять часов в десять вечера – и до рассвета. Родители не беспокоятся, преступности в Израиле нет. Зато масса уличных кафе, где можно посидеть с друзьями за чашкой кофе (холодный, с взбитым мороженым!), послушать музыку. «Ани охэвет отха!» – как выдох, шелестит за столиком – «я тебя люблю». Все правильно, именно любовь проповедовал Христос… Ведь вы – в Израиле, стране Моисея и Давида, Ирода и Антипы, Тиберия и Понтия Пилата, вы листаете страницы Библии.

ГАН РАХИЛЬ

Человек, потерявший возлюбленную, посвятил ее памяти сад. Он так и называется – Ган (сад) Рахиль. Находится в стороне от туристских маршрутов, в получасе езды от курорта Герцлия на Средиземном море. Сады и парки в Израиле небольшие, так как их трудно содержать, а этот совсем маленький. Но там есть все, что нужно для печали и радости. Сложенный из камней колодец с маленьким отверстием для воды (что-

бы не пересыхал), зато в чаше над ним влага собирается в избытке. Несколько беседок защищают от солнца. И каждый метр земли плодоносит: инжир, апельсиновые деревья, разноцветье кустарников. Сад открыт, группы гостей всегда находят уединенные местечки на скамейках или на траве. Этот сад – маленький символ свободы. Упав в землю, слезы несчастного влюбленного превратились в цветы. И он просит всех разделить с ним горе утраты и радость по поводу того, что любовь не проходит. Трудно представить себе такой сад в России. Другой менталитет. Но в саду Рахили понятно становится, что именно эта земля могла родить бескорыстных, полублаженных проповедников-мессий или, в переводе на греческий, христосов, свободно и легко перемещавшихся из селения в селение под этим всегда теплым, пронзительно синим небом. Да, здесь можно не думать о пропитании, довольствуясь плодами деревьев, «диким медом и акридами», подаянием добрых людей. Важнее пищи выглядит идея всеобщего братства и объединяющей любви. Разве можно ненавидеть друг друга на этой, похожей на сад, земле?

ГАЛИЛЕЯ, ЯМ КИНЕРЕТ, ИОРДАН

Три обширных области окружают древний Яффо (теперешний Тель-Авив) – Галилея, Самария, Иудея. В покрытой лесами Галилее, неподалеку от Геннисаретского озера (оно же Тивериадское, Ям Кинерет, Галилейское море) находится Назарет (Нацерет), откуда и был родом Иешуа Га-Ноцри. Га-Ноцри – это и

означает из Назарета. «Он проповедовал… по всей Галилее» (Евангелие от Марка). Рядом с Назаретом – Магдалла. Мария Магдалина – отсюда. Все первые ученики Христа – галилеяне.

«Согласно его поэтическому представлению обо всей природе, вселенная проникнута единым духом: дух человека – дух Божий. Он и его Отец – одно и то же. Отец – это он сам. Он живет в своих учениках; он всюду с ними; он и его ученики составляют нечто единое, целое, подобно тому, как и он со своим Отцом. Идея для него – все, тело, отличающее одних от других, – ничто» (Э.Ренан, Жизнь Иисуса). В древности, говорят, климат в Галилее был мягче. Но даже сейчас в Кинерете можно купаться в декабре, и все вокруг цветет круглый год. Вода в озере гладкая, как стекло. Это здесь юноша из Назарета ходил по воде яко посуху. Возможно. Он был романтиком, мечтателем, и этим все сказано.

Место впадения реки Иордан в Кинерет – традиционное для крещения в священных водах. В память об Иоанне Крестителе, ставшем крестным молодого Иисуса. Зеленая-зеленая вода в Иордане. Он неширокий, в воду свисают ветви ив. Надписи минимум на десяти языках объясняют, в чем святость этого места. Для удобства священников каменная кафедра погружена прямо в воды Иордана. Вокруг нее клубятся рои рыб. Первыми последователями Га-Ноцри были рыбаки, а рыба – первым символом христианства, потом ее заменил крест.

ГОРА ФАВОР И ХРАМ ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ

Если бы Земля могла надуть щеки и выдохнуть, у нее получилось бы нечто вроде горы Фавор, вздувшейся зеленым пузырем на гладкой лужице равнины. Очень странная гора, ни с какой другой не спутаешь. Ее еще можно сравнить с половинкой яблока, лежащей на плоском блюде. Кто-то говорит, что она похожа на стог сена. Кто-то вспоминает грудь женщины. На гору Иисус поднимался много раз, последний – незадолго перед смертью. Здесь, по преданию, он беседовал с пророками Моисеем и Илией, и лицо его преобразилось от радости. Поэтому в православном храме, возведенном на горе Фавор, отмечают в августе праздник Преображения Господня.

Неподалеку, на берегу Кинерета – Храм Двенадцати Апостолов: белый, с розовыми куполами. На фоне голубого озера и пышной зелени он выглядит ладной игрушечкой. Говорят, храм стоит на месте Вифсаиды, деревни, где был дом братьев-рыбаков Андрея и Симона (Иисус дал ему имя Петр, что означает «камень») – первых его последователей. Это из них он хотел сделать «ловцов человеков».

Стоя на каменистом берегу озера невозможно не вспомнить песню раннего «Наутилуса»: «С причала рыбачил апостол Андрей, а Спаситель ходил по воде, и Андрей доставал из воды пескарей, а Спаситель погибших людей. И Андрей закричал: я покину причал, если ты мне откроешь секрет, и Спаситель ответил: спокойно, Андрей! Никакого секрета здесь нет. Видишь – там, на горе, возвышается крест, под ним десяток солдат, повиси-ка на нем… А когда надоест, возвращайся назад, гулять по воде, гулять по воде со мной…»

Содержит Храм, сад и птиц (здесь разводят павлинов) греческий священник Иринарх. Все, кто общался с ним, отмечают его удивительную приветливость. Иринарх – красивый, открытый человек средних лет. Он рассказал, что когда-то в мирской жизни был диджеем. Желания возвратиться в прошлое у него нет. «Разве хочется перейти из света в тьму?» – вопрошает он. Иринарх добр и спокоен. Кажется, он знает нечто, за стенами Храма не ведомое никому. «Бог стучится в дверь каждого человека, – говорит Иринарх, загадочно улыбаясь, – но он тактичный, сам в дверь не войдет. Однако он всегда близко и ждет, когда вы сами откроете ему». На все вопросы Иринарх дает мудрые ответы; насчет любви он поведал, что «надо продолжать любить независимо от того, любят вас или нет».

ИЕРУСАЛИМ

Дорога из Тель-Авива в Иерусалим выверена до километра – их 63. Она проходит по высохшему устью древней реки Аялон. Когда-то по ней переплавляли бревна для строительства храма царя Соломона. В Иерусалиме 700 тысяч жи-

телей. Для сравнения – в Тель-Авиве два миллиона, а всего в Израиле – 7 миллионов, из которых примерно миллион – арабы, и столько же олимов. Ерушалаим (Иевус при царе Давиде) в переводе означает «город согласия». Это не только столица Израиля, где находятся Кнессет (парламент) и Верховный суд, но, что еще важнее – мировая столица трех религий: иудейской, христианской и мусульманской. В Иерусалиме живет большинство ортодоксальных евреев, без устали обсуждающих значение малейших деталей Торы и Талмуда. Насчитывается 165 ортодоксальных хасидских течений. Их последователи разнятся одеждой, ее цветом, формой шляп, кипами (круглые шапочки на головах). Например, один из спорных вопросов – кого вообще можно считать евреем, а кого – нет. Ортодоксы постоянно «ловят» евреев на том, что они живут не по заповедям. Ведь Израиль – страна, в которой нет Конституции, только свод законов о правах человека. Некоторые законы, как говорят жители, романтически воспринимающие правовую сторону жизни страны, существуют «по прецеденту» из Библии. Изменение их – неслыханное дело, оно требует сложной процедуры.

Христос бывал в Иерусалиме много раз, но не любил его. И его не любили во Втором храме, где тон задавали «книжники и фарисеи»: они-то и кричали больше всех «Распни его!», когда за свои проповеди Иисус был арестован.

Первый храм царь Соломон построил в 960 году до н.э. Строительство второго завершилось в 517 году до н.э. Расцвета Второй храм достиг во времена правления царя Ирода – между 37 и 4 годами до н.э. От храма сохранилась только западная стена, именуемая сегодня Стеной Плача, она является иудейской святыней. Уже 20 столетий у стены собираются иудеи, чтобы молиться и скорбеть. Храм не может быть воссоздан, пока, по преданию, не придет Мессия.

Стена Плача совсем небольшая, 156 м в длину. С помощью ограждения делится на мужскую и женскую половины. Сложена она из каменных монолитов, в щели между которыми принято засовывать записки с покаянием и просьбами к Богу. Раз в месяц записки вытаскивают и хоронят на Масличной горе. Оказавшись у Стены Плача, записки пишут все, даже атеисты. Щели так забиты ими, что пристроить еще одну трудно. Часть бумажек остается просто лежать на выступах. Но дело не в этом: ведь для общения с Всевышним достаточно просто заглянуть в себя. Записка дает возможность сконцентрироваться и в считанные минуты безошибочно определить, что для тебя главное в жизни. И если даже до этой минуты ты думал, что это одно, то здесь, в «момент истины», рука поневоле выведет правду, подчас неожиданную для самого себя.

Первый взгляд на панораму Иерусалима обычно бросают с вершины Масличной горы, или с горы Скопус, где находится Еврейский университет. Отсюда же делаются первые снимки. Да, все как в песне – «под небом голубым есть город золотой, с прозрачными воротами и яркою звездой». Он раскинулся по холмам, причем дома взбегают террасами только на вершины, в долинах строительство запрещено.

Если в остальных местах Израиля, в принципе, можно побывать один раз, то к Иерусалиму это не относится. Существуют Иерусалим христианский, иудейский, мусульманский, подземный, русский и т.д. Даже Иерусалим М.Булгакова: туристов проводят по местам действия романа «Мастер и Маргарита». Все за один день осмотреть невозможно.

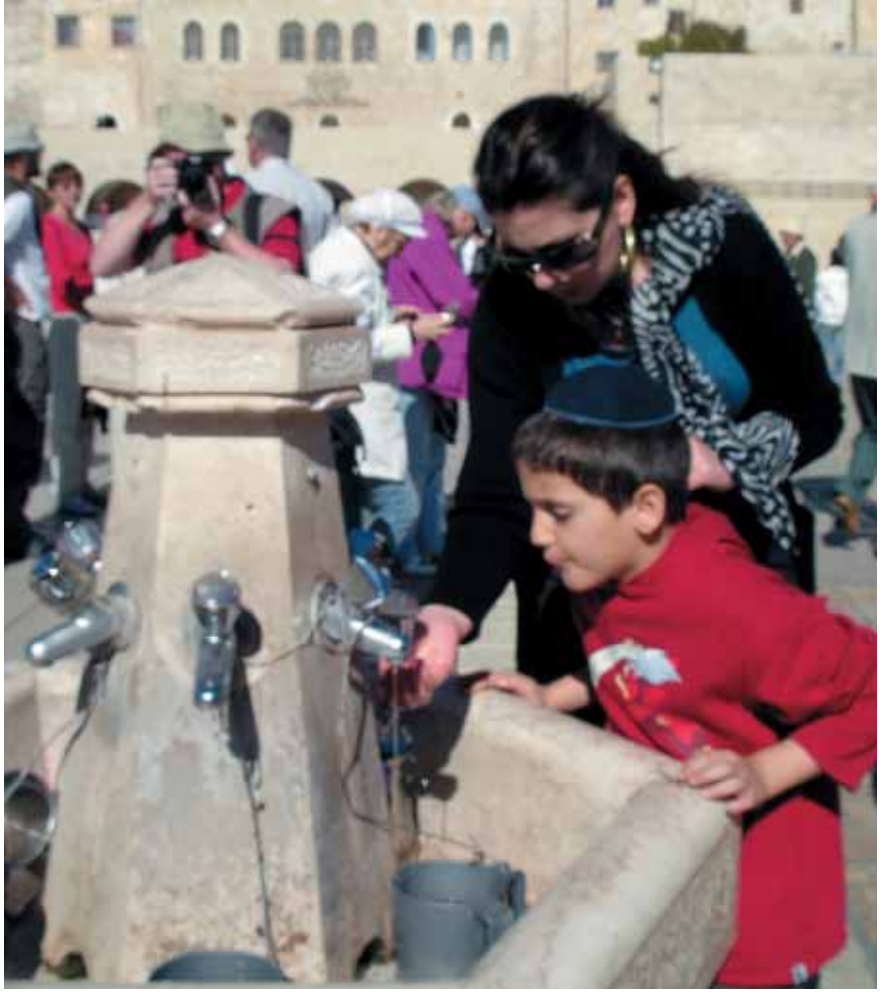
Но в любом случае нельзя миновать Храм Гроба Господня с камнем Помазания (на нем Иисуса приготовляли к погребению после снятия с креста) и Голгофой, Храмовую гору с мечетью Аль-Акса – мусульманской святыней. Относительно местонахождения Голгофы нет единого мнения, но на погружение в атмосферу трехтысячелетней древности (столько лет городу) это никак не влияет. Видеть камни, по которым скользил взгляд Христа и его учеников – само по себе визуальное откровение. Каждый его шаг по страницам Библии отмечен здесь: Гефсиманский сад, Масличная гора, виа Долороза, по которой он шел, неся на себе крест…

МЕРТВОЕ МОРЕ, ИЕРИХОН

Как и на берегах Галилейского озера, у Мертвого моря, в пустыне и на скалах вокруг него развернулась почти вся евангельская история. Лежит оно на 400 метров ниже уровня моря и является самой низкой точкой суши. Дно мира – так называют это место. Летом температура здесь достигает 70 градусов. На берег Мертвого моря автобус из Иерусалима не въезжает, а буквально скатывается, настолько стремителен спуск. 39 километров безостановочного полета вниз. Мелькают только желто-серые горы пустыни и, очень редко, нищие поселки бедуинов. Жизнь их обитателей трудна и опасна, но свою свободу они не променяют ни на что. Весь скарб умещается на спине верблюда, зато про тех, у кого его много, бедуины говорят – «не вы владеете имуществом, а оно вами».

Наполните стакан солью, разбавьте его немного водой – вот вам и Мертвое море. В нем нет ничего живого, дно усеяно круглыми камешками спрессовавшейся соли, даже рыжий песок на берегу пропитан солью. Купаться там не слишком приятно, так как вода выталкивает. Кроме того, соль впивается в кожу тысячами острых иголок. Хорошо, что в десяти метрах комфортный израильский душ с пресной водой. Тут же бассейн, куда быстро устремляются из отелей отдыхающие, Мертвое море переносящие только как лечебную процедуру.

Остаются в памяти здешние необыкновенно величественные скалы: Кумран (тут найдены знаменитые кумранские свитки), Массада. В этих горах бродил



Иоанн Креститель, сюда уходил поститься на сорок дней Иисус Христос. Крепость на вершине Массады две тысячи лет назад осаждали римские легионы. Ее защитники держались несколько лет, но, окруженные со всех сторон, решили умереть непобежденными. Они избрали десять самых стойких воинов, которые помогли уйти из жизни всем остальным. Потом оставшиеся умертвили самих себя. Войдя в крепость, враги нашли только гору трупов. Запасы пищи и воды были целы: этим защитники крепости хотели сказать, что уходят из жизни добровольно, только потому, что не хотят оказаться в плену. Сегодня Массада – символ стойкости Израиля, здесь принимают присягу воины. Иерихон, самый старый город на земле, насчитывающий 8 или 10 тысячелетий, остается слева от иерусалимской дороги, упирающейся в Мертвое море. Здесь отрыта мощная башня эпохи неолита. Иешуа Га-Ноцри бывал здесь несколько раз, исцелил двух слепых. Но более всего Иерихон (Лунный город, от слова «яреах» – «луна»; здесь был культ Луны) знаменит тем, что, по библейской легенде, его стены рухнули от звуков труб завоевателей. Раскопки подтвердили, что это чистая правда: в стенах, окружающих город, было просверлено множество круглых отверстий. Крики и громкие звуки труб, резонируя с ними, привели к разрушению.

ЯФФО И ПИШ-ПИШИМ

Яффо – самая старая часть Тель-Авива и древнейший город мира. Именно здесь Ной построил свой ковчег, а Персей освободил Авраама. Основал город младший сын Ноя Яфет. Раскопки подтверждают существование города, по меньшей мере, с 2000 года до н.э. При Соломоне Яффо был одним из главных портов Израиля. Отсюда началось возвращение евреев в Израиль.

Яффо – это узкие улицы, каменные лестницы, старинные двери, ни одна из которых не похожа на другую, галереи художников, салоны, музеи, ресторанчики. Можно спорить, сколько лет той или иной каменной кладке, но бесспорен изумительный вид из бойниц, со стен, из окон Яффо, открывающийся на синее-синее Средиземное море, спорящее лазурным цветом с яркостью неба. Вот уж точно – так было и при Ное. Фотографировать в Яффо хочется каждый сантиметр и каждый вид, открывающийся из-за угла. Даже кошки выглядят здесь носительницами древности и мудрости. В Израиле, кстати, нет бездомных собак, а вот уличных кошек бесчисленное множество. Судя по всему, им хорошо живется. Всегда тепло и сытно: горожане охотно подкармливают этих любительниц свободы.

В галереях Яффо продается множество картин, керамики, поделок из дерева, железа, тканей, шерсти. Стоит все это достаточно дорого. Может быть, в утешение туристам, которые не смогли полностью удовлетворить в галереях Яффо «сувенирный голод», рядом существует арабский пиш-пишим – «блошиный рынок». Там прямо на землю вывалены латунные, серебряные, медные изделия, бывшие в употреблении, но оттого еще более притягательные. Кажется, что эту восточной формы вазочку, или этот набор для приготовления кофе держал в руках если не сам Яфет, то по крайней мере его потомок. И просят арабы за весь свой «пиш-пишим» всего по несколько шекелей.

Прогулка по Яффо сама собой заканчивается в одном из местных ресторанчиков, где можно попробовать рыбу и чай с наной (вид мяты), хорошо утоляющий жажду. Отсюда рукой подать до знаменитой набережной Тель-Авива, растянувшейся на многие километры: в резко наступившей темноте она уже сияет россыпью огней…

Исчерпать Израиль невозможно, так же как и Библию. Мы наблюдаем здесь истоки зарождения человечества, обретение им себя на пути отказа от низменного, и устремления к свету нравственности. Как в Ган Рахиль… Любовь вечная, любовь для всех.

Фото автора

Лариса МУСАЕВА

Пасха
в Гонконге

В Гонконге проживают несколько десятков русских семей. Будучи оторванными от дома и привычной жизни, они стараются не раствориться во множестве культур, представленных в этом «сердце» Азии, но сохранить свою самобытность.

В большинстве русских семей традиционно хранительницами обычаев и культурного наследия являются женщины. Даже состоя в интернациональном браке, русская мать старается научить своих детей родному языку, привить любовь к нашей древней культуре и ее традициям. На острове Лантау в Гонконге несколько таких семей решили сделать праздник Пасхи, один из самых любимых православных праздников,запоминающимся для детей. Они придумали собираться в этот день и играть в игру под названием «Охота за пасхальными яйцами». В раскраске яиц принимают участие и дети. Яйца укладываются в корзинки и оставляются у дверей. Ночью родители прячут их,чтоб затем передать тому, кто будет их раскладывать в выбранном для игры месте.

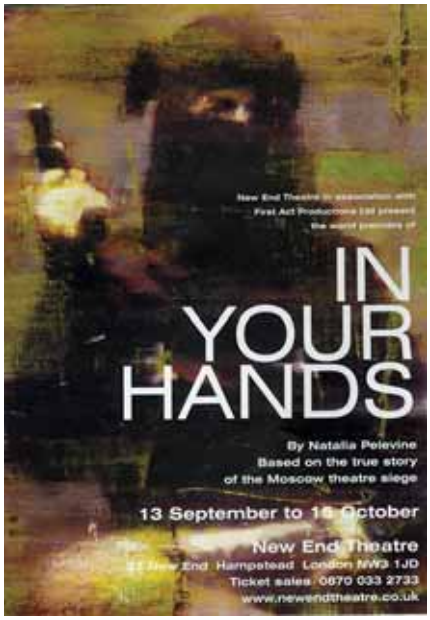
Ранним пасхальным утром на выбранной заранее поляне в одном из парков прячут вынесенные под большим секретом пасхальные яйца. В назначенный час там собираются все участники праздника, и игра начинается. С каким удовольствием дети бегают по поляне в поисках «добычи»! Принять участие в игре приглашаются и дети других национальностей и религий. Они делают это с неменьшим энтузиазмом. Побеждает, конечно, тот, кто найдет больше яиц.

После чествования победителя все поздравляют друг друга со Светлым Христовым Воскресением и обмениваются пасхальными яйцами. А потом все возвращаются домой, гордо неся свою «добычу». И будут с нетерпением ждать следующей Пасхи, чтобы опять принять участие в этом веселом, незабываемом действе.

Ирина РЕЗНИКОВА

Дубровка в Лондоне

В бывшем здании морга на New End street раздаются выстрелы и гаснет свет, английская старушка в седьмом ряду закрывает лицо черной кожаной сумочкой...



В бывшем здании морга на New End street раздаются выстрелы и гаснет свет, английская старушка в седьмом ряду закрывает лицо черной кожаной сумочкой. Дальше все по сценарию: чеченские террористы ругаются, выводят гражданина США из зала, остальные актеры плачут, шепчут, передают воду и открывают душу, не вставая с мест, окруженные обычными зрителями, купившими билеты на спектакль.

В прошлом веке здесь лежало тело Карла Маркса, а теперь – английские актеры лежат, поверженные внезапно, с дымом и гамом ворвавшимися омоновцами. Разыгрывается последняя сцена – штурм театра на Дубровке в 2002 году. Наталья Пелевайн, русская фамилия – Пелевина, актриса и молодой сценарист, ждет снаружи. На афишах театра – фотографии с московского «Норд– Оста», кое-какие вырезки из газет, критика и новое сообщение – убийство Анны Политковской, подруги Натальи. Вместе с Натальей ее младшая сестра и мама.

– Расскажите, как появилась идея написать о «Норд-Осте»?

– Я жила в Лос-Анжелесе и приехала навестить своих в Лондон. У нас был полный дом народу, родственники из Москвы, я не спала три дня, мы все смотрели прямое включение из Москвы. И меня очень глубоко потряс тот ужас: люди пошли посмотреть спектакль и сами стали спектаклем для всего мира. Сценарий я писала долго, надо было много изучить материалов. А писать я стала сразу из-за эмоций, мне нужно было во что-то их вылить. Я начала писать сразу о двух женщинах, о женщине-террористке и женщине-заложнице. Потому что поразило меня сильно: половина террористов, захвативших Норд-Ост, были женщины, а по Корану женщине не разрешалось участвовать в таких акциях нигде в мире. Первая шахидка взорвала себя в Палестине тоже в 2002 году на несколько месяцев раньше. Это был первый случай, который потряс весь мир и привлек такое внимание мировой прессы. С тех пор это стало повторяться, женщин стали использовать все чаще и чаще. В Штатах я встретилась с одним хорошим российским режиссером и писателем Владимиром Олейниковым (автор фильма «Невероятные приключения Петрова и Васечкина»). Он прочитал и позвонил: «Срочно встречаемся, что-то надо делать!» В тот момент мы решили ставить спектакль в России. Поехали в Москву. Я обошла ряд театров. И меня встречали так: «Ну что вы как дети малые...» Вернулась в Лондон, Володя с проектом расстался. И решила: буду делать одна. Сама нашла режиссера и театр подходящий. Через год нашла команду для постановки.

– Много англичан посмотрело ваш спектакль?

– Англичане ходят на спектакль то лучше, то хуже. Мне кажется, что эта вещь написана больше для всегда небольшой прослойки интеллектуальных людей, которым интересны подобного рода истории: там и политика, и религия, много компонентов смешано. Для массового зрителя больше интересен экшн. Они надеются, что будет много стрельбы, и люди в масках будут толкать тебя в бок. Для кого-то это как аттракцион. Отзывы о спектакле очень хорошие. Я просто обычную газету открыла, там есть отдел, где люди пишут, что им понравилось, что не понравилось, и увидела большую фотографию нашего спектакля, и кто-то из Wilsdon Green сказал, что было очень страшно, что он чувствовал себя заложником, что он был под впечатлением... А вот критики отзываются, как всегда, по-разному. Кто-то писал о том, какой хороший прием «театр в театре», The Guardian вообще меня назвал эксплуататором семей заложников, после чего семьи заложников написали письмо с объяснениями и отправили туда... К семьям погибших я обратилась сама, потому что посчитала, что перед тем, как ставить спектакль, я обязана попросить у них

разрешения. Три семьи приезжали на премьеру. В спектакле их шокировал реализм. У нас актеры сидят прямо в зале и играют там же. Есть и перестрелки, с дымом... Без туалета в оркестровой яме, хотя это было бы интересно. Идея такого реализма у меня была в сценарии. Я всегда предполагала, что это будет интерактив. А что касается заложников, то у нас очень хорошие отношения. Мы с ними почти каждый день общаемся по телефону. Для этих людей важно, чтобы о них не забывали. Тем более, дана большая огласка, вышли статьи в Sunday Times, Daily Express. Мы давали интервью в телепередаче Muse Night. Театр всегда должен – я так считаю – выступать в роли миротворческой. Потому что у творческих людей есть возможность как-то влиять на окружающих людей. Можно получить очень хороший результат. Я считаю, что я сделала сильную вещь.

– Как складывалась карьера?

– Мама у меня родилась в Одессе, по маме мы Понятовские. Прадед, Сергей Пелевин, был достаточно известный владелец фабрик. Капиталист! Он бежал в 1918 году, а его беременная жена ехать с ним не могла. Она осталась в России и вышла замуж, после чего дала семье фамилию Студенов. А сейчас я решила, что надо ее сменить. Я родилась в Москве и до 12 лет вообще себя плохо помню. Мама у меня работала в редакции, папа – в Министерстве морского флота. После того, как родилась младшая сестра, папа подписал контракт, и мы уехали. Российская коммуна в Лондоне была очень закрытая. Но 1991 год нагрянул, Советский Союз развалился, и начались большие перемены. Одна из главных свобод была в том, что детям разрешили учиться в любых школах. Мои родители отправили меня в международную школу, частную, там учились дети из разных стран: Кореи, Гонконга, Америки, Канады, а я, в свою очередь, была первой из России. Меня воспринимали как инопланетянку. Со мной никто не общался, или собирались и тыкали пальцем, как будто я была экзотическим животным. Когда я закончила школу, то не знала, чем хочу заниматься. Я решила учиться на искусствоведческом, но сначала пошла в колледж на fashion. Причем fashion marketing, поскольку рисовать вообще не умею. Это было жутко скучно, я продержалась там полгода и ушла. Говорят, если начал что-то, то надо довести до конца. А я – нет, если не нравится, то ухожу. Начала учиться на искусствоведческом, параллельно стали брать в театральные постановки, в какие-то фильмы на маленькие роли. Поскольку у меня не было актерского образования, по вечерам училась в актерской школе LAMDA. Параллельно с учебой работала в разных

театрах. Поскольку репертуарных театров здесь нет, под каждый проект набирается команда, проект идет шесть-восемь недель, а потом команда распадается. Актеры здесь очень талантливые ребята, отношение к работе очень профессиональное, то есть никто не опаздывает, внезапно никуда не уезжает. Здесь очень много значит актерский профсоюз. Он не дает работу, но отвечает за медицинскую страховку, разбирается в конфликтных вопросах с работодателем, и всегда на стороне актера. В Англии, по большому счету, актерской работы намного меньше, чем, скажем, в Америке, в силу того, что здесь меньше снимается кино и меньше телевидения. Вообще актеру редко удается работать постоянно, даже очень успешным приходится ждать роли по два года, и это часть актерской профессии. В процессе простоя люди начинают заниматься чем-то еще. Я, например, стала писать. Это началось довольно давно. Садилась и свои эмоции – раз, на страницу. Получалось в формате короткого рассказа. Поскольку этот сценарий написан о терроризме, мне не давала покоя мысль, что с ним надо что-то делать. Тема очень живая, эти постоянные угрозы взрыва с невозможностью пронести бутылку воды в самолет. Ждать нет времени. Если будет продолжаться эскалация насилия между мусульманами и немусульманами, через 50 лет ни вас, ни меня, ни этих уже не будет. У меня в сценарии просвечивает, что они начинают друг друга понимать. Пытаются понять. Мучаясь от мысли, что сделали, как оказались здесь. Русская женщина задумывается: «Я, наверно, сделала что-то не так (имея в виду – мы, наше общество). У меня нормальная рутинная жизнь: встала, покормила ребенка, пошла на работу, отправила емейл...» И мучается от того, что она здесь оказалась и не знает, чем все закончится, и надежда, что нас спасут, не бросят, и в то же время ощущение, что никто не рвется никого спасать... Вот это главное. Я показываю сбалансированный взгляд, у меня нет «плохих» и «хороших». У меня есть люди, без ярлыков, без лейблов, без стереотипов, которые как раз нас в эту пропасть-то и тянут. Эгоизм, эгоизм, но я понимаю, что человек так устроен и полностью отказаться от него нет возможности. Между тем, такой подход: я живу, мне нормально, все остальное меня не волнует – это уже гнилое общество, как один из тех, кто был на Дубровке, сказал: «Синдром газели – нас не съели, пасемся дальше»

Лондон

P.S. В данный момент Наталья пишет сценарий к художественному фильму о Норд-Осте и Анне Политковской, параллельно консультирует документальный фильм о Норд-Осте и много появляется в политических программах в Англии и арабских странах.

Анастасия ЕФРЕМОВА

Русская песня

Первый конкурс русской песни в исполнении соотечественников, живущих в Великобритании

В воскресенье, 29 апреля 2007 года, в Лондоне прошел первый конкурс русской песни в исполнении соотечественников, живущих в Великобритании. «Русская культура ценится и уважаема в мире. Много замечательных российских музыкантов живет и творит, в том числе в Англии, способствуя сохранению и оптимизации интереса со стороны англичан к русской музыке. Трепетностью и глубиной чувства наполнены строки, связанные с образом России. Юное поколение русских эмигрантов, вскормленных на западной современной музыке, к сожалению, забывает не только русский язык, но и музыкальные истоки России, – говорит Евгения Терентьева, пианистка, певица и основатель Музыкальной Академии «Музыка Нова» в Лондоне. – В связи с этим мы и проводили наш первый Фестиваль-конкурс русской песни российских соотечественников в Великобритании. Конкурс также является официальным отборочным туром в делегацию для участия в «Первом Международном Фестивале русской песни российских соотечественников» в Москве с 18 по 23 июля 2007 года. Международный фестиваль проводится Международным советом российских соотечественников и Правительством Москвы при поддержке Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, МИДа России, Министерства культуры РФ. Проект не имеет аналогов и обращен к русской диаспоре с целью выявить творческий потенциал талантливых соотечественников, живущих за рубежом. В Фестивале примут участие 500 конкурсантов из 50 стран мира! Проект предоставляет возможность участникам проявить себя, поверить в собственные силы, а также встретиться с известными музыкантами, деятелями культуры России».

Фестиваль-конкурс был открыт для детей от 11 лет и взрослых, профессионалов и непрофессионалов, певцов, композиторов и исполнителей. Жанры, по которым можно было принять участие в конкурсе: бардовская (авторская) песня, народная песня, романс, популярная песня (поп, рок и другие). Отбор в финал новых исполнителей велся членами официального жюри на основе демонстрационной записи (видео или аудио). В жюри конкурса – именитые музыканты, в том числе: Наталья Мордкович – Заслуженная Артистка России, певица и актриса, Джуллиан Галлант – музыкант, дирижер, директор Пушкинского Дома (судил в жанрах фольклор и бардовская песня), Игорь Селютин – известный русский гитарист и продюссер, Александр Титов – знаменитый басист группы «Аквариум», «Кино», «Акула», Евгения Терентьева – ла-

Наталья Мордкович, Юлия Федорик, Евгения Терентьева

Наталья Мордкович и Диана Спенсер

уреат международных конкурсов, пианистка и певица.

На открытии финала прозвучало приветствие гостя Фестиваля – князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, Почетного Председателя Русскоязычной Общины Британии, зам. председателя Президиума Международного Совета Российских Соотечественников.

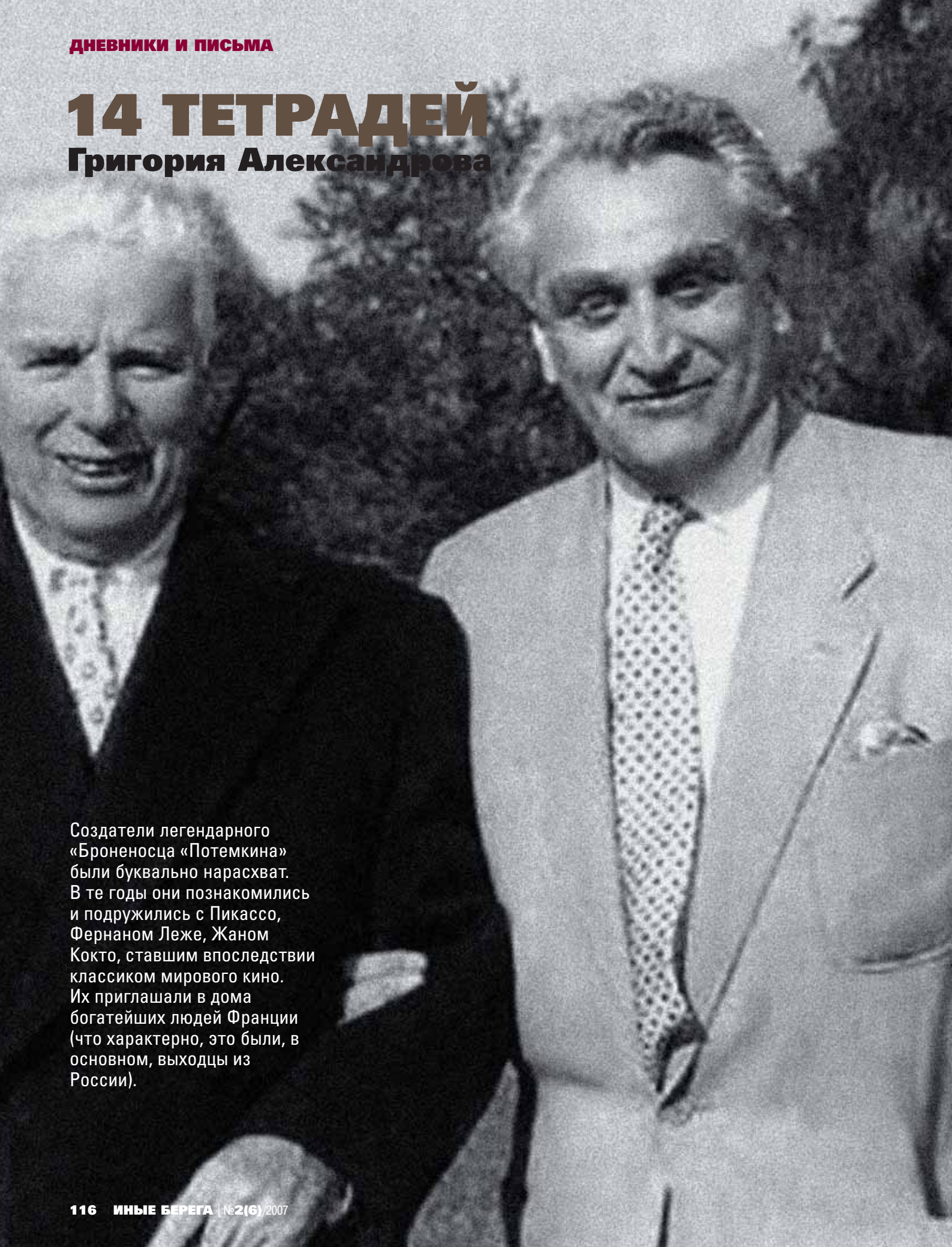
Конкурс проходил в теплой обстановке, в небольшом, но богатом историей старинном зале Ассоциации концертных исполнителей Великобритании, в Ковент Гардене. Два часа звучали любимые русские песни в исполнении финалистов конкурса – детей и взрослых. По окончании конкурса перед зрителями выступили профессионалы. Евгения Терентьева спела два великолепных романса «Калитка» и «Все стало вокруг голубым и зеленым», заслуженная актриса России Наталья Мордкович прочла стихи Марины Цветаевой и также исполнила романс.

Пока члены жюри подводили итоги, публику радовал прекрасными русскими песнями, спетыми от души, известный музыкант, один из конкурсантов в профессиональной категории – Юрий Веревкин. Победители конкурса получили памятные медали и дипломы от организаторов конкурса – «Евролог-UK».

Англо-Русская Музыкальная Академия «Музыка Нова» выражает особую благодарность заслуженной артистке России Наталии Мордкович, актрисе московского театра «Эрмитаж» за проведение 28 апреля мастер-классов со студентами Академии. Ученица Натальи Юлия Федорик заняла первое место.

Прямо с четвертого курса Гнесинской музыкальной академии Н.Мордкович была приглашена в Московский театр миниатюр (ныне «Эрмитаж»), в труппе которого состоит до сих пор. И не просто состоит, но играет. Однажды, в 1991 году на спектакль пришел Александр Левич – главный редактор программы «Глядя из Лондона» на Би-Би-Си. Пришел, влюбился, сделал предложение и увез Наташу в Лондон. С тех пор, кроме родных подмостков «Эрмитажа», она выступает на сценах Лондона, Берлина, Потсдама. Преподает, выпускает песенные альбомы, обрела множество поклонников, в том числе Диану Спенсер, с которой они познакомились на концерте в Российском посольстве в Лондоне. «Я много играла королев и принцесс, – сказала Наталья, – но никогда не видела живую принцессу. Она (Диана) сжала мне руку и ответила: «Вот я – живая». Это было за полгода до ее трагической гибели».

14 ТЕТРАДЕЙ
Григория Александрова



Создатели легендарного «Броненосца «Потемкина» были буквально нарасхват. В те годы они познакомились и подружились с Пикассо, Фернаном Леже, Жаном Кокто, ставшим впоследствии классиком мирового кино. Их приглашали в дома богатейших людей Франции (что характерно, это были, в основном, выходцы из России).

Если бы моему деду, Григорию Васильевичу Александрову, в 1925 году во время съемок всемирно известного «Броненосца «Потемкина» сказали, что 1930 год он будет встречать в Париже в обществе прелестных дам и богатейших людей Франции, он вряд ли поверил бы. Настолько призрачным и сказочным казалось это в те далекие годы.

А предыстория зарубежной поездки режиссера Сергея Эйзенштейна, кинооператора Эдуарда Тиссэ и Григория Александрова началась с приезда в Москву голливудских звезд немого кино Дугласа Фербенкса и его красавицы жены Мэри Пикфорд. Чем мотивировался их вояж в Советскую Россию, мы сегодня можем только догадываться. Но в результате они, как совладельцы кинокомпании «Юнайтед артист» (вместе с Чарли Чаплиным и Дэвидом Гриффитом) пригласили уже известных к тому времени советских кинематографистов приехать в Америку поработать. Как для тех, так и для других этот вояж сулил немалый профит. Для русских – это была реальная возможность научиться звуковому кино, для американцев фамилия Эйзенштейна в титрах и на афишах гарантировала определенную выгоду. Но, как говорится, скоро сказка сказывается…

За три года, пока шли бесконечные переговоры, было снято еще два эпохальных фильма – «Октябрь» и «Старое и новое». Только к лету 1929 года всем троим удалось, наконец, попасть в Европу.

Мой дед в течение более чем трехлетнего путешествия на Запад вел дневники, и к концу поездки им было исписано 14 тетрадей, которые представляют уникальное в своем роде повествование об их странствиях по Европе, Америке и Мексике. Уникальное – потому что об этом периоде (1929 – 1932) их жизни, практически, ничего не известно.

23 августа 1929 года дед записал свои первые наблюдения: «Вот уже третий день мы находимся в Берлине и впечатлений столько, что при других обстоятельствах их можно было получить за много лет. Жизнь здесь совсем другая, на нашу не похожа. Но, чтобы сказать хорошая – не могу. Шикарно, красиво, светло…

Почти на каждом парадном подъезде вывеска с надписью: «Вход только для господ». Отношение к беднякам вежливое, но сволочное до крайности…

На улицах все чрезвычайно просто».

Берлинская жизнь Григория Александрова ознаменовалась одним любопытным событием. Осенью 1929 года в Берлине находился Джозеф Штеренберг – известный американский кинорежиссер, автор нашумевших в то время фильмов «Трущобы» и «Доки Нью-Йорка». Собираясь снимать в Германии первый немецкий звуковой фильм «Голубой ангел» (по роману Генриха Манна «Учитель Унрат»), он искал актеров. Роль главного героя должен был сыграть Эмиль Яннингс. А вот с актрисой на главную женскую роль была проблема. Штеренберг, подружившись с Эйзенштейном и Александровым, однажды пригласил их провести с ним вечер в кабаре. Во время представления американскому режиссеру приглянулась девица, которая неплохо танцевала и пела каким-то особенным низким голосом. Когда представление закончилось, Штеренберг попросил моего деда пойти за кулисы и, используя свою молодость и обаяние, пригласить девушку к ним за столик.

В 1930 году на экраны мира вышел «Голубой ангел» с Марлен Дитрих в главной роли. Дед и Марлен уже в Голливуде часто встречались и со смехом вспоминали свою первую встречу…

Как я уже сказал, у Александрова, Эйзенштейна и Тиссэ была цель: изучить западное кинопроизводство вообще и технику звукового кино в частности.

Первоначально они собирались приступить к работе со звуком в Америке, но, как говорится, жизнь внесла в их планы свои коррективы.

Нельзя не согласиться с Хемингуэем, который назвал Париж праздником, который всегда с тобой. Сам я, прожив в этом городе более 15 лет, убеждался в этом не раз. Если Берлин в конце 20-х годов скорее был «европейским бизнес-центром», то Париж походил на центр богемной жизни. Артисты и музыканты, поэты, писатели, художники со всего мира съезжались в этот удивительный город.

В Европе Александров, Эйзенштейн и Тиссэ оказались очень популярны. О них чуть ли не каждый день писали в газетах. Создатели легендарного «Броненосца «Потемкина» были буквально нарасхват. В те годы они познакомились и подружились с Пикассо, Фернаном Леже, Жаном Кокто, ставшим впоследствии классиком мирового кино. Их приглашали в дома богатейших людей Франции (что характерно, это были, в основном, выходцы из России).

Эйзенштейн был очень образованным человеком, в совершенстве знал несколько европейских языков. Его приглашали выступать с лекциями по кино, которые он читал, где только было возможно, но денег все равно хронически не хватало. Надо было платить за отель – тогда они жили на бульваре Монпарнас – да и вообще, как говорят французы, положение обязывало.

Однажды моего деда познакомили с Леонардом Михайловичем Розенталем (королем жемчуга, как его называли в Париже). Вскоре миллионер пригласил деда в гости. В его доме дед познакомился с Марой Владимировной Гри. Она была молода, хороша собой и, что вполне естественно, 26-летний Александров влюбился. Розенталь, заинтересовавшись талантливым режиссером, решил заказать ему фильм, где играла бы Мара. Дед с радостью согласился. Во-первых, появилась возможность чаще встречаться с ней, а во-вторых, заработать приличные деньги. Фильм, названный «Сентиментальный романс», и стал первым звуковым опытом Александрова в кино. По сей день его копии хранятся в «Синематек де Пари».

Когда все большие и мелкие дела в Париже были завершены, Григорий Александров 28 мая 1930 года поднялся на борт океанского парохода «Нормандия», стоявшего под парами в порту Гавр. Впереди были Америка, Мексика, новые встречи, новые приключения…

Григорий Александров-мл.

Григорий Александров. Дневники и письма. 1929-1932 гг.

Берлин, 23 августа 1929 года. Письмо к Ольге Александровой.

Здравствуй, дорогая Оленька!

Вот уже третий день мы находимся в Берлине и впечатлений столько, что при других обстоятельствах их можно было получить за много лет. Жизнь здесь совсем другая, на нашу не похожа. Но, чтобы сказать хорошая – не могу. Шикарно, красиво, светло...

Почти на каждом парадном подъезде вывеска с надписью: «Вход только для господ». Отношение к беднякам вежливое, но сволочное до крайности.

Надо тебе сказать, что меня очень поразило. Женщины не красят губ и ресниц, не пудрятся. За все три дня, что мы здесь, я не встретил ни одной женщины с накрашенными губами и только пару раз с подведенными глазами. Краситься считается неприлично. И вообще сейчас мода на очень простые костюмы и наши модницы, которые в Москве одеваются «под заграницу», здесь вызывали бы смех. Правда я еще не был в ресторанах, ни в вечерних кафе, где, наверное, и костюмы иные и все другое, но это как исключение.

На улицах все чрезвычайно просто.

Сами мы себе еще ничего не купили. Во-первых, маловато денег, во-вторых, нет времени. Оно все уходит на знакомство с редакторами журналов, учеными, общественными деятелями. С утра до ночи разъезжаем с редакторами на автомобиле то в одно место, то в другое... Вот так мы и живем...

Мы здесь вызываем всеобщее удивление и смущение тем, что не курим и не пьем. Нас неоднократно пытались «совратить» шампанским и прочим... Но мы стоим крепко и думаю, что останемся такими как есть, до конца.

Завтра мы на пару дней уезжаем к морю, чтобы там спокойно вести переговоры. В Берлине нас очень отвлекают – масса репортеров – фотографов и других самых разных людей.

Наша дальнейшая судьба начнет проявляться на следующей неделе.

Швейцария. Цюрих. 8 сентября 1929 года. Из письма к Ольге.

После того, как мы уехали из Берлина в Швейцарию, мы попали на конгресс независимой кинематографии в замок Ла Зараз, где прожили четыре дня. В этом замке было смешно и интересно. Ты только подумай! Замку тысяча лет! Обстановка комнат имеет историю в четыреста лет! Одним словом, это такой замок, какие бывают только в сказках или кинокартинах (во всяком случае, я так думал), а выходит, что существуют они всерьез, да еще в них живут люди.

В нашей комнате (мы жили с Эдуардом) стояли, помимо старинных кроватей и портретов, фигуры рыцарей в латах и шлемах. В такой обстановке нам жилось, как в музее. Это было очень забавно.

Конгресс занимался своими делами, а мы с Эдуардом снимали картину, в которой участвовали всемирно известные деятели кино. Мы одевали их в старинные рыцарские костюмы и снимали комические сцены на фоне роскошного парка и замковых башен...

Цюрих. Швейцария. 13 сентября 1929 года. Из письма к Ольге.

Вчера отправил тебе письмо из «швейцарского дома отдыха» т.е. мы жили в отеле, где уже два дня работаю над сценарием для фильма об аборте, как-то писал тебе об этом.

Так вот, живем мы себе спокойно, работаем. Вдруг звонок по телефону. Утром в семь часов, сообщают, летим на аэроплане на прогулку над Альпами. И действительно в шесть часов утра за нами пришла машина, а через полтора часа мы были уже над землей и смотрели с небес на потрясающие и незабываемые картины Альпийских гор, а еще через несколько минут подъема мы были уже над вечными снегами в морозном воздухе. Я чувствовал себя демоном, парящим над проклятым миром. Уж очень суровая и жуткая природа на высоких горах. А в самом низу в долинах и ущельях, словно кнопки, рассыпанные на письменном столе, проплывали под ними маленькие городки, села, озера и замки. Одним словом, я ошалел от красоты и неожиданности и описать все это нет никакой возможности!!!

Отель «Бристоль». Франкфурт-на-Майне. 19 сентября 1929 года. Письмо.

Мы живем в бешеном темпе. Раньше я думал, что только американцы способны делать такое огромное количество дел в один день. Теперь мне думается, что мы американцев перекрыли.

Как мы путешествуем, я напишу тебе из Берлина и пришлю фотографию и книги из тех мест, которые мы видели. В Берлине мы должны выяснить нашу дальнейшую судьбу и наши пути...

Берлин. 26 сентября 1929 года. Пансион «Мария». Из писем к Ольге.

Завтра будет неделя, как мы уже в Берлине.

Что мы делаем?

1. готовим нашу картину для Англии: делаем английские надписи, кое-какой перемонтаж. Ведем переговоры.
2. Пишем статьи, читаем доклады для того, чтобы заработать деньги на жизнь.
3. Посещаем немецких писателей, критиков, режиссеров, журналистов – везде нужно быть, чтобы не обиделись.
4. Ведем переговоры с американцами и многое другое.

Мы имеем много предложений от немецких кинофабрик на постановку картин, а они неплохо нам заплатили. Но ты ведь знаешь, что нас интересует Америка, а потому согласия своего мы не даем.

За океан не можем сейчас уехать, нельзя бросать «Генералку» в Европе. Надо ее сделать звуковой, а то она, чего доброго, может тут провалиться.

Крах «Деруссы» превратился в очень большой скандал (см.письмо Аташевой).

Пребывание для меня здесь чрезвычайно полезно и я действительно меняюсь, но как я уже писал тебе, меняюсь в хорошую сторону. Буду иметь большой опыт, широкий кругозор, а главное – умение работать. Я буду много знать, а для меня, моей профессии это лучший капитал...

Лондон. 2 ноябрь 1929 года. Из дневника.

Утром смотрели «Потемкина» в организации Монтегю, чтобы проверить монтаж. Части оказались разрезаны – чудовищно глупо. Очевидно, разделили картину на шесть равных частей и разрезали.

Поехали (андеграундом) на футбольный матч. Вагоны подземки были набиты до отказа и когда мы вышли на свет, то все улицы были запружены народом, вполне можно снимать демонстрацию. Женщин почти не видно. Много кепок. Крики газетчиков и продавцов сладостей и бутербродов.

Масса детей с черными, желтыми, синими лицами. Странные костюмы. Собирают деньги на фейерверк, который 15 ноября ежегодно зажигается в честь открытия заговора против Парламента, происшедшем в начале семнадцатого века. В газете прочли на первой странице, что в Пензе расстреляно четырнадцать священников, а Раскольников назначен главным цензором!

Шестьдесят тысяч человек своим гулом и видом поразили нас, когда мы вышли на трибуны. Играли «хорошо». Одного унесли в обморочном состоянии. Монтегю сказал, что советский футбол это футбол для мальчиков, потому что нельзя драться. Публика принесла с собой трещотки, трубы, колокола и свистки. Каждый хороший удар сопровождался ревом толпы и концертом на инструментах. Я усомнился в общепринятом мнении, что англичане образец хладнокровия. Ушли на 10 минут раньше, чтобы не толкаться в подземке. Когда шли по улице, услышали восторженный рев толпы. Значит забили гол. Ехали минут 20-30. Вышли на Пикадилли и, купив газету, прочли, что «Арсенал» получил гол. Уже в газете!!!

Лондон. 12 ноября 1929 года. Из дневника.

Утром, когда мы выходили из бюро Монтегю, мы увидели старенького человека с соплями под носом, хотя и в цилиндре. Его вели двое молодых людей под руки. Он был одет франтом. С белым кашне и цветком в петлице, с тростью в руке, но он ничего не видел. Дрожащими ногами спускался по лестнице и спотыкался на тротуаре. Вот! – сказал Айвор, – смотрите. Это главный цензор кинокартин. Он сейчас «смотрел» одну французскую картину и написал такой отзыв: ничего не понял, что картина хочет сказать, но если она хочет что-то сказать, то наверное скверное. – И запретил картину. Фамилия цензора – Уинкилсон.

В отеле «Сесиль», шикарном и пышном, как все дорогие европейские отели, встретили Гольдберга, с которым выясняли положение относительно синхронизации. Дело еще затягивается и окончательно выяснится через 8-9 дней. Нужно получить ответы от нескольких фабрик и выбрать. Кроме того Гольдберг сообщил нам о предложении Жепина, как хозяина фирмы. Если работать у него, то он берется обеспечить нашу жизнь в течение 2-3-х месяцев. Чтобы мы учились и присматривались к работе по тон-фильму, и после этого сделали у него первый тон-фильм

совместно с ним, а затем самостоятельно.
Представитель «Гомона» и Гольдберг предлагают объединить их предложения и сделать совместную постановку с французами. Это увеличивает сумму денег и прокатные возможности. Мы должны будем поехать в Париж в субботу, чтобы на месте посмотреть условия работы у «Гомона», а потом решить.
Представитель Жепина – еврей, болтливый и хитрый, пел нам заманчивые песни. Договорились в 9 часов вечера встретиться всем вместе и поговорить.
Монтаж «Ген. Лин.» для английской цензуры. Вырезаем по возможности те сцены, которые не очень разрушают картину. Есть уже определенные директивы и мы стараемся их обойти. Вырезали метров 400. Придется резать еще.
В 9 часов Эйзен и Айвор поехали в отель «Сесиль», а мы – Эдди и Хелл – пошли в кино на дешевые места; деньги наши в такой сумме, которая требует экономии. Смотрели картину с участием любимого Банкрофта и О.Баклановой. Банкрофт замечательно говорит в тон-фильме. Он один из многих, кто говорит естественно, без актерской обработки. Он так же хорош, как и в немом кино. Он не только актер, он типаж, и голос не актерский, а типажный. Бакланова слишком измоталась, очевидно, стареет. Играет неплохо, но неприятно. Поет песенки с гитарой и голос звучит в микрофоне хорошо. Фильм средняк. История биржевика и изменившей ему любовницы. Техника безукоризненна. О кинематографе забываешь. Говорят естественно.. только вот содержание фильма с введением разговора стало совсем ничтожно. Очень много во всех фильмах говорят по телефону. Мне кажется, что первый раз, когда слушаешь тон-фильм, внимание устремлено на технику, на выполнение звука. И поэтому первый раз, как бы хорошо сделано не было, принимаешь насторожено. А потом привыкаешь к некоторым условностям. Ходишь в кино слушать мелодии, иногда совсем забываешь о технике. Хорошие мелодии бегают слушать и теперь, поют их месяцами во всех уголках города и всей страны. Ошибка режиссеров, ставящих говорящие картины, еще и в том, что они берут актеров – театральных, которые говорят и двигаются условно. Это создает напыщенность. Одним словом, это повторяет ошибки немого кино. Голос тоже должен быть типичным. Он не должен быть только красивым, а произношение без недостатков. Недостатки – это материал, который надо возвести в качество, то же, что немое кино с типажом. Тогда можно будет добиваться сильных впечатлений и эффектов. Голоса детей и животных так же, как и в немом кино: дети и животные получаются лучше чем что-либо без дикционной обработки и без постановки голоса.
После кино ходили с Эйзеном по улице и разговаривали. Эйзен считает, что мы напрасно поехали, зря теряем время, что надо было сидеть в Москве и писать книгу и т.д. Его смущает удивление представителей фирм по поводу того, что у нас нет в банке двухсот тысяч на текущем счету, а все убеждены в том, что теперь ясно видно, что работать можно только у нас. Что условия для работы только в СССР. Вот посмотрим еще Америку.
Если снимать с Гомоном, то Эйзен думает снимать «Золя», «Землю» и «Кипящий горшок», соединив вместе. Я считаю, что Золя не имеет смысла ставить. «Земля» повторяет материал «Ген. Лин» и незачем ездить в Европу для этого.
Говорили, что сейчас очень тяжелое время для настоящей работы. Ибо интересы общества – на развлекательность самую примитивную и дешевую. Эйзен считает, надо бросать режиссуру. Договорились на том, что сейчас надо сделать картину, по запросам времени, коммерческую, для того, чтобы иметь возможность потом в течение нескольких лет делать вещи проблемные и совершенствовать кинематографическое искусство.
Когда мы закончили разговор, обратили внимание на окружающих, то увидели группы людей, с любопытством смотревших на нас. Мы поняли, в чем дело. Ходили рядом в ногу, опустив голову и заложив руки за спину. Ходили взад вперед около одного дома. Были одеты в тяжелое пальто, а шляпы сдвинуты на глаза. Одним словом, все были убеждены, наверное, что мы сыщики из детективной полиции и ждали, кого мы будем ловить. О том, что мы трое похожи на детективов, нам еще Бернстейн говорил. Это было на Лестесквер. Мы пошли к Монтегю, поужинали и в час ночи поехали на такси спать.

13 ноября 1929 года. Из дневника.
Долго спали – до 12 часов. Лежа в постели, я думал о темах для нашей работы. Писали письма. Я писал Оленьке, Пере, Кузьме, Бирючихе.
В 4-30 в бюро Айвора встретились с Уинфридом из Берлина. Рассказал, что цензура вырезала из «Ген. Лин» много; особенно удивительно вырезана кошка в веночке из цветов, выходящая из ворот перед невестой. Это оскорбляет религиозность свадьбы – кошка черная. Что будет? С картиной, что?

В 7 часов в старом помещении Аркоса для сотрудников показали «Потемкина» и я делал доклад об СССР. По кинолинии и пятилетке остались очень довольны. Потом поехали на Бейкер-стрит в кабинет восковых фигур Мадам Тюссо. Портретные куклы знаменитых людей: королей, убийц, любовниц и футболистов. Кабинет ужасов – казней, пыток и т.д. Конечно, самое ужасное в этом кабинете – современная английская виселица с проваливающимся полом. Когда Шах Персидский был в этом месте, для него опустили нож гильотины и нож отрубил восковую голову куклы. Шаху понравилось и он попросил проделать это несколько раз.
Прошло время романтики. Во времена Мадам Тюссо можно было переночевать в комнате ужасов, сойти с ума или получить 50 фунтов наличными. Так говорит народная легенда. Но, к сожалению, эта легенда опровергается заявлением в каталоге музея.

Лондон. 20 ноября 1929 года. Из дневника.
Рождение дьявола.
Великолепно по выдумке! Дьявол вылупляется из яйца – с мокрыми, неоперившимися крыльями. Дьявол – цыпленок. Великолепно! Это маленькая вещичка японской работы, величиной в половину нормального яйца. Это произвело на меня большое впечатление, когда мы осматривали замечательный Британский музей. Только японцы способы сделать из дьявола цыпленка и родить его из яйца.
Британский музей великолепное дело рук и умов человеческих.
Отдел «образцовой упаковки», т.е. ассирийских мумий, замечателен по экспонатам и по количеству, как и весь музей. Удивляешься, сколько остроумия, трудов и времени люди тратили на соискание форм разных предметов, пока находили нужную и правильную. Особенно запомнилась маска из Новой Исландии, где глаза сделаны из раковин перламутровой стороной наружу с шариками вместо зрачка. Очень выразительно и ярко. Сама маска сделана из разноцветных птичьих перьев.
Инструмент для драки (Индия) – металлическая рука с пятью цепкими и острыми ножами вместо пальцев. И еще, маленькая китайская миниатюра – резаная из слоновой кости, которую я назвал «Торжество летучей мыши» – хохочущая летучая мышь выполнена замечательно. Много, очень много впечатлений, своевременно или несколько позже пригодится в жизни и работе.
Эйзенштейн где-то с какими-то людьми. А мы с Эдуардом и Хелл на небольшие деньги обедаем, боясь не дорого съесть дорого, и идем в Coliseum почти на галерку, на дешевые места. Программа скучная. Хорошие танцоры. Номер на роликовых коньках, который мы уже видели. Надо отметить, что везде много русской музыки. В паузу из-под купола медленно спускается цеппелин метра полтора длины, которой освещен изнутри лампочками, ежесекундно меняющими свет. Из цеппелина пульверизируют духами. Самое смешное, что в цеппелине незаметный громкоговоритель, из которого передается легкая музыка и посвистывание человека, как бы летающего над залом. Цеппелин помахивает хвостом и это смешно до аплодисментов. В конце как всегда на экране портрет короля и гимн.
Дома хозяин рассказывает, что лондонцы плачут! Стоит хорошая солнечная погода, в Лондоне пьют дождевую воду. И вот, сегодня приказ – не поливать садов и скверов, экономить воду в ваннах, нет дождя.
А Штраух пишет, что Пудовкин лежит три недели в Одессе в ожидании солнца. Впрочем, в Лондоне в один день бывают образцы погоды за все четыре сезона. Бывают такие дни. А сейчас луна, я пишу письмо. От Оленьки ничего нет... Наверное, письма не доходят.

Лондонские доки.
Несколько предварительных сведений почерпнули из справочника. Винные погреба в общей сложности занимают семь миль. От Тауэрского моста пошли по улицам складов. Узенькие улочки среди мрачных запыленных кирпичных домов. Мокрая мостовая с конским навозом и лужами. Много полисменов. На каждом углу, молчаливо или разговаривая шепотом, стоят кучки людей неопределенной профессии. Склады ломятся от товаров; товары заполняют воздух ароматами фруктов, корицы, кожи и смолы и, проходя по улице, чувствуешь, как перемещаешься из одной волны ароматов в другую.
Над тротуарами краны с красными флажками. Непрерывно идет выгрузка в автомобили, на подводы и паровики. Этот вид транспорта я видел только в Лондоне. Грузовик как грузовик, но вместо мотора локомотив с трубой, опоясанной медными обручами. Эта труба дымит, как паровоз. Грохот от машин необычайный.

Около лесенки, о которой писал Диккенс, и которая знаменита, мы встретили большую группу молодых работниц, хохочущих от какой-то шутки. Очень похожи на наших. Тут же за железной загородкой кладбище. Среди грохота грузовиков, трактора, лебедок и локомотивов на кладбище особая точка зрения. Бедные покойники, им невозможно отдохнуть.

На здании полиции плакат, извещающий о танцевальном вечере, который состоится в здании полиции для «избранной публики». Это устраивается для того, чтобы легче было наблюдать, чтобы они были на виду, а то публика здесь – аховая.

Среди кипящих портовой жизнью улочек, между складами – под ними или над ними – частные квартиры. Грязные, чрезвычайно грязные дети, женщины и старики смотрят в окна или сидят на ступеньках лестниц. Конвейеры через улицы, по которым бежит бесконечная вереница ящиков. Разносчики продают закуску и самая распространенная – это пирожки с угрями, которые ест беднота, цена самая низкая. На уборных везде написано «джентльмен», а здесь просто – «мен». Заборы покрыты плакатами, главным образом – бокс. В окне парикмахерской много фотографий боксеров с их автографами. Здесь они бреются, и это рекламирует заведение.

Бернард Шоу показывает Лондон. Недалеко от Вестминстерского аббатства, около трамвайной остановки, стоит щит на монументальных чугунных ножках. – Вот, – говорит Шоу, – вы можете здесь узнать одним движением, как проехать в нужный вам адрес. Где вы живете?

– В Хэмстэде. Шоу жмет кнопку, около которой написано «Хэмстэд».

– Вот, – говорит он, – нажмите и на щитке зажгутся все линии трамвая, автобусов, метро, которыми вы можете добраться до Хэмстэда.

– Начал, ничего не зажигается.

– Жмите сильнее!

– Жму, ничего не зажигается.

Жмет сам.

– Очевидно, испорчено!

– Тогда вот автомат, опустите никель и получите книжку... Опуская, дергаю за ручку, нет никакой кнопки. Шоу взбешен. Он подходит к полисмену. Полисмен отдает честь и наклоняется к Шоу, желая его внимательно выслушать.

– Передайте королю, что Англия – говно!

– С кем имею честь говорить? – спрашивает невозмутимый «бобби».

– Это сказал Бернард Шоу.

– Ес, сэр! – говорит «бобби» и записывает в книжку фамилию...

Очевидно, гордость англичанина взыграла в старике и провал демонстрации техники он хотел возместить демонстрацией свободы слова. Думаю, он заплатил изрядный штраф впоследствии, а если бы он не был Шоу, он был бы, наверное, в тюрьме.

В Лондоне есть знаменитый старинный паноптикум. В рекламах паноптикума описывается отдел ужасов, где представлены образцы китайских пыток, испанской инквизиции. Ужасы изображены отвратительно, но для пущего страха в рекламе сказано, что дирекция заплатит 10 фунтов тому смельчаку, который проведет одну ночь в разделе ужасов. 10 фунтов стерлингов – деньги большие, в Лондоне нужные и потому я явился в дирекцию и изъявил желание проспать ночь в кабинете ужасов. Дирекция в составе четырех ее представителей вытаращили глаза... Пробовали пугать. Вдруг один из них спросил: – Может быть, вы русский? – Да. – Может еще и Советский? – Да, именно, Советский.

– Ну, конечно, ночь проспать ничего не стоит!

– Что вы хотите этим сказать?

– Я говорю, что наше объявление для англичан, а не для Советских.

Париж.

Разбудили рано и не по существу. Принесли дамское белье из стирки, и мне, незнающему французского языка, долго надо было объяснять, что белье не мое.

В конторе Пельнаса смотрели 120 метров цветной фильмы «Мулен руж!» – ревю. Аниловые цвета яркие и дешевые. Все же решил поговорить со специалистами, можно ли талантливо использовать технические возможности. В студии «Бианкур» встретил Даншет и Бланшет. Записали на пластинку мою игру на губной гармошке и предло-

жили играть для тон-фильма. Обещал позднее сняться.
В газете опять хорошая статья о «Ген.Лин», сравнивают ее с Декамероном, и как противоположный полюс указывают на картину старую, одну из первых Мельеса, старик еще живучий сделал ее. Вечером поехали смотреть. Фильм древний, очень хороший. «Кошмары пьяного» почти как у Бастера Кейтона в картине (забыл название). Кроме того смотрели «Дождь» – Ивенса (Ивенс в монтаже не понимает и в кадре тоже. И картину Жака Эпштейн «Его голова» – скучную и бездарно-любительскую.
«Студия – 28» – это клуб левой авангардной французской кинематографии. В книжном киоске среди журналов выставлена обложка «Советского экрана» №48 с хорошей фотографией Эммы Цесарской из «Тихого Дона». Эмма очень хороша, выглядит замечательно. Купить не удалось, все распродано. В украинском «Кино» фото «Земли» – Довженко, явно под «Генеральную Линию» – зачем ему это надо? Не понять. Но влияние наше огромно.
Телеграмма от Монтегю: – Шенк в Париже. Настаиваю с ним поговорить, но Эйзен не хочет. Буду добиваться и думаю, поговорим.
Голландцы прислали телеграмму – завтра высылают договор на доклады в Голландии.
Почта в Париже закрывается в 7 часов и писем отправить нельзя.

26 декабря 1929 года. Четверг. Из дневника.
Утром у Пуллера в торгпредстве взяли «Потемкина». В студии «Бианкур» прочел сценарий «Романса». С. Шифрину понравилось, но считает, снять будет трудно.
Взяли 1000 франков. В три часа примерка смокинга (не нравится, думаю, плохо). В газетах статья о «Генеральной линии». Восторженная об Эйзенштейне – обо мне ни слова. Интервью с Кики, ее фото и портрет Эйзена ее работы (смешно и рискованно).
Купив бумаги, поехали к Липовской перепечатать сценарий. Сидит дома больная с горячей водой на животе – отравилась (вернее, объелась в рождественскую ночь). Напечатала половину под мою диктовку и сдала… условились на завтра.
Вечером обедали у Жака Абиба. Смотрели коллекции драгоценностей, книги на хорошей бумаге и в хороших переплетах, но по существу ничего не стоящих. Я молчал весь вечер. Обед был хороший. После смотрели «Потемкина». Смешно и странно видеть картину в буржуазном салоне после того, как видел ее в СССР и в десятках различных мест: в Гамбурге, Берлине, Цюрихе, Лондоне и здесь. Вспоминались времена съемок – Одесса, Севастополь.

ВЕРДЕНСКИЙ БАЛ.
«Ты жива еще, провинция, и живет с тобою – настоящий вальс»
Провинциальный город с военным гарнизоном – это особая форма быта и нравов.
Николаев, Кронштат и Верден – из этого самого отдела. В таких городах балы имеют особенную прелесть, в силу полковых вкусов на костюмы, на типы женщин и особых манер.
Человек четыреста заполнило большой зал, лестницу, буфет и все коридорчики и закоулки. Зал разукрашен гирляндами электрических лампочек, в середине имеет стеклянный пол, из матового стекла. По стенам на расставленных в беспорядке стульях сидят мамаши, папаши и малолетние дети.
Оркестр играет замечательно, утрированная его акцентичность дает барабанный ритм. Тембр его невероятно, невероятно быстрый и заражающий. Грохот производится подобный духовому оркестру.
Все идет хорошо. Танго и фокстрот танцуются в поте лица с трюками. Например, в танго кавалеры поднимают ногу вверх и задерживают ее в согнутом положении. Во время танго тухнет общий свет и остается густо зеленый, напоминающий театральное морское дно. Но вот вспыхивают ядовитые малиновые лампочки и оркестр играет вальс. Утрированная чувственность музыкального исполнения обдает провинциальные девичьи сердца волной танцевального вдохновения. Зал мчится в вихре любимого танца.
Ослепительный блеск дешевых шелков, разноцветные туманы тюля и газа. Стеклянные бриллианты, улыбки и взгляды достигают своеобразного эффекта.
Вот девушка в черном трико, она боится, что увидят ее зад, у нее короткая куртка и одергивает она эту куртку все время, смущаясь сама и смущая кавалера. Молодежь наверное редко в таких костюмах и таком большом обществе, поэтому смущение прикрывается напускной гордостью и надменностью. Вдруг мимо меня проносится новая

пара. Женщина окутана в национальные французские флаги. У нее волосы перевязаны трехцветной лентой и даже туфли в национальных цветах. Она изображает – Францию. Франция танцует!
В 12 часов мы ушли. Бал продолжался. Франция танцует!
А мне пора спать, потому что часы на башне уже два раза пробили три. Верден, отель «Смелый петух», 70 номер. Почему бьют часы два раза?

28.12.29. Суббота. Из дневника.
В 9-15 утра кремовая «Испано-сюиза» с седым стариком шофером стояла у подъезда нашего отеля на Б. Монпарнасе 135.
Солнечный великолепный день благоприятствовал нашему путешествию. Через Версаль... Прибыли в Шартэр – 80 с лишним км. от Парижа. Шоферу полагалось на завтрак. Он нас подвез к шикарному ресторану, а денег у нас мало. Тут мы совершили поступок – «аристократизм духа» – дали шоферу 30 франков на чай, а сами вчетвером пошли завтракать на 40.
Осматривали старинный замечательный собор, улочки и переулки. Окна с цветными стеклами сработаны великолепно. Рождественские дни, поэтому устроена панорама поклонения волхвов младенцу. Как в музее восковых фигур, с эффектом освещением. В чашах при входе воды нет, но, тем не менее, все проходящие отпускают туда руки. Замечательной работы камеры для исповеди и очень печален звон колокола. В наше присутствие были похороны. Две, три женщины неподвижно молятся.
Всю обратную дорогу льет проливной дождь и дует ветер.
В связи с увиденным думаю: Франции и Париж – это две разные страны. Деревни и провинциальные города скучны. Автомобилей везде много. Даже цыганские таборы ездят на старых «Фордах». В самой отсталой русской деревне теперь интереснее. Здесь люди до ужаса консервативны.
Вернувшись, дали шоферу 50 франков на чай и пошли обедать на 40.
Деньги кончались, остались пустяки. Из Швейцарии ни слуху, ни духу – ни денег, ни визы.
Убедили Эйзена повидаться с Шенком. Искали по телефону, где он остановился, и не нашли.
В журнале «Иллюстрированная Россия» (монархическая эмиграция) пожелания на Новый год – «Сейчас адрес нашей редакции – де рю Москоу, 35, желаем, чтобы в 1930 году он гласил: Москва, такая-то улица, 35, или Петрогад. Перемены адреса желаем и всем нашим читателям». Это похоже на традиционное новогоднее пожелание – «В будущем году в Палестине»

29.12.29. Воскресенье. Из дневника.
Деньги кончились, по карманам наскребли на завтрак. Занять не у кого, по телефону никого не застали дома. Шенка обнаружили в отеле «Георг V», в отелях с лакеями в ливреях и в белых чулках. Не застали и оставили записку, чтобы позвонил, если интересуется.
Сделал выписку для сметы «Сентиментального романса».
На обед денег нет. У хозяина гостиницы пробовали занять, не дал. Шура Шифрин был найден Борисом в кафе и он организовал обед в русском магазине, где он имеет кредит, у того самого генерала-губернатора. В долг были взяты консервированные макароны и сосиски, яблоки и пирожные. Обед Шифрина в Гарсоньерке был на славу. Спасибо, генерал! Если бы ты знал, кого кормишь.
Что будет завтра? Где взять деньги?
С Эйзеном решили устроить еще просмотр «Ген. Лин» для обиженных и не попавших в полпредство.
Сейчас пишу Ольге письмо.

Голландия.18.1.30. Из дневника.
Голландская «Пятнадцатилетка».
Показали нам новую картину Ивенса «На строительство». Материал для картины: отвоевание у моря земли. Грандиозный план на 15 лет, который увеличит площадь на 30%. Удивительная работа. Картина снята хорошо. На 32 км. вбивают дамбы. Вбивание дамб вызывает аплодисменты голландской аудитории. Ивенс повез этот фильм в Москву, он должен имеет успех. Хорош экран, забирающий камни. Он выглядит как краб, или как причудливый цветок.

После просмотра вошел в комнату, Эйзен заорал на меня – Зачем пришел?... Он разговаривает с Борисом, кричал, чтобы пошел посидел в кафе.

Я пошел домой, несмотря на то, что надо идти смотреть картины к какому-то антиквару... меня, невозмутимого вот уже много лет, это взволновало и пришлось долго сидеть в кресле, обдумывая все. Эйзен меня делает злым. Молчаливость, затирание обостряют положение. Это опасно и может плохо кончиться. Эйзен до того упоен славой, что ничего не замечает, даже мое существование.

За обедом передали письмо от Перы. Прочитать мне не дал, но сказал, что в Москве большая ерунда с деньгами.

В 10 часов по узеньким улицам – «ущелья» пошли смотреть кварталы матросских развлечений.

Вода покрыта матовым слоем пыли, а на поверхности плавающие окурки, тряпки, бумага. Луна, все ж таки, отражается длинными полосами в этой воде. Ее свет кажется зеленым от присутствия оранжевых и красных отражений окон, за которыми сидят простые и чистые на вид женщины. Одна вяжет чулок. Другая освещена светом лампы с большим красным абажуром. На столе кипит кофе. Ароматный пар привлекателен и уютен. Кошка, свернувшись, спит на окне. Видно, что в комнате тепло и приятно. Птица в клетке, цветы, кружева, китайские фонари. Через большое окно видно, как на сцене, в центре внимания после женщины, сидящей на первом плане, – оказывается постель. Когда меня спросили, определите кто эта женщина? Я знал, куда мы пошли, но я стал сомневаться. Мои сомнения были рассеяны т.к. женщина нас заметила и, постучав в стекло окна, кивком головы и улыбкой приглашала нас.

Таких окон и комнат в этот вечер я видел десятки. Система и принципы стандартны. Если бы мне этих женщин показали в другой обстановке, я мог бы поклясться в их непричастности к проституции. Они толсты, провинциальны и мещанисты. Не напудрены, не подкрашены, с прическами, давно преданными забвению. Скромны и тихи. Теплый приют, ласковая семья, горячий кофе и т.д. на час или два, или на ночь, – в зависимости от количества уплачиваемых денег. Вот в чем их страшная сила, которая наверняка побеждает моряков, прибывающих в порт, после скучных и тяжелых плаваний по бурным жарким или холодным морям.

Вот в чем разница между всеми проститутками Гамбурга и Марселя или Рио-де-Жанейро. Амстердамские – создавали свою систему, для любителей семейного уюта, спокойной ласки, заботливости и теплоты. Их профессиональная внимательность развита очень сильно. Быстро определяют среди прохожих клиента. Нам они кивали в первый момент, а потом приняли нас за американских журналистов. Показывая жестами, чтобы мы записывали.

В маленьких тесных дансингах мы слушали различные виды музыки. Гармонист выделывает чудеса на огромной пятирядной гармонике, играя танго, фокстрот и вальсы. Он заменяет оркестр и видно, как он устает. Его покидают силы – как боксера на ринге – слабость его ощущается в музыке и видна в движениях и потном лице. Музыкальные машины с колокольчиками, свистками, барабанами исполняют мелодии в замечательных ритмах и аранжировках. Под эти машины запрещается танцевать, чтобы не отбивать хлеб у музыкантов.

Буфеты обставлены ослепительными бутылками, цветами, золотыми и серебряными тарелками и красочными чучелами южных птиц.

В кафе ночлежки. Жуткие экземпляры людей – бездомные старухи, доживающие проститутки, матросы, потерявшие силы и здоровье. Таких глаз, морщин и выражений лиц, не координированных движений от пьянства и помешательства, таких ракурсов – спящих, в сидячем положении людей кинематографический экран еще не видел.

Говорили со старушкой, которая была в Германии, но не знает о существовании России. В общем, о России знают. Но что есть русские и что мы русские, понял. Мы поставили кружки пива перед сидящими старухами, и вышли на свежий воздух, который был до крайности необходим.

Пишу под замечательную игру на гармонике и боюсь, что перо начнет танцевать, выдержать трудно. Накрахмаленные воротнички голландских матросов придают им особый шик. Сегодня суббота, потому в Амстердаме много народа, приехали развлекаться из провинции. И вот почему все площади превращены в гаражи для провинциальных машин.

Средневековые куранты играли в 12 часов старинную голландскую мелодию. Отряды полицейских зашагали по улицам, следя за выполнением приказа – закрытии всех развлечений – в 12 ч. 30 мин.ночи.

В магазинах, на этих же улицах, купил губную гармонику с клапанами для полутонов.

Председатель общества «Новой России», еще пара членов правления повели нас в ночной клуб, где собираются люди искусства. На втором этаже в маленьком зале обыкновенное кафе, фокстрот и провинциальные наряды. Оставив Инкастера танцевать, ушел домой спать.

14 июня Из письма к Ольге Александровой. Колорадо-Аризона.

16-го в понедельник приезжаем в Голливуд.

Голливуд – это столица кинематографического мира. Голливуд – это высшая школа киноискусства, мастерства. Я так не волновался, когда подъезжал к Америке, как начинаю волноваться теперь, при реальном приближении Голливуда! «Победим или подохнем – иначе никак». Работать придется зверски. К нам нигде не относились так хорошо, как здесь, в Америке. Кажется, нам предоставят все возможности, чтобы сделать хорошую картину. Вот почему надо работать, как надо!

О деталях, о жизненных условиях я узнаю только на месте и немедленно напишу...

16 июня 1930 года. США Голливуд. Из дневника.

Вчера заснуть было непросто. Проснуться сегодня был совсем легко. Подниматься стал до восхода солнца. За окнами пустыня, как и вчера. Только на станциях пальмы и цветы. Станция Багдад – сказочно заросла цветами, а дальше опять пустыня, пески, кактусы и какие-то корявые мохнатые деревья. За полтора часа до Лос-Анжелоса встретили нас Айвор и Хелл. Айвор передал мне телеграмму Бориса. Он в Нью-Йорке и может выехать. Подожду, когда начнет говорить об этом Эйзен. Заперевшись в купе, Эйзен и Айвор разговаривали долго по секрету от нас.

На вокзале Лос-Анжелоса среди встречающих двое знакомых – Дуглас Фербенкс и Штеренберг. После фотографирований – в отель Беверли Уилшир. Пышность подавляющая, но удобства полные. Водя горячая, холодная и ледяная. Штеренберг на своем «Ролс-ройсе» везет нас на фабрику «Парамаунт». Завтракаем в ресторане фабрики и странно – почти за всеми столами сидят знакомые по экрану лица. Знакомимся с Любичем. Ведет себя симпатично, старается быть обаятельным. Ругает Пудовкина. Хвалит «Потемкина». Узнав, что собираемся пробыть здесь шесть месяцев, сказал, что через шесть лет будем здесь завтракать! Пригласил к себе на завтрак.

Во дворе фабрики стоят декорации от «Доков Нью-Йорка».

В центре фабричной территории, зажатый большими зданиями ателье, стоит домик, в котором было первое ателье и правление. Это как музей. Рядом школа для детей работающих на фабрике.

Вся земля застроена – пароходы, бассейны, улицы. На «улице» Парижа, построенной в ателье, познакомились с Морисом Шевалье, который снимался в каком-то фильме.

Много людей знакомились с нами, всех не запомнишь сразу.

Для Эйзенштейна приготовлены две комнаты: одна для секретарши, другая – кабинет. На стекле двери написано – Сергей Эйзенштейн.

Осветительная аппаратура даже при беглом осмотре радует возможностями.

Начиная с утра – грустное настроение заливает мои чувства. Чем дальше, тем сильнее, как далеко нас разделяют с С.М. люди при его попустительстве, едва заметные мелочи все время разогревают температуру грусти. Волны непонятного отчаяния захлестывают впечатления дня, и я молчу вот уже часов пять-шесть. Не знаю, как пойдет дальше, а так работать будет нельзя.

От Бориса еще телеграмма. Ждет ответа. Подожду и я до утра говорить с С.М., а сейчас могу только драться.

Надо будет потом разобраться в сегодняшнем ужасном состоянии.

17 июня 1930 года. Из дневника.

В 8-30 выехали на авто по побережью океана за 60 миль к месту съемки большой картины. Дороги замечательные. Широки, ровны и оборудованы сигнализацией. На берегу океана, около самой воды лагерь киноэкспедиции – блестяще. Территория съемки обнесена забором из колючей проволоки, который начинается примерно за километр от места действия. У ворот полиция. Проверка пропусков. Мы на машине «Парамаунта» и на стекле наклейка, где написано: «Официальная деловая поездка». Поэтому мы и проезжаем без задержек и подъезжаем к самой съемке.

Оборудование.

1. Подведен к столбам электроток. Установлены трансформаторы.
2. Подведен водопровод, который распределяет воду по всем палаткам и обслуживающим постройкам.
3. Телефон. Центральная станция. Вся территория съемки связана телефонной сетью, и, кроме того, включена в городскую сеть.
4. Ресторан для одновременного обслуживания 800 человек.

5. Ринг для тренировки актеров и обслуживающего персонала.
6. Множество палаток для актеров и обслуживающего персонала.
7. Громкоговорители по всей территории съемки для командования.
8. Кроме декораций на натуре выстроено несколько внутренних декораций на случай плохой погоды.
9. Основное качество: план съемок на две недели. Все, до последнего гвоздя. Все, что понадобится за это время, на своих местах. Все в большом количестве, на всякий случай.
10. Для всех съемок выстроены вышки (а не одна, которую у нас переставляют).
11. Для съемок с моря выстроен большой мол на сваях.
12. На рейде декоративного города стоят три корабля (для видимости). В день нашего посещения не было солнца, снимали в ателье, а все люди в полных костюмах были на своих местах.
13. Осветительная аппаратура в огромном количестве приготовлена во всех местах, где она будет нужна. Прожектора только регулируются, но не передвигаются, их вполне достаточно.
14. Табун лошадей в распоряжении актеров – для тренировки.
15. Все участники имеют номера, по которым идет регистрация выдачи обедов.

Съемка.

Режиссура ничем не отличается от нашей. Разница во времени. Мы просидели три часа, в течение которых сняли один маленький диалог. Работа спокойная; несмотря на все накладки актеров, тон ни разу не был повышен. Однажды, когда сцена удалась, выяснилось, что не работал микрофон. Мучаются все страшно от того, что диалоги слишком длинные и запомнить все слова и указания режиссера невозможно. Мы бы резали такой кусок на четыре части, а каждую часть (коротенькую) гораздо легче выполнить.

Технический персонал работает четко. Реквизитор перед каждой репетицией поправляет все вещи. Как им следует быть. Перед каждой съемкой чистят щеткой костюмы. Гримеры поправляют грим и прическу. Суфлер сидит около режиссера со сценарием и суфлирует прежде всего техническому персоналу, что надо для этой сцены, и сверяет со списками в сценарии наличие вещей. Затем суфлирует на репетиции текст. Помощник режиссера дает команду к началу и проверяет готовность всех. Он тоже неотлучно около режиссера. Полуваттный свет включен все время и выключается только при явно длинных задержках.

Знакомились со многими людьми, фамилии запомнить невозможно. За завтраком напротив меня сел парень, заспанный и вялый. Долго продирал глаза, сплевывал. Вытирал губы. Долго высматривал, что бы съесть на заставленном блюдами столе. Я сначала не узнал его. Только спустя несколько минут стал вглядываться в его глаза и ресницы. По этим ресницам я и узнал в заспанном парне Гарри Купера – кумира современных девушек.

По другой стороне, через апельсиновые сады поехали на территорию натурных съемок «Парамаунта».

Среди гор огромное количество десятин земли с лесами, реками, дорогами, скалами и лугами, принадлежат «Парамаунту». На этой территории пасутся стада коров, овец, лошадей и т.д., там же выстроены деревни, ипподромы, селения индейцев, крепости, окопы. Склады телег, саней, карет, колесниц… Все! И всех деталей, которые могут понадобиться. И так везде в Голливуде – нефтяные вышки, которые качают нефть и приносят прибыль.

Проехавшись по горным дорогам, вернулись в студию. Забавно каждые пять–десять минут видеть в натуре лицо, с которым иногда знаком целые годы по экрану.

Из письма к Ольге, Голливуд. 26 сентября 1930 года.

Мне было бы интересно узнать твое мнение по поводу «Американской трагедии» Драйзера в связи с тем, что мы собираемся ее делать. Но при этом ты должна помнить, что от книги ничего не осталось, кроме основного мотива. Нам интересно показать Америку в этой картине, а материал данного произведения позволит выполнить это на сто процентов. Кстати, сижу неделю за сценарием безвыходно и получается, по-моему, неплохо.

Очень, конечно, сложная работа сделать из большой книги сценарий на 90 минут. Но все это куда легче того, что мы делали до сих пор. В этом сценарии история человека, а это облегчает работу невероятно.

Голливуд взволнован тем, что мы собираемся снимать по этому сценарию. Книга «Американская трагедия» в большой моде и ее давно собирались осуществить на экране. Нет в Голливуде ни одного молодого человека, который не мечтал бы играть Клайда.

Сотни людей приходят ежедневно в нашу студийную контору. Мы еще не начали отбор актеров, а уже получили ку-

чу писем от всяких знаменитостей, которые рекомендуют нам актеров. Дуглас Фербенкс прислал письмо с просьбой посмотреть брата Мэри Пикфорд – Джека Пикфорда. Ричард Бартелтмес ночи не спит от желания играть Клайда. Но все они теперь стары и придется нам делать новую «звезду», найдя актера на улице.
Как только закончим либретто, поедем в Нью-Йорк для согласования с автором – Теодором Драйзером.
Если бы я танцевал столько, сколько танцевал Эйзенштейн, то у меня не осталось бы времени писать письма и вести дневники.
Эйзен увлечен негритянскими танцами и состоит членом негритянского клуба.
Я танцую только там, где нельзя танцевать. Здесь, в Америке, да и в Европе танцуют такие женщины, как Кузьма или Корнилова, и делают это так же просто, как едут в трамвае. Здесь танец совсем другое, чем у нас, в силу того, что его никто не запрещает и что негры, гавайцы и другие подобные национальности – танцоры от рождения. Их в Америке огромное количество, они определяют манеру и стиль танца. Правда, более похабных танцев, чем в Америке, я не видел ни в какой другой стране, но это в специальных местах.
На кинематографических балах танцуют все, без исключения, держать себя «идиотом в стороне» просто невозможно. Передавать меня под наблюдение Чаплину я тебе не советую, ибо он сам не пропускает ни одной девушки при случае... А с Глорией я хотел познакомиться потому, что в жизни она очень похожа на тебя. Много у нее твоих черт и манер.

Из письма к Ольге. Голливуд, 7 октября 1930.
Вчера мы кончили писать сценарий «Американской трагедии» и сдали его нашим парамаунтовским директорам. Сегодня получили сведения об успехе нашей работы. Все, кто читал, в восторге! Говорят, что ничего подобного они не видели уже несколько лет. И действительно, в сценарии есть настоящее кинематографическое, что было когда-то в «Потемкине». Теперь это усиленно современной техникой, а еще более звуком. Надо полагать, картина получится что надо.
Теперь дело за цензурой и стариком Драйзером. Через два дня поеду в Нью-Йорк и там окончательно выясним судьбу нашей картины. Как только ее зафиксируют, приступим к работе – и это будет началом моего обратного пути потому, что производственная работа – это уже реальные сроки в американских условиях.
Две недели я не выходил из дома, за исключением нескольких раз по весьма важным обстоятельствам.
Две недели я сосредотачивал свое внимание на разработке его деталей конструкции. Диктовал стенографисткам сценарий. Я не мог спать, потому что не мог остановить поток мыслей. А ночи, как на грех, были теплые. Замечательная калифорнийская луна заливала светом белые стены нашего дома и лужайку в саду. Запахи ночных жасминов и стрекотание тропических цикад, все это мешало заснуть и я много, много думал...
Кроме того, я был занят с товарищем Монозоном, который работает в Нью-Йорке представителем СОЮЗКИНО. Он гостил у нас 12 дней, я возил его показывать Голливуд, как будто «1-ю Совкинофабрику». Но для показа 1-ой фабрики достаточно было 120 минут, а на осмотр голливудских студий не хватило 12 дней...

Голливуд. 7 ноября, 1930 года. Из дневника.
Тринадцатая годовщина Революции. В Москве праздник и холод. В Голливуде жара и будний день.
Год тому назад я сидел больной в Лондоне, писал письмо Подвойскому и читал Пушкина. Необычайно много прошло за этот год. Живя в СССР, я считал американцев, приезжающих к нам, наивными. Теперь мне кажутся наивными выступления моих коллег в Москве.

9 ноября 1930 года. Голливуд. Из дневника.
Утром играл в теннис. Все поздравляют с контрактом «Мэтро». Очевидно, знают из газет. Завтракал у нас Сидней Берстейн. Познакомились с Борзеджем, его «Юмореска» в свое время потрясла нас. Снимались на берегу с Флаэрти, с карликами и еще десятком незнакомых людей. Как на грех пришел актер, игравший министра во вчерашней картине, жевавший жвачку. Он сказал, что хочет в СССР, но боится нам сказать; убежден, что десятки людей говорят нам об этом.
Познакомился с Ольгой Чеховой. Она недовольна Голливудом. Нет, говорит, здесь духовной и культурной жизни... Очень было с ней приятно говорить, много в ней очарования, которое присуще только русским женщинам, да еще из МХТа. Выглядит она молодо, гораздо моложе, чем думал.

6 декабря. Путь в Мексику. Из дневника.

Мы думали, старая Россия – отсталая страна... Мексика изменила наше мнение. Здесь беднота такая, которой нельзя и представить и поверить. Сказочная беднота. Обуви нет, ходят босиком, или в сандалях на веревочках. Широкополые шляпы, пледы красные и клетчатые, белые штаны и рубахи. Ракурсы и медлительность людей. Тропические пейзажи. Все это делает Мексику живописной, оригинальной и замечательной для нашей работы.

Множество орлов, которые сидят на кактусах стаями.

Герб Мексики – Змея, Орел и Кактус.

Поэтому решаем, что змей здесь тоже много, да и природа этому тоже соответствует.

Дорога идет по берегу океана. Тихий океан, действительно, тихий и растительность подходит до самой воды. В заливах ходят длинноногие и длинноносые птицы, похожие на цапель.

Поезд останавливается в чистом поле, мы недоумеваем. Оказывается, станция... Где станция? – Вот, показывает проводник. И действительно, стоит столбик, на столбике дощечка, мелом написано название станции. Кругом натуральная природа, ни домов, ни построек. Стоим положенное время и едем дальше, не ссадив и не прияв ни одного пассажира. Но, говорят, иногда здесь бывают пассажиры.

Мексика. 30 декабря. 1930 года. Из дневника.

Во время прогулки моя лошадь понесла и все мои старания остановить ее, не помогли. В одной руке я держал фотоаппарат, в другой – уздечку. Лошадь неслась карьером, кактус бил меня по лицу, ноги вылетели из стремян. Лошадь перепрыгнула через ров и споткнулась, я вылетел из седла через голову лошади и упал на землю. Она перескочила через меня, не задев копытами. Я упал поясницей на фотоаппарат, вскочил я немедленно после падения, но вынужден был опуститься на землю от головокружения и недостатка воздуха. Лошадь пришла назад, обнюхивая меня. Через пять минут я продолжал путь, переменив лошадь.

Мехико. 1 января. 1930 года. Из письма к Ольге Александровой.

Удивительно все же устроена земля. В Москве холод и снег. А здесь в столице Мексики несмотря на горную высоту, тепло и зелено. Что касается нас, то мы изучаем Мексику планомерно и хорошо для того, чтобы сделать картину интересную. Двадцать четыре дня в Мексике, а мне кажется, что прожили целую вечность безостановочно, смотрим, ездим, снимаем, и т.д. Слышали вы, наверное, и о том, что были мы арестованы и сидели сутки в отеле с агентами, которые нас сторожили. Мне и Эйзену пришлось спать в одной постели с агентами, комнаты были отведены маленькие, и в этих комнатах были одиночные постели.

Теперь как будто бы все успокоилось и можно будет снимать фильм, я в этой жизни разучился верить чему бы то ни было... Но научился относить ко всему волнующему обычно людей, и поэтому все происшествия меня не волновали и не трогали.

Мехико. 5 марта 1931 года. Из дневника.

Не успел отправить письмо из Мехико, улетели срочно на аэроплане в Юкатан. Полет был тяжелым, было жарко и качало, но интересно было лететь над тропическими лесами, смотреть на стаи птиц, зверей и рыб в океане. С аэроплана все это выглядит странно, но тем более интересно. Сегодня снимали тореодоров, бой быков еще будем снимать 10 дней.

Мерида-Юкатан-Мехико, 12 марта, 1931 года. Из дневника.

Сегодня мы вернулись из экспедиции, которую проделали на лодках, путешествуя вдоль берегов Атлантического океана и Мексиканского залива. Экспедиция была жестокой потому, что нам пришлось бороться с москитами и морскими волнами, есть всякую ерунду, спать под открытым небом на пляже. Мы ловили рыбу удивительную по форме и краскам. Видели болота, в которых живут фламинго, те птицы, которых я обожаю с ребяческих времен за элегантность формы и красоту раскраски.

Сегодня мы в Мериде для того, чтобы переменить белье в наших походных мешках, набрать провизии и побриться. Завтра в четыре часа утра уходит наш поезд в Чеченицу, к пирамидам.

Картина получается интересная, надо полагать, что мы не подкачаем и в дальнейших съемках, чтобы закончить ее в таком духе...

Ицамаль-Мехико. 24 апреля 1931 года. Из дневника.

Мы в маленьком городе Ицамаль в стране Юкатан, вдали от мирской суеты и современной культуры. В окружении старых испанских монастырей, индейских пирамид и прочей древности. Снимаем замечательно. Работа здорово повысилась в качестве, мы куда артистичнее работаем, чем в прежние времена. Правда, и материал сногсшибательный. Вот сегодня снимали куски похорон, и я убежден, у тебя вырвется восклицание, когда увидишь это на экране. Пирамиды сняты здорово! Получаем телеграммы из Голливуда, где проявляется и печатается в лаборатории материал. Эптон Синклер и другие наши друзья восторженно поздравляли нас с успехом. Работаем мы зверски. Встаем чуть свет, утомляемся на солнце до невозможности и ложимся с петухами. Вот уж я не помню, когда мы спали в доме. Спим на открытом воздухе в походных кроватях или в гамаках. От этого мы здоровеем и дичаем. У Эйзена уже большая борода. Если мы не испортим накопленного нами здоровья какой-либо болезнью, которую легко подхватить и в еде, и в работе, то наши организмы будут подобны бычьим.

В Юкатане мы кончаем работать через четыре-пять дней, и едем в Мехико-сити, где определяются наши дальнейшие пути и плавания.

Думаю, что материал нас заставит задержаться в Мексике еще на один месяц. Было бы преступлением не снять найденных нами вещей, тем более, что едва ли мы будем в этих местах в течение наших жизненных путей. Да и хочется в конце-концов сделать картину так, как мы ее понимаем до конца, без урезания плана и без сокращения сметы. Все возможности к этому есть. Денег на картину хватает. Если выяснится после этой картины, что наши изыскания художественного порядка не доходят до Киногазеты, то нам более нечего делать в области кино. А пока я должен заняться бутафорской работой и подкрасить маски мертвецов для завтрашней съемки, которая начинается в 6 часов утра.

Дугласу наказ: интересоваться всем, смотреть как можно больше, спрашивать обо всем и добиваться ответов. Если так не будет, то трудно будет жить потом. Другие ребята в его возрасте говорят на двух языках. Это он должен знать и говорить тоже...

Мехико-сити, 10 августа, 1931 года. Из писем к Ольге.

Я всегда начинаю делать что нужно для работы, а потом оказывается, что сил на свои собственные дела и не хватает. Так было последнее время. Поэтому я тебе не мог написать. И вот сегодня я все же отложил множество дел для того, чтобы написать письма....

Итак, здоровье мое все лучше и лучше, силы возвращаются в мои мускулы довольно быстро. Погода налаживается с моим здоровьем и три дня тому назад Эйзен и Тиссэ начали съемки в гасиенде, для того чтобы дней через 8-10 закончить. Затем мы поедем опять в тропики на берег Тихого океана, и там мне удастся поправиться окончательно. Фактически мое лечение кончилось, доктора проверяют мое состояние ежедневно. Если погода поправится, так как она делает сейчас, то мы скоро закончим оставшиеся два эпизода, две новеллы нашей фильмы. Показали цензуре 30 000 метров снятого материала и пришли к выводу, что технически и артистически эта фильма будет лучшей из всех тех, которые довелось нам сделать в своей жизни. Но для того, чтобы не испортить начало и конца фильмы, нам надо мобилизовать все наше терпение, выдержку и закончить работу спокойно, не поддаваясь панике, которую нам внушает погода без солнца.

Мы сейчас работаем исключительно для кино... этим я хочу сказать, никаких комфортов, никаких удобств и заработков с нашей работой нет. Мы живем и работаем в более худших условиях, чем у нас в стране, но материал такой, что мы переносим все лишения и болезни потому, что верим в важность наших трудов.

14 ноября, 1931 года. Мехико-сити. Из дневника.

Работаем, как черти. От солнца слезает кожа каждую неделю и можно сказать определенно, что мексиканское солнце «спустило с нас семь шкур». От этого морды наши и особенно носы похожи на географические карты, и в минуты перерывов мы определяем по ним дорогу нашу, в Москву...

Солнце светит каждый день наверняка, за ним задержки не будет. Даже странно как-то, после дождливого сезона иметь «верное» солнце... ах, ты, шутница, ты думаешь у нас 10 копеек нет? Речь идет не о таких деньгах, а намного больше, но все же жизнь смешна. Например, у нас замечательный автомобиль «кадиляк», едешь в таком блестящем оформлении, а в кармане ни гроша, вот почему смешно-то! Но 10 копеек всегда найдется для того, чтобы выкупить письмо любимой жены...

Григорий Александров и Чарли Чаплин. Калифорния, Голливуд. Прогулка по Тихому океану

Чаплин и Гр.Александров у бассейна на вилле актера. 1930

Гр.Александров, Чарли Чаплин, Л.Орлова. 1964

Надежда АНДРЕЕВА

ВТОРАЯ МУЗА

О «русской француженке» Татьяне Яковлевой, знакомство с которой сыграло роковую роль в судьбе и гибели Маяковского.

Новые материалы.

Уход из жизни ярчайшей личности, гениального поэта Маяковского, был шоком для современников. Совершенно не вязалась поставленная им «точка пули» с образом «горлана-главаря», вольготно, по-хозяйски чувствовавшего себя в новом советском государстве – «моя революция!» Эхо рокового выстрела так же, как это было с Пушкиным, прокатилось далеко в будущее.

Бессмертие великих в том, что они остаются с нами не только своими делами, но и опытом жизни. В частных разговорах мы ссылаемся на какие-то подробности из биографий известных людей, и это, как правило, самые сильные аргументы в споре. «Мандельштам считал… Булгаков был уверен… Чехов заметил…» И так далее. Неординарные люди не исключаются из бесконечности времени, и мы, как по компасу, сверяем по ним свои представления о жизни. Великие личности оставляют нам в наследство обозначение пределов приемлемого, преодолимого, возможного, допустимого, желаемого. Ведь все познается в сравнении, человек не может жить без примера, точки отсчета. Любая подробность, приближающая к нам жизнь Личности, имеет неоспоримую ценность, любая идет в дело создания образца, на оселке которого потомки отточат понятия о добре и зле.

Уход из жизни ярчайшей личности, гениального поэта Маяковского, был шоком для современников. Совершенно не вязалась поставленная им «точка пули» с образом «горлана-главаря», вольготно, по-хозяйски чувствовавшего себя в новом советском государстве – «моя революция!» Эхо рокового выстрела, так же, как это было с Пушкиным, прокатилось далеко в будущее. Слишком много неразрешенных вопросов связано с тем, что произошло в Лубянском проезде 14 апреля 1930 года, и касается это нас сегодняшних не меньше, чем современников. Попробуем же, оттолкнувшись от новых материалов, воскрешающих прошлое в некоторых неизвестных ранее бытовых подробностях, ощутить время и приблизиться еще на шаг к пониманию происшедшего, не спеша поразмышлять о случившемся, захватывая даже далеко лежащие пласты этой нестареющей реальности.

Татьяна Яковлева и Владимир Егоров

Архив на Сходненской

Обилие старинных вещей, картин, фотоснимков, рукописей делает квартиру волшебной. Рассматривая и перебирая их, мы незаметно для себя переступаем невидимую границу, отделяющую сегодняшний день от вчерашнего, и оказываемся в зазеркалье с бесконечной обратной перспективой. Вот когда с особой остротой чувствуется, что ограниченность срока жизни отдельного человека никак не влияет на общий ее поток – неделимый и бессмертный.

Квартира, где мы с хозяином несколько часов подробно рассматриваем семейный архив, находится в обычной панельной девятиэтажке окраинного района Москвы, у метро «Сходненская». Владельца обширного собрания фотографий и рукописей зовут Всеволод Маркович Егоров-Федосов. Он – потомок старинного рода Армандов, члены которого оставили след в истории, науке и культуре России. Широко известной стала эта фамилия, в том числе благодаря Инессе Федоровне Стеффен-Арманд – революционерке, соратнице и близкому другу В.И.Ленина. Отец Всеволода Марковича, Марк Владимирович Федосов, был сыном Веры Евгеньевны Арманд – одной из шести дочерей (было еще шесть сыновей) Евгения Евгеньевича Арманда (1840 – 1919), промышленника, землевладельца – основоположника центрального ствола в генеалогическом древе этой семьи.

Но пока нас больше интересует первая часть фамилии Всеволода Марковича – Егоров. Она досталась ему от матери, Любови Николаевны Павши, первым мужем которой был Владимир Дмитриевич Егоров из семьи потомственных пензенских дворян. И вот тут, как в игре «горячо-холодно», температура заметно ползет вверх. На нескольких фотографиях начала прошлого века, изображающих В.Д.Егорова, рядом с ним – знакомое лицо. Да, это она – Татьяна

Алексеевна Яковлева, мимо которой не прошел ни один исследователь последних двух лет жизни Маяковского. Ведь его гибель напрямую связывают с тем, что их брак, которого он так страстно желал, не состоялся.

В 2003 году в Государственном музее Маяковского была организована выставка под названием «Тата», где экспонировалось множество документов, касающихся биографии Татьяны Яковлевой. В том числе, впервые были представлены адресованные ей телеграммы, письма, рисунки, записки Маяковского, переданные в музей ее дочерью Френсис дю Плесси-Грей. Большинство материалов касалось жизни Яковлевой после знакомства с Маяковским. А какой она была до встречи с ним? Интересный и неожиданный ответ на этот вопрос дает архив В.М.Егорова- Федосова и написанная его дочерью Валерией Корябиной (с помощью отца) небольшая книжка – «Рядом с поэтом» (издана в 2003 году за свой счет тиражом 350 экз.). Но сначала коротко напомним о характере взаимоотношений Т.Яковлевой и В.Маяковского.

«Ты одна мне ростом вровень...»

Они познакомились в конце октября 1928 года в Париже. За три года до этого Татьяна приехала сюда из России по вызову дяди, известного художника Александра Яковлева. Ее мать Л.Н.Орлова и младшая сестра Людмила остались в Пензе, куда семья архитектора, офицера инженерных войск Алексея Евгеньевича Яковлева (из того же дворянского рода Яковлевых, к которому принадлежал Герцен) переехала после Петербурга и Вологды. Из писем Татьяны к матери в Пензу и стали известны многие подробности ее романа с Маяковским, который начался сразу же, в день их знакомства.

К этому времени отношения поэта с его первой и бессменной музой Л.Ю.Брик, продолжавшиеся с 1915 года, претерпели значительные изменения. Огромная любовь, благодаря которой появились на свет «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Про это» и другие шедевры любовной лирики, превратилась в дружескую связь, накопившую за столько лет едва ли не больше боли, чем радости. «Только большая, хорошая любовь может спасти меня», – как-то сказал поэт в разговоре со своим другом Р.Якобсоном. «Жизнь втроем», то есть с Лилей Брик и ее мужем О.Бриком, стала тяготить поэта. Попытки сделать «ход конем» в сторону от Лили Юрьевны Маяковский предпринимал не единожды. И всякий раз его повелительница резко и решительно говорила «тубо!» собакам озверевшей страсти», если воспользоваться строчками его же стихов. «Володя, пожалуйста, не женись всерьез», – просила она его, когда в 1927 году до нее дошли слухи о романе с красавицей Наташей Брюханенко, сотрудницей Госиздата. Любой совет такого рода, исходящий от Лили, Маяковский «считал себе приказом», и, пока он находился в России, контроль «первой музы», хотевшей остаться единственной в его жизни, был вполне осуществим. Впервые Щен (так называла его Лиля) особенно сильно «натянул поводок» в 1925 году в Америке, влюбившись в русскую американку Элли Джонс. У них даже родилась дочь Елена Патриция. Вторая встреча «с двумя Элли» состоялась у Маяковского как раз в 1928 году во Франции. Зная об этом и предвидя возможность серьезного развития отношений, Лиля Юрьевна решила отвлечь его знакомством с русской красавицей Т.Яковлевой, в чем ей и помогла давно уже жившая в Париже сестра Эльза. Она устроила встречу Маяковского с Яковлевой в надежде, что русская красавица-парижанка послужит хорошим громоотводом от нежелательной для Лили привязанности поэта к Элли Джонс. Но, вместо того, чтобы ограничиться двумя-тремя ужинами в ресторанах, знакомство с Татьяной переросло в любовь, да какую! Уже через две недели на свет появились стихи, в которых поэт снова поднялся на лирические высоты, до того покоренные им только в поэмах и стихах, посвященных «Лиличке».

«Ты одна мне ростом вровень, / стань же рядом / с бровью брови, / дай про этот важный вечер / рассказать по-человечьи…».

И еще десятки обжигающих страстью, восторгом и преклонением перед предметом своей любви строк в стихах «Письмо товарищу Кострову о сущности любви» и «Письмо Татьяне Яковлевой».

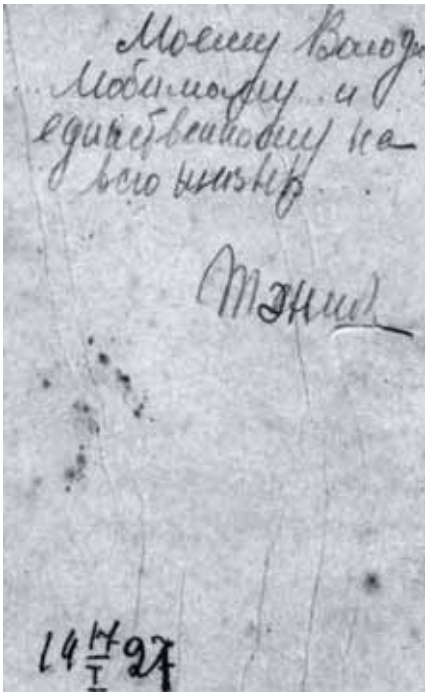
Сказать, что стихи не понравились Лиле Юрьевне, значит не сказать ничего. Со слов современников известно, что она расценила его поступок как двойное предательство. «Я никогда не прощу Володе двух вещей, – говорила она впоследствии, – он приехал из-за границы и стал в обществе читать новые стихи, посвященные не мне, даже не предупредив меня». «Ты в первый раз меня предал!» – эти резкие слова бросила она ему по возвращении. Современники упоминают и горы битой посуды, оставшиеся после тяжелого для обоих разговора. Свобода отношений, которая декларировалась в этой удивительной «тройной» семье, распространялась в равной степени на всех ее членов (и более всех пользовалась ею Лиля Юрьевна), но бесповоротный уход был немыслим, а именно его и задумал Маяковский, насмерть влюбившийся в Татьяну Яковлеву. В то время ей шел 23-й год, и все в ней как по мерке было создано под стать Маяковскому. Высокая, длинноногая, яркая, красивая, она была жизнерадостной, общительной, остроумной. Говорила «захлебываясь», знала наизусть десятки стихов русских поэтов, в том числе самого Маяковского. С первой встречи стало ясно, что в жизнь обоих вошло что-то очень серьезное и большое. Около полутора месяцев провели они вместе. Потом Маяковский уехал, и были письма, телеграммы, мечты о новом свидании. Оно состоялось в марте 1929 года. Тогда разговоры о пе-

реезде Яковлевой в Россию и женитьбе на ней Маяковского вплотную приблизились к реальности. Окончательное решение должно было быть принято осенью того же года, но, как известно, Маяковский в Париж не поехал. Лиля Юрьевна сделала для этого все, что могла.

Судя по материалам, в последнее время широко опубликованным в ряде изданий, она не только (вместе с О.Бриком) сочинила очередной «громоотвод» в лице юной актрисы МХАТа Вероники Витольдовны Полонской, познакомив ее с Маяковским, но с помощью сестры ввела его в заблуждение, сообщив о свадьбе Татьяны, в действительности состоявшейся гораздо позже. Яковлевой, в свою очередь, при содействии все той же Эльзы, донесли о его встречах с Полонской. Есть версия, что крайне важная для обоих влюбленных, третья поездка Маяковского в Париж сорвалась стараниями Лили Юрьевны, на этот раз прибегшей к содействию очень близкого ей всесильного начальника политотдела ОГПУ Я.Агранова. Маяковскому то ли отказали в визе, то ли он не стал ее вообще добиваться, понимая безнадежность ситуации.

Но даже эти крайние меры не могли удержать принципиально рвущегося с поводка на волю «Щена». 4 апреля 1930 года он вносит деньги на кооперативную квартиру в Лаврушинском переулке, куда собирается буквально сбежать, на этот раз с Полонской. Это событие, произойди оно в действительности, моментально изменило бы статус Лили Юрьевны в жизни поэта. Из первой и единственной музы она превратилась бы в «одну из» женщин Маяковского, к тому же отнюдь не жену – ведь они никогда официально не регистрировали отношения. Материальное благополучие «тройной» семьи, обеспечивавшееся Маяковским по высшему разряду (например, из Парижа для Лили в 1928 году был привезен заказанный ею «автомобильчик» – редкостная и очень дорогая по тем временам вещь) так же неминуемо рухнуло бы.

В конце зимы 1930 года Брики уехали за границу навестить мать Лили Юрьевны, срок визы истекал 18-го апреля. А «14-го числа весеннего месяца нисана» Маяковского не стало (по одной из версий Булгаков, не веривший в самоубийство, нарочно обращает внимание будущих читателей именно на это число в своем романе «Мастер и Маргарита»). Земная жизнь Маяковского закончилась, и в истории навсегда остался известный тандем Поэта и его



«единственной» Возлюбленной.

В день смерти Маяковского в адрес Лили Юрьевны, уже находившейся на пути домой, полетела телеграмма: «Сегодня утром Володя покончил собой. Лева, Яня». Ее послали Лев Гринкруг и Яков Агранов – чекисты, ближайшие друзья семьи.

Вышедшие на следующий день газеты причины самоубийства назвали «личными», к профессиональной деятельности отношения не имеющими. Иными словами, «ищите женщину». Официальное литературоведение считало такой женщиной то ли Полонскую, промедлившую с окончательным «да», то ли Яковлеву, слишком быстро вышедшую замуж. Мудрая Анна Ахматова говорила по этому поводу – «когда так много женщин, из-за несчастной любви не стреляются». Если искать в этом деле роковой след женщины согласно не раз оправдывавшейся французской поговорке, то вряд ли он принадлежит Веронике Витольдовне или Татьяне Алексеевне. Одно перечисление несуразностей, обнаруживающихся при расследовании обстоятельств этого «самоубийства», занимает несколько страниц. Но разбор их не входит в нашу задачу, она гораздо скромнее. Вернемся к архивным материалам, хранящимся в доме на Сходненской.

Тэник

Тата (с ударением на последнем слоге), Таник (из писем Маяковского), виконтесса дю Плесси (по первому мужу), Татьяна Либерман (вторичный брак) – под этими именами известна Татьяна Яковлева всем исследователям творчества Маяковского. Но мало известным остается факт, что до отъезда в Париж она была еще и Тэником – так называл ее Владимир Егоров, ставший ее первой большой любовью. Почему об этом можно говорить с уверенностью? Давайте прочитаем надписи на снимках, подаренных Татьяной своему «первому» Владимиру. «Моему Володику …любимому и единственному на всю жизнь. Тэник». «Моему Володе, давшему счастье быть любимой и моему укротителю». «Моему Волику… моему любимому мальчику… от Тэни, которая никогда не сможет его забыть». Последний снимок влюбленных датирован 19 июня 1925 года, а в конце июля Татьяна уже была в Париже. Она вынуждена была уехать, так как жизнь в послереволюционной России была крайне сложной, а у нее ко всему развился туберкулезный процесс в легких. Само количество снимков, оказавшихся в семье Егоровых-Федосовых (их около двадцати), говорит о том, что связь между пензенским Владимиром и Татьяной была много-

летней и прочной. Она отдала ему даже свои детские фотографии, где снята одна или с матерью, сестрой. Есть несколько ее портретов в 19-летнем возрасте, когда, как видно, и достигли апогея взаимоотношения любящих. На детском снимке надпись: «Володик милый! Эта карточка – напоминание тебе о «минутках» твоей ранней юности и моего детства».

К 1928 году Владимир Егоров переехал в Москву и женился на Л.Н.Павше. Они жили на Покровке, в Сверчковом переулке. О том, что Любовь Николаевна не шутя ревновала мужа к Яковлевой, говорит тот факт, что она разрезала снимки влюбленных по контуру, отделив Татьяну от Владимира. Сейчас фотографии склеены, но линия разреза проступает четко. Это так же является косвенным свидетельством того, что Владимир Дмитриевич не скрыл от жены свою связь с Яковлевой. Она и через несколько лет после разлуки занимала место в его сердце и, наверное, не покинула совсем, вплоть до смерти В.Егорова от туберкулеза в 1931 году.

Внешне Любовь Николаевна Павша ничем не напоминала эффектную блондинку Яковлеву. Но вот внутренне – пожалуй. Всеволод Маркович Егоров-Федосов рассказывает, что мать была жизнерадостным, сильным, талантливым человеком. Работала в институте рыбного хозяйства и океанографии, защитила кандидатскую диссертацию. Это она разработала технологию получения инсулина из поджелудочной железы кита. Практическую пользу такого открытия трудно переоценить. Одним из ее изобретений является разработка способа производства рыбного клея. Любовь Николаевну любили сотрудники и все, кто близко соприкасался с этой чуткой, отзывчивой женщиной, обладавшей к тому же чувством юмора, умевшей жить широко и радостно. Единственный сын Егоровых – Валерий – стал музыкантом, много лет работал художественным руководителем эстрадных коллективов.

Яковлева, в свою очередь, профессионально состоялась в жизни, стала ведущим дизайнером моды в шляпном бизнесе, более 20 лет проработала в нью-йоркском магазине «Сакс на 5-й авеню». Ее изделия носили аристократки и известные актрисы (Марлен Дитрих, Эдит Пиаф). Евтушенко, Вознесенский, Бродский, Барышников, Ростропович приходили к ней в гости уже в 60-х годах с тем, чтобы послушать в ее исполнении русские стихи, выразить восхищение второй музой гениального поэта.

Итак, между 1928 и 1929 годами, когда личная жизнь Маяковского напрямую зависела от «да» или «нет» русской парижанки Татьяны Яковлевой, был в Москве еще один человек, для которого ее имя тоже много значило. Маяковский не знал этого человека. Но если бы фотографии, хранившиеся в Сверчковом переулке, попали ему в руки, то ревность его, вероятно, превзошла бы ту, что заставила Любовь Николаевну разрезать снимки влюбленных. Даже в первом стихотворении, адресованном Яковлевой, он ревнует ее, упоминая «ужины с нефтяниками» (за Татьяной ухаживал нефтяной магнат Манташев) и «поезда до Барселоны» (туда провожала Татьяна на гастроли Шаляпина и свою тетю Александру, певицу, выступавшую с ним на одной сцене).

Ревность Маяковского сопоставима по силе разве только с отчаянием Лили Юрьевны, прочитавшей строки стихов, которые в чтении поэта слышала «вся Москва»: «мне любовь не рай да кущи, мне любовь гудит про то, что опять в работу пущен сердца выстывший мотор». Или: «ты одна мне ростом вровень, стань же рядом с бровью брови». Значит, на долю Лили Юрьевны приходился «выстывший мотор», а какая-то Яковлева (знакомы без году неделя!) ОДНА становилась рядом.

«Элик! – так начинается письмо обеспокоенной первой музы сестре в Париж 17 декабря 1928 года (Маяковский только что, 8 декабря вернулся в Москву после первой встречи с Яковлевой). – Напиши мне, пожалуйста, что это за женщина, по которой Володя сходит с ума, которую он собирается выписать в Москву, которой он пишет стихи (!!) и которая, прожив столько лет в Париже, падает в обморок от слова merde!? Что-то не верю я в невинность русской шляпницы в Париже! Никому не говори, что я тебя об этом спрашиваю, и напиши обо всем подробно. Моих писем никто не читает».

Интуитивно Лиля Юрьевна определила, что жизнь сердца началась у соперницы задолго до встречи с Маяковским, он действительно не был первым увлечением Яковлевой. Вела она счет поклонникам и в Париже, озабоченно делясь с матерью своими расчетами: «У меня сейчас масса драм. Если бы я даже захотела быть с Маяковским, то что стало бы с Илей, кроме него есть еще двое. Заколдованный круг!»

К большому огорчению Лили Юрьевны, любовное сумасшествие Маяковского только усилилось после второй встречи с «русской француженкой». «Таник родной и любимый, – писал он ей летом 1929 года, – не забывай, что мы совсем родные, и совсем друг другу нужные». И вот тогда на сцену выпустили Полонскую. Дочь известного актера немого кино, нежная, кроткая, хорошенькая Вероника Витольдовна несколько напоминала внешне Татьяну, ей тоже было немногим больше 20 лет. Она недавно снялась в фильме «Стеклянный глаз», сценарий которого написала Лиля Юрьевна. В отличие от Яковлевой, Полонская уже была замужем за актером МХАТа М.Яншиным, и это позволяло надеяться, что связь не станет фатальной, из «семьи» не уведет, зато отвлечет поэта от парижской искусительницы. Расчет, тем не менее, не оправдался. Маяковский был готов уйти даже с Полонской, разрушив ее брак. Впечатление такое, что для него уже не имело особого значения с кем – лишь бы оторваться, наконец, от Бриков, оказаться на свободе.

Эх, не знала Лиля Юрьевна про Егорова! Это был бы безошибочный ход, на тему

которого можно даже пофантазировать. Ревность к сопернику, к тому же жившему в Москве, вполне могла остудить пыл поэта. «Вторым Володей» он бы вряд ли захотел стать. Не зря ведь писал: «В черном небе молний поступь, гром ругней в небесной драме, не гроза – а это просто ревность двигает горами. Глупых слов не верь сырью, не пугайся этой тряски, я взнуздаю, я смирю чувства отпрысков дворянских».

В истории сослагательного наклонения не бывает, это правильно. Рассуждения же эти просто позволяют еще раз высветить расстановку сил накануне трагедии. И взглянуть на ситуацию, освободившись от навязанных ортодоксальным советским литературоведением стереотипов. Воспринять ее как живую и понятную, движимую железной логикой человеческих характеров.

Убит?

«Смерть превращает жизнь в судьбу», – факт, давно отмеченный философами. Роковой выстрел 14 апреля 1930 года, независимо от того, чьей рукой он был произведен (на этот счет по сей день нет единого мнения), вычеркнул все неважное, бытовое, преходящее и возвысил жизнь поэта до метафизически законченного текста, отлил в пример судьбы шекспировской силы. Именно поэтому так важно разобраться в механизмах происшедшего. Сюжет этой жизненной трагедии должен получить четкое разрешение.

В юности Маяковский не раз аффектированно говорил о самоубийстве, но, став взрослее, написал: «…и в пролет не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать».

Почему в милицейском протоколе, составленном в день его смерти, значится маузер под №312045, а в уголовном деле фигурирует браунинг №268992? Почему показания Полонской, находившейся с ним в последние минуты жизни, не совпадают с ее же воспоминаниями, написанными в 1938 году? И что означает опубликованное в одном из малотиражных журналов интервью с ней 1964 года под заголовком: «Вероника Полонская: Маяковский был убит»? Что имела в виду Анна Андреевна Ахматова, собиравшаяся написать о хорошо знакомой ей Полонской статью «Невинная жертва»? И почему она все же не написала ее? «Его надо было убрать. И его убрали», – почему сделал эту запись в своем дневнике режиссер С.Эйзенштейн? Почему в своих воспоминаниях художница Е.Лавинская, близкая к Маяковскому и Брикам, так нелицеприятно пишет о Лиле Юрьевне, буквально «исходящей злостью и слезами из-за страха упустить Маяковского»? А начинается ее рассказ фразой: «В том году великий поэт был окружен врагами, которые давили, сжимали в психологические тиски (многого мы не знаем), и самоубийство 14 апреля – это убийство…» Перечисление других вопросов подобного рода заняло бы несколько страниц. Четких ответов на них пока нет.

Прошлое цепко держит свои тайны. Это касается даже архива Егорова, в котором, казалось бы, все понятно. Кто прислал на имя Владимира Дмитриевича в Сверчков переулок письмо с революционными стихами, характерными для тех лет – «Безрассудно – бестолково… Снова… Снова… Ново… Ново… Быстро! Смело! Горячо! Разошлось во все плечо! Без раздумья! Без оглядки! С удалого взятки гладки!» и т.д. (Известно, например, что Татьяна Яковлева в ранней юности писала стихи). Почему портрет Татьяны 1925 года переклеен на паспарту и на нем стоит написанная ее рукой уже другая дата: 17 января 1927 года. Неужели они общались даже тогда?

Ответы на все эти бесконечные вопросы когда-нибудь будут даны. И, может быть, будущему исследователю поможет в том числе архив на Сходненской, по-новому освещающий образ второй музы поэта, знакомство с которой стало детонатором выстрела, прозвучавшего в тот трагический весенний день в «комнатенке-лодочке» на Лубянском проезде.

Автор выражает благодарность В.М.Егорову-Федосову за предоставленные снимки и рассказ о семье.

Библиография:
Б.Сарнов, Самоубийство, М., 2006 г;
С.Коваленко, «Звездная дань». Женщины в судьбе Маяковского, М., 2006;
А.Ваксберг, Загадка и магия Лили Брик, М., 2004;
ТАТА, сборник материалов выставки в Госмузее им. Маяковского, составитель А.Аксенкин, М., 2003;
В.Скорятин, Тайна гибели В.Маяковского, М., 1994 г.;
Б.Горб, Шут у трона революции, «Улисс-Медиа», 2002 г.
В.Корябина, Рядом с поэтом, М., 2003.

В. Маяковский

Письмо Татьяне Яковлевой

В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть.
Я не люблю
парижскую любовь:
любую самочку
шелками разукрасьте,
потягиваясь, задремлю,
сказав -
«тубо» -
собакам
озверевшей страсти.
Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор,
вымер
город заселенный,
слышу лишь
свисточный спор
поездов до Барселоны.
В черном небе
молний поступь,
гром
ругней
в небесной драме, -
не гроза,
а это
просто
ревность
двигает горами.
Глупых слов
не верь сырью,
не пугайся
этой тряски, -
я взнуздаю,
я смирю
чувства
отпрысков дворянских.
Страсти корь
сойдет коростой,
но радость
неиссыхаемая,
буду долго,
буду просто
разговаривать стихами я.
Ревность,
жены,
слезы…
ну их! -
вспухнут веки,
впору Вию.
Я не сам,
а я
ревную
за Советскую Россию.
Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка
лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты -
ста мильонам
было плохо.
Мы
теперь
к таким нежны -
спортом
выпрямишь не многих, -
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает
длинноногих.
Не тебе,
в снега
и в тиф
шедшей
этими ногами
здесь
на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.
Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет
нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму -
одну
или вдвоем с Парижем.

1928

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви.

Простите
меня,
товарищ Костров,
с присущей душевной ширью,
что часть
на Париж отпущенных
строф
на лирику
я
растранжирю.
Представьте:
входит
красавица в зал,
в меха
и бусы оправленная.
Я
эту красавицу взял
и сказал:
- правильно сказал
или неправильно? -
Я, товарищ, -
из России,
знаменит в своей стране я,
я видал
девиц красивей,
я видал
девиц стройнее.
Девушкам
поэты любы.
Я ж умен
и голосист,
заговариваю зубы -
только
слушать согласись.
Не поймать
меня
на дряни,
на прохожей
паре чувств.
Я ж
навек
любовью ранен -
еле-еле волочусь.
Мне
любовь
не свадьбой мерить:
разлюбила -
уплыла.
Мне, товарищ,
в высшей мере
наплевать
на купола.
Что ж в подробности вдаваться,
шутки бросьте-ка,
мне ж, красавица,
не двадцать,
тридцать…
с хвостиком.
Любовь
не в том,
чтоб кипеть крутей,
не в том,
что жгут угольями,
а в том,
что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями.
Любить -
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить -
это с простынь,
бессонницей
рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Иванны,
считая
своим
соперником.
Нам
любовь
не рай да кущи,
нам
любовь
гудит про то,
что опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор.
Вы
к Москве
порвали нить.
Годы -
расстояние.
Как бы
вам бы
объяснить
это состояние?
На земле
огней - до неба…
В синем небе
звезд -
до черта.
Если б я
поэтом не был,
Я бы
стал бы
звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжицу.
Мчат
авто
по улице,
а не свалят наземь.
Понимают
умницы:
человек -
в экстазе.
Сонм видений
и идей
полон до крышки.
Тут бы
и у медведей
выросли бы крылышки…
И вот
с какой-то
грошовой столовой,
когда
докипело это,
из зева
до звезд
взвивается слово
золоторожденной кометой.
Распластан
хвост
небесам на треть,
блестит
и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
на звезды
смотреть
из ихней
беседки сиреневой.
Чтоб подымать,
и вести,
и влечь,
которые глазом ослабли,
чтоб вражьи
головы
спиливать с плеч
хвостатой
сияющей саблей.
Себя
до последнего стука в груди,
как на свиданье,
простаивая,
прислушиваюсь:
любовь загудит -
человеческая,
простая.
Ураган,
огонь,
вода
подступают в ропоте.
Кто
сумеет
совладать?
Можете?
Попробуйте…

1928

Надежда АЛЕКСЕЕВА

ПУТЬ НАВЕРХ

Русская эмиграция: первая волна

Начало этой истории обросло мифами и легендами, а рассказала ее впервые правнучка основоположника купеческого рода Елисеевых Петра Елисеевича Касаткина, Мария Григорьевна Тимофеева (в девичестве Елисеева), московскому журналисту А.Рубинову в 1967 году.

Массовый исход из России, какого история страны до этого не знала, начался после революции 1917 года. За границу выехали тогда тысячи людей – правящая элита, промышленники, купцы, военные, писатели, художники, философы, представители дворянских родов, жизнь которых при большевиках подвергалась опасности только из-за происхождения. Судьбы эмигрантов, как на родине, так и за границей, складывались, конечно, по-разному. Перед вами – история известного купеческого рода Елисеевых, создавших к началу XX века крупнейшую торгово-промышленную компанию мира. Она была до основания разрушена революцией. Но, кроме социального катаклизма, в гибели елисеевской империи сыграла свою роковую роль и безумная любовь…

Земляника из зимнего леса

Начало этой истории обросло мифами и легендами, а рассказала ее впервые правнучка основоположника купеческого рода Елисеевых Петра Елисеевича Касаткина, Мария Григорьевна Тимофеева (в девичестве Елисеева), московскому журналисту А.Рубинову в 1967 году.

Как известно, граф Н.П.Шереметев был женат на своей крепостной, актрисе Прасковье Жемчуговой, с которой венчался церковным браком на Рождество 1801 года. После безвременной кончины жены в 1803 году, у графа вошло в обычай в память о ней особым образом отмечать Рождество. Когда гости, собравшиеся за столом Шереметева в один из таких дней, уже отведали разнообразные роскошные угощения, садовник Петр, Елисеев сын, вынес неожиданно еще одно удивительное лакомство – блюдо со свежей земляникой, сопроводив подношение почтительной шуткой о богатых ягодой угодьях имения, кои и в зимнее время плодоносят. Земляника была выращена в оранжерее, но идея подать ее к рождественскому столу была новой и пришлась графу по душе. «Проси чего хочешь!» – говорят, воскликнул он, обведя гордым взглядом именитых гостей: знай, мол, наших! Ожидавший подобной реакции Петр, Елисеев сын, четко выговорил заранее приготовленную фразу: «Прошу, барин, вольную мне дать…». Время было выбрано удачно: слово, данное при таком количестве свидетелей, нельзя было не сдержать, и довольно скоро сообразительный садовник вместе с женой Марией Гавриловной и всем домашним скарбом (трое детей остались в деревне на попечении бабушки) катил на санях по зимнему насту в Санкт-Петербург. Там он остановился у знакомых и буквально на следующий день приступил к коммерческой деятельности, к которой имел врожденный талант.

Погреба на Мадейре

Петр Елисеевич был мастером своего дела, потому оно у него и спорилось. Он не просто хотел заработать деньги предпринимательством, но делал это со вкусом, с любовью, изобретательно, красиво. Тот же вкус, размах, смелость идей будут свойственны его потомкам в двух следующих поколениях. Именно они сделают имя Елисеевых брендом, не утратившим привлекательности по сей день, хотя члены семьи, от которой он пошел, в настоящее время разъехались по свету и коммерцией не занимаются.

Петр, Елисеев сын, купил на деньги, данные графом в придачу к вольной, мешок апельсинов, и вышел на самое бойкое место Санкт-Петербурга – угол Невского и Садовой – с лотком на голове, наполненным оранжевыми экзотическими плодами. Они полыхали, как маленькие солнца, на фоне ослепительно белого снега. Мимо веселого, приветливого продавца и его нарядного товара невозможно было пройти равнодушно, к тому же предлагал его торговец поштучно, за копейку. Довольно быстро начинающий негоциант собрал достаточную сумму денег не только для того, чтобы снять квартиру и выписать к себе детей, но и смог выкупить брата Григория из неволи. Вдвоем братья уже через год основали «Товарищество Елисеевых», объединившись по отчеству: опять коммерческая интуиция подсказала Петру, что певучая фамилия Елисеев воспринимается русским ухом с большею приятностию, чем несколько угловатый «Касаткин», о срединное «т» которого язык поневоле спотыкается.

Еще в деревне священник выучил братьев Петра и Григория читать и считать, так что проблем с бухгалтерией у них не было. В поисках ходового товара Петр совершил путешествие на остров Мадейра и обнаружил там прекрасные вина – их поставкой в север-

ную столицу и занялись новоиспеченные коммерсанты. И опять они взялись за дело с душой и выдумкой. В их магазинах, названных «Колониальные товары», покупателям предлагали бутылки затейливых форм, со старым выдержанным вином – мадерой, мальвазией, верделью. Тут же образовался круг ценителей этого вина, лучше которого в Петербурге было не сыскать. Постепенно в «Колониальных товарах» появились и заморские фрукты: изюм без косточек, фиги, виноград, папайя. Невиданные фрукты не просто продавали, а рекомендовали покупателям с пояснениями, как и для чего их употреблять. Например, пожилым людям объясняли, что ложка свежевыжатого сока папайи, выпитая утром натощак, «бодрит желудок».

Через некоторое время братья приобрели три собственных парусника, позволившие им свободно передвигаться по миру. На них в Россию были перевезены тонны плодов и бочонки вин с берегов Португалии, островов Средиземного моря, из Индии и Африки. Талантливые негоцианты точно вычисляли места, где качественный товар отдавали по символическим ценам. Прибыль после его продажи оказывалась весьма ощутимой. Завистливые конкуренты даже сочинили присловье: «У Елисеевых дороже всего стоит ветер, надувающий паруса их кораблей».

Братья умели не только закупить лучшие фрукты в заморских странах, но и красиво продать их на родине. Плоды с лопнувшей кожурой, подгнившие безжалостно отбраковывались. Покупатель должен был быть уверен, что фрукты у Елисеевых наивысшего качества. Но выбрасывать некачественные плоды хозяева запрещали, чтобы чужие глаза ненароком не увидели. Придумали остроумный выход: в конце каждого рабочего дня приказчики, грузчики, продавцы собирались за одним столом и сообща поедали не сортовой товар: плоды папайи и маракуйи, апельсины и мандарины.

Умер Петр Елисеевич в 1825 году, не дожив до пятидесяти лет. В наследство потомкам он оставил не только собственный дом в Санкт-Петербурге, винные склады, магазины колониальных товаров, но и практическую сметку, редкий талант к предпринимательству. Дело перешло к его сыновьям – Сергею, Григорию и Степану. Все они обладали деловой хваткой, и каждый внес свою лепту в становление торгового дома купцов Елисеевых, особенно Григорий Петрович, после смерти которого фирму возглавил его сын, тоже Григорий, ставший самой заметной фигурой среди всех представителей этого удивительного рода.

Магазин №1

Замысловатая история этого дома описана Гиляровским в книге «Москва и москвичи». Имеется в виду здание на Тверской улице, 14, называвшееся в недавнее советское время магазином №1, или Елисеевским гастрономом. Некогда на этом месте находилось имение князей Вяземских. В 1797 году его откупила, как говорят, за бесценок Е.И.Козицкая, вдова статс-секретаря Екатерины II. Затем его наследовали одна за другой дочь Козицких Анна, бывшая замужем за князем Белосельским-Белозерским и ее падчерица Зинаида, известная в истории под фамилией своего мужа – князя Волконского. Именно в ее салоне в двадцатых годах XIX века собирались литераторы и художники. В доме Волконской бывал и Пушкин, посвятивший ей строчки стихов: «Царица муз и красоты, рукою нежной держишь ты волшебный скипетр вдохновений, и над задумчивым челом, двойным увенчанным венком, и вьется, и пылает гений».

В 1829 году Зинаида Волконская навсегда уехала в Италию, а дом переходил из рук в руки, пока в 1898 году его не приобрел Григорий Григорьевич Елисеев с целью перестроить под магазин, который должен был стать лучшим в России.

Его строительство продолжалось три года, и все это время здание было закрыто от любопытствующей публики высоким забором. Он был снят в один прекрасный день лета 1901 года, когда при стечении огромного количества народа, именитых гостей, духовенства магазин был открыт. В.Гиляровский в качестве корреспондента газеты «Россия» подробно описал это событие.

«Нечто фантастическое представляла собой внутренность двусветного магазина. Для него Елисеев слил нижний этаж с бельэтажем, совершенно унич-

тожив зал и гостиные бывшего салона Волконской, и сломал историческую беломраморную лестницу, чтобы очистить место елисеевским винам».

А вот как описывает автор репортажа выставленные на продажу продукты: «Горами поднимаются заморские фрукты; как груда ядер, высится пирамида кокосовых орехов, с голову ребенка каждый; необъятными, пудовыми кистями висят тропические бананы; перламутром отливают разноцветные обитатели морского царства – жители неведомых океанских глубин, а над всем этим блещут электрические звезды на батареях винных бутылок, сверкают и переливаются в глубоких зеркалах, вершины которых теряются в туманной высоте». В «Елисеевском» было 3 зала и 5 отделов: колониальные товары, бакалея, гастрономические товары и тут же хрусталь, кондитерский и фруктовый (собственная пекарня работала тут же, во дворе).

Посетителями магазина были, конечно, люди состоятельные, которые сюда, как рассказывают, «не приходили, а приезжали». Привлекал их не только разнообразный ассортимент, но, в первую очередь, «маркетинг», разработанный Г.Елисеевым. Он унаследовал от предков вкус к торговле и потому сделал ставку на индивидуальный подход к каждому гостю. Приказчиками назначил людей пожилых, одного возраста с предполагаемыми покупателями, опытных, компетентных, вежливых. Продавцы знали имена-отчества практически всех посетителей, они отвечали тем же. Вот как описывает Гиляровский диалог между Ольгой Садовской, «пользовавшейся особым почетом как любимая артистка», и одним из приказчиков:

«– Что прикажете, Ольга Осиповна?

– А вот что, ты уж мне, Иван Федорыч, фунтик маслица, там какое-то финляндское есть…

– Есть, есть, Ольга Осиповна.

– Да кругленькую коробочку селедочек маринованных. Вчера муж брал.

– Знаю-с, вчера Михаил Провыч брали…»

Магазин был роскошной визитной карточкой торгового дома Елисеевых. Его создатели интуитивно нащупали способ ведения дела, который в наше время назовут «клиент-ориентированным». Все продавцы прекрасно разбирались в товаре, была развита система воспитания и поощрения

персонала, работа у Елисеева считалась одной из самых престижных и высокооплачиваемых. Редкостные коллекции вин удостоились золотых медалей на парижских выставках 1892 и 1900 годов, а сам хозяин – ордена Почетного легиона.

Еще два магазина, подобных московскому, Григорий Григорьевич открыл в Санкт-Петербурге и Киеве.

Парадоксы любви

В 1913 году было широко отпраздновано столетие торгового дома Елисеевых, оборот которого составил несколько миллиардов американских долларов. И никто тогда даже предположить не мог, что весь этот идеально налаженный тремя поколениями купцов Елисеевых безупречный механизм застопорится всего лишь через год. Упорный, настойчивый в деле, Григорий Григорьевич оказался столь же упрямым и непримиримым в любви, которая, как солнечный удар, обрушилась на него как раз в это время и перевернула жизнь всей большой семьи. К 1914 году у пятидесятилетнего Г.Г.Елисеева и его жены Марии Андреевны Дурдиной было шестеро детей – пять сыновей и четырнадцатилетняя дочь Маша. Мария Андреевна происходила из купеческого сословия. Семьи Дурдиных и Елисеевых дружили между собой. На дружеской основе был заключен и брак между молодыми людьми. Согласие и уважение царили в семье, последовательно поднимавшейся «наверх» и наращивавшей родовое богатство. В 1910 году Мария Дурдина и младшая дочь Елисеевых Маша получили дворянство. А по случаю столетия фирмы Николай II даровал потомственное дворянство всем Елисеевым. Григорий Григорьевич был пожалован двумя орденами Святого Владимира – 4-ой и 3-ей степени. Жила эта большая семья в Санкт-Петербурге, на Биржевой улице в доме №14. Летом выезжали в имения, расположенные в Эстонии и Белоруссии, в Крыму и на Средиземном море. Безбедная, безмятежная, счастливая жизнь.

Женщину, дивная красота которой поразила Григория Григорьевича в самое сердце, звали Вера Федоровна Васильева, она была женой купца второй гильдии, занимавшегося продажей ювелирных изделий. Было ей 30 лет, и на пылкую любовь Елисеева она ответила взаимностью. О том, как выглядел примерно в те годы Григорий Григорьевич, есть небольшое упоминание у того же Гиляровского: «В зале встречал гостей стройный блондин – Григорий Григорьевич Елисеев в безукоризненном фраке, с «Владимиром» на шее и французским орденом «Почетного легиона» в петлице».

Пожар любви, разгоревшись в одночасье, стремительно начал свою разру-

шительную работу по уничтожению всех препятствий для этого всепоглощающего чувства. Первой развелась с мужем Вера Федоровна. Тут же влюбленные, отбросив всякую осторожность, стали открыто появляться в обществе, ездить за границу. На просьбу мужа дать ему развод Мария Андреевна ответила категорическим отказом. Супруг сулил ей любые отступные, но она гордо ответила: «Я свою любовь не продаю!». Крах семьи Мария Андреевна восприняла как крах собственной жизни в полном смысле этого слова. Она совершила попытку самоубийства, бросившись в воду. Ее спасли. Вторично она попыталась уйти из жизни, перерезав себе вены. Ее опять спасли. Третья попытка удалась. 1 октября Мария Дурдина повесилась на полотенцах. Событие это широко обсуждалось в Москве, и в народе по-своему интерпретировали трагедию, мифологизировав поступок брошенной жены в почти былинном причитании – «удавилась собственной косой».

Не прошло и трех недель со дня смерти жены, как Григорий Григорьевич венчался с Верой Федоровной в одном из своих южных имений. Этот его поступок стал последней каплей, переполнившей чашу терпения детей. Они порвали с отцом всякие отношения, приняв сторону матери. В доме на Биржевой, вместе с «молодоженами», осталась жить одна Маша. Девочка училась в гимназии, и отец отправлял ее на занятия в собственном экипаже под усиленной охраной, опасаясь, что сыновья могут выкрасть сестру. Так оно и случилось. Младшие Елисеевы разыграли целый спектакль на улице, заставив карету, ехавшую навстречу экипажу с девочкой, столкнуться с ним. Пока охрана разбиралась с лихачом, из дома напротив выбежали люди и в мгновение ока затащили туда Машу. О том, что похищение готовится, девочка была предупреждена через гимназическую подругу. Оказавшись в безопасности, она высунулась на улицу из окна верхнего этажа и громко объявила собравшейся толпе (в присутствии предусмотрительно привезенного адвоката): «Я сама убежала! Из-за мамы!». Ни полиция, ни подоспевший Г.Г.Елисеев ничего сделать не смогли, так как дом был частным владением, войти туда никто не имел права.

Григорий Григорьевич тяжело пережил

распад семьи и сопровождавшие его трагические события. Он начал пить, бросил заниматься делами, передал бразды правления в третьи руки. До самой революции длилось судебное разбирательство, касавшееся похищения дочери купца Елисеева. А в 1917 году события приняли уже вовсе крутой оборот для всей страны, и отодвинули эту частную историю на второй план. Имущество Елисеевых национализировали, Григорий Григорьевич с женой бежали за границу. Часть капиталов предусмотрительно была переведена туда же. Супруги прожили в любви и согласии еще почти 30 лет на вилле в предместье Парижа. Подробности этой «второй части» их жизни неизвестны. Ясно только, что была она гораздо более благополучной, чем жизнь большинства эмигрантов из России, оказавшихся за рубежом «без кола, без двора». Двое сыновей Елисеева, в свою очередь бежавших за границу, отношения с отцом так и не наладили, судьба оставшихся в России незавидна: двоих из них расстреляли.

Григорий Григорьевич пережил свою жену, умершую в 1946 году, на три года, и скончался в возрасте 85 лет*. Супруги похоронены на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. И больше никто из многочисленных потомков Елисеевых, в основном живущих за пределами России, торговым делом не занимался.

Так закончился этот столетний путь наверх – из крепостных в миллионеры – семейства купцов Елисеевых. Почему, несмотря на не самый оптимистический конец этой истории, нам представляется, что все-таки это был путь наверх? Потому что в результате победили не деньги, не расчет, не гордыня, и даже не беспримерной силы социальный катаклизм, а любовь – чувство нематериальное и беззащитное, но гораздо более важное, чем все сокровища мира и даже смена эпох и стран. Творческий потенциал рода Елисеевых выразился одинаково сильно в созидании как материальном, так и духовном, и, хотя последний этап был разрушительным, одновременно его можно назвать жизнеутверждающим. Ведь главная задача человека – сполна выразить себя, состояться – и в работе, и в любви. И Елисеевы осуществились до конца, во всем разнообразии страстей, свойственных роду человеческому, оставив потомкам поучительный пример своей жизни… и магазин «Елисеевский», памятником возвышающийся в центре Москвы. Теперь, узнав больше об истории этой семьи, мы посмотрим на него совсем другими глазами…

* В различных источниках существуют расхождения в датах жизни Г.Г.Елисеева. Мы придерживаемся наиболее логичного варианта.

ЦЕНТР ПОДДЕРЖКИ РУССКОГО ТЕАТРА ЗА РУБЕЖОМ

Центр поддержки русского театра за рубежом Союза театральных деятелей России создан в 2004 году по инициативе СТД РФ. Задачи, которые ставит перед собой и успешно решает Центр, – это поддержка и возрождение русского театра в странах СНГ и Балтии, сохранение русской культуры за рубежом, формирование единого культурного пространства.

Программа государственной и общественной поддержки русских театров стран СНГ и Балтии, которая реализуется Центром под патронатом Президента России, – это программа конкретной помощи русскоязычным театрам стран ближнего зарубежья. Центру удалось привлечь к работе лучших российских специалистов в области театрального искусства: ведущих режиссеров, организаторов всероссийских и международных фестивалей, руководителей творческих центров, актеров, журналистов крупнейших театральных изданий. Центр активно сотрудничает с органами государственной власти, общественными и политическими организациями, посольствами стран ближнего зарубежья в России и культурными центрами российских посольств за рубежом, национальными диаспорами.

Центр ведет работу параллельно по нескольким направлениям: это и образовательные мероприятия, и программа гастролей русских коллективов из ближнего зарубежья, и формирование постановочных групп, и фестивальная деятельность, и работа экспертов, направленная на то, чтобы выявить и проанализировать проблемы каждого театра, определить конкретные способы решения этих проблем.

По мнению создателей Центра, именно конкретная помощь конкретным театрам поможет преодолеть культурный вакуум, в котором оказались сегодня русскоязычные театры стран СНГ и Балтии, и возродить русский театр как вид искусства, как явление культуры. Русские театры в странах ближнего зарубежья способны перерасти в полномасштабные культурные центры, стать тем, что во многих странах именуется Русским Домом. Именно театры могут и должны быть местом встречи соотечественников, очагами русской культуры на всем постсоветском пространстве, – и в буквальном, и в высоком, духовном, смысле.

107031 Москва, Страстной бульвар, 10
Телефон: (495) 650 4293. Факс: (495) 650 9522
E-mail: r-theatre@mail.ru
www.cprt.ru

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ, КТО ИНТЕРЕСУЕТСЯ КУЛЬТУРОЙ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
ГАСТРОЛИ
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО
МУЗЕИ
ЛИЦА
ТЕАТР
ИЗДАЛЕКА
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МАСТЕР-КЛАСС
АРХИВ

ИНЫЕ БЕРЕГА

ЖУРНАЛ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗА РУБЕЖОМ

ISSN 1994-3768

107031 МОСКВА, СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10
ТЕЛЕФОН (495) 650 4293
E-MAIL: INIE-BEREGA@MAIL.RU